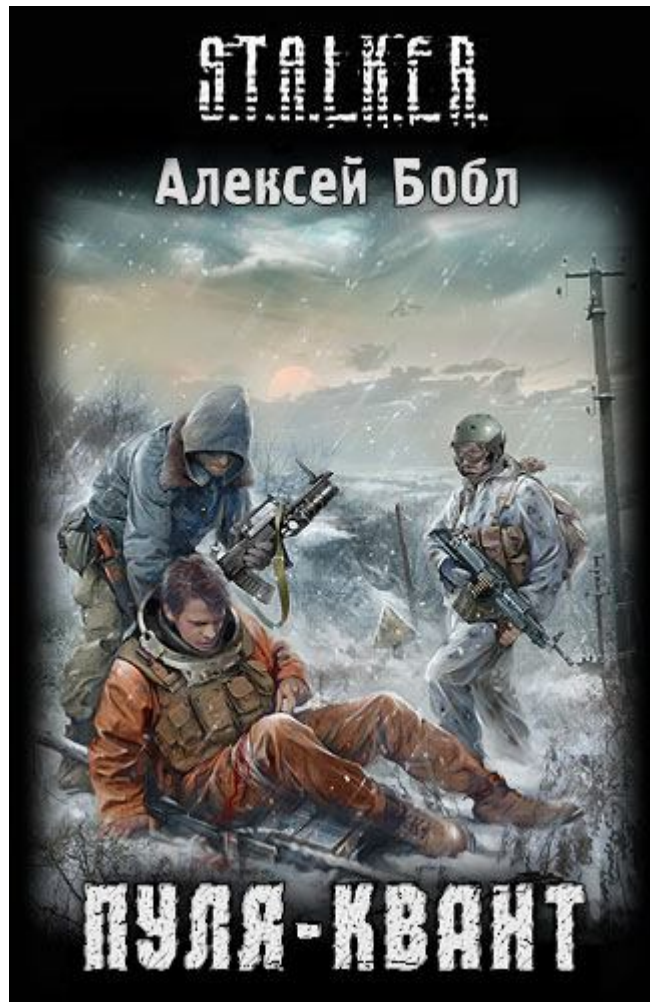

Алексей Бобл Пуля-Квант

S.T.A.L.K.E.R. № 27

Сентябрь 2009 г.

Аннотация:

В Зоне проходит спецоперация, задействованы отряды военных сталкеров, артиллерия, авиация и бронетехника. С объектов внутри Периметра проведена полная эвакуация персонала, вывезено оборудование. В круговорот событий попадает молодой ученый - Кирилл Войтковский, недавно прибывший в научный лагерь на озере Янтарь. По непонятным причинам он частично потерял память. Кто поможет ему вспомнить все? Как остаться живым в незнакомом и полном смертельных опасностей мире и выбраться за Периметр Зоны? Пытаясь найти ответы, Кирилл понимает, что он - ключ к важному эксперименту. Теперь могущественные враждебные силы охотятся на него...

Алексей Бобл Пуля-Квант

Пролог [Лабус]

Кузов тряхнуло, звякнули пустые термосы и бидоны у заднего борта. Леха чертыхнулся и сел. Грузовик катил по раскисшему проселку, превращая колею в непролазное месиво.

— Снег будет! — Леха подался вперед, голосом перекрывая шум двигателя.

Машина с натугой перла вверх по склону, по днищу молотили комья грязи. Я оглянулся — тент хлопал по заднему борту, сквозь щель мелькал редкий, припорошенный снегом подтесок.

— Не-е, — протянул я. — Откуда в Зоне снег?

— Говорю, будет. Сам увидишь.

Грузовик перевалил вершину холма и стал разгоняться. Подпрыгнул на ухабе, один бидон завалился — Леха выставил ногу и загнал емкость подлавку. Достал сигарету, не торопясь раскурил.

— Что значит «откуда в Зоне снег»? — произнес он. — Вроде ты его видел тогда, на ЧАЭС...

Не отвечая, я улегся на лавку, сунул рюкзак под голову и уставился в дыру посреди тента над головой. Снова в Зону. Прикрыл глаза — подремать, что ли... Через полчаса будем в базовом лагере. Полгода длилось следствие, все мозги нам проконопатили. Обвинений выдвинули столько, будто решили списать на нас с Лехой все, что накопилось, не раскрывалось, пылилось в сейфах под грифом «секретно». Интересно все-таки — нас вытащил кто-то из-под суда, пустив дело по хитрой кривой, разыграв многоходовку, чтобы затем как-то использовать, или так сложились обстоятельства?

Натура у человека такая — домысливать происходящее, вот я и копаюсь в памяти, пытаюсь расставить все по своим местам, всем мелочам найти объяснение... Может, зря? Но тот факт, что мы дошли до ЧАЭС — с боем дошли, — равнодушным среди высоких чинов никого не оставил. Такие фактики заминают, засекречивают, очевидцев устраняют — зачем лишняя утечка, в Зоне хватает проблем и без двух попавших в переплет военных сталкеров. А тут такое! Атомная станция, поход в центр Зоны, который на карте как слепое пятно. В штабе ОК есть только данные две тысячи шестого года, схемы коммуникаций — состояние Саркофага до второй катастрофы... Со спутников наблюдение за АЭС невозможно, вертушкам и самолетам-разведчикам в район не проникнуть — падают. Излучения какие-то там, помехи постоянные и фон радиоактивный местами очень высокий...

Кузов сильно тряхнуло, меня бросило на передний борт — хорошо, рюкзак под голову подложил, так ведь шею свернуть можно. Я кувырнулся с лавки, Леха поймал меня за плечо, не позволив растянуться на полу, и грузовик остановился.

— Пршхали, — донеслось из кабины.

— Пошли. — Напарник подхватил рюкзак, расчистил ногой проход между повалившимися емкостями, отбросил полог тента.

Я выпрыгнул из кузова — ботинки утонули в бурой жиже.

Леха первым выбрался на обочину, мы обошли грузовик и остановились. Дорогу перегородила лужа, разлившаяся аж до подлеска по краям проселочной дороги.

Распахнулась дверца с эмблемой украинского миротворческого контингента, на подножку грузовика выбрался молодой парень, пыхнув сигаретой, произнес:

— Вчора тут ще пршжджав, — он спрыгнул на землю, — зараз не ризикну.

— А в объезд? — спросил Леха.

— Не, далеко. Я горючку палить не буду, мене зам. по тылу убьет. Трясут за каждый литр.

— До базы далеко?

— Километра три.
— Пошли, — бросил мне Леха.
— А если с разгона? — спросил я водилу.
— Ні . Вже когось витягували, бачиш, як берег размесил! з того боку, — он указал вперед.
— Ну-ну, економь топливо...
— Костя!
Я обернулся. Леха уже шагал между деревьями.
— Иду, иду.
— Тягач! — крикнул мне в спину водила. — Нехай тягач пришлють!
Я отмахнулся, не оглядываясь, и поспешил вслед за Лехой.

* * *

— Супермены пожаловали, — долетело из курилки. Мы пересекали заснеженную площадку плаца на пути к штабу, единственному кирпичному строению здесь.

Когда-то тут был колхоз, но избы разобрали на дрова, коровники снесли, поставив на их месте ангары — склады ракетно-артиллерийского вооружения и техники. Лагерь батальона почти не изменился за полгода нашего отсутствия. Тот же КПП, те же полубочки — будто железнодорожную цистерну разрезали вдоль и половинки шлепнули на постаменты, оборудовав внутри спальные кубрики. Но палатки, где раньше столовались, исчезли, вместо них соорудили полукруглую конструкцию, обтянутую парусиновой тканью, рядом дымили трубы походных кунгов. Я посмотрел на часы — глядишь, и мы отобедать успеем. Пустырь за штабом, бывшее картофельное поле, превратили в аэродром, вертолетов там прибавилось. То ли нарастили ударную мощь группировки военных сталкеров, то ли лишние машины на нашей площадке стоят временно. Вертушки, кроме дежурной пары, были зачехлены.

Повалил липкий снег вперемежку с дождем. Прав Леха. Еще недельку — и будем ползать по сугробам. Это лучше, чем грязь месить. Правда, зима уже на исходе...

Мы поднялись на крыльцо штаба, напарник взялся за дверную ручку; помедлив, оглянулся.

— Пошли, — сказал я.

Леха почесал подбородок, пожал плечами и открыл дверь.

В коридоре нас встретил дневальный — из новеньких, я раньше его не видел.

— Разрешите уточнить цель вашего прибытия? Парень не знал, кто мы, как к нам обращаться. Оба в масккомплектах «Горка», за спиной рюкзаки, почти пустые — пара сменного белья да сухпай. Никаких знаков различия.

— Дежурный где? — бросил Леха.

— Как доложить? — Дневальный убрал руки с ремня и подобрался.

Я поморщился. Леха, видимо, тоже, но устав есть устав.

— Захаров, Гордеев — представиться командиру батальона.

— Дежурный по штабу, на выход! — прокричал дневальный.

Забухали шаги. Из коридора выскочил, поправляя на ходу кепку одной рукой и пытаюсь застегнуть китель другой, Коля Процев, сделал несколько шагов по инерции и остановился.

— Вы?!

— Мы, — ответили с Лехой одновременно, и напарник добавил: — Веди к комбату.

Дежурный одернул китель, сдвинул кобуру на поясе и направился к лестнице.

Половину второго этажа занимали кабинеты начальника штаба, командира батальона и каморка секретной части; вторая половина состояла из жилых помещений для офицеров штаба и хозяйственного блока.

Дверь в кабинет командира была закрыта неплотно, в узкую щель вылетали приглушенные голоса.

Коля не спешил стучаться, он повернулся к нам и прошептал:

— Начальник особого отдела группировки у командира. Может, перекантуетесь в хозблоке?..

— Докладывай, он по наши души тут, — ответил Леха. Коля посмотрел на наши грязные

ботинки, потом в

сторону лестницы. Мы обернулись — по полу растеклись черные лужицы. Дежурный пожал плечами, вздохнул:

— Как хотите, — и постучал в дверь.

— Да! — раздался властный голос командира батальона.

Леха отстранил Колю и шагнул в кабинет первым.

— Разрешите... — Он принял стойку «смирно» и, когда я застыл рядом, продолжил: — Разрешите представиться...

— Вольно. Прощай, ты чё там прячешься? — Комбат сидел в кресле за массивным Т-образным столом. Ростом командир под два метра, кулачищи у него огромные. Подковы гнет, сам видел. Скрипнуло сиденье, он оперся на подлокотник и вытянул шею.

Коля, буркнув положенное «разрешите», тоже вошел в кабинет.

Особист стоял к нам спиной и глазел в окно, скрестив руки на груди.

— Начальник особого отдела группировки улетит завтра. Подготовить спальное место, — приказал, комбат дежурному и взглянул на особиста: — Обед и ужин...

— Я как все, — отозвался подполковник, не оборачиваясь, — в столовую схожу, Сергей Николаевич.

— Понял? — Комбат посмотрел на Прощива.

— Так точно! — Коля взял под козырек. — Разрешите идти?

— Свободен.

Когда дверь захлопнулась, комбат подпер голову рукой и долго сидел молча. Особист хмыкнул:

— Смотри, чего творят, — и повернувшись к нам, кивнул в сторону окна. Непривычно он выглядел в полевой форме, я видел его только в повседневке, в кителе и брюках навыпуск.

Уловив за окном движение, я взглянул туда — на поле садились две вертушки. Это в такую-то погоду...

— На то и спецы, — произнес комбат. Особист кашлянул:

— Сергей Николаевич, позвольте?.. — Взял за спинку стул и придвинул к столу.

Этот подполковник всегда был вежлив, рассудителен, и навязанное литературой да кино мнение о том, что все особисты сволочи, никак не вязалось с его повадками, речью и тем, как он курировал наше дело. Выглядел он гораздо старше меня — лет сорок пять, может, больше. Встречались мы с ним часто, пока шло следствие. У меня сложилось впечатление, что мужик он толковый и, в отличие от следователей военной прокуратуры, которых сменилось аж трое за полгода, отнесся к нашей истории серьезно, без ухмылочек и недоверия...

Комбат сгреб со стола ключи и пачку сигарет, ухватил полевую сумку и встал.

— Захаров, что-то долго вы... — особист опять кашлянул, — добирались...

— Так нам борт не выделяли, — брякнул Леха. Комбат поравнялся с нами, показав напарнику кулачище, сказал:

— После беседы — в «строевую» за аттестатами, встанете на довольствие, получите оружие. В три часа на инструктаж к начальнику штаба, — и вышел из кабинета.

— Есть! — дружно ответили мы хлопнувшей двери.

Конвоя в коридоре не было, на первом этаже только наряд по штабу, комбат велит топтать за оружием на склад РАВ, после прибыть для получения задачи — значит, отправят в Зону с глаз долой. Но начальник особо го отдела все же прилетел, чтобы поговорить... Странно как-то все.

Подполковник с минуту таращился в стену невидящим взглядом, потом сказал:

— Садитесь.

Мы скинули рюкзаки и уселись за стол напротив офицера. Он раскрыл полевую сумку, достал вдвое сложенный файл, развернул. Тронул пальцами тонкий, как волос, шрам на левой щеке и заговорил:

— Знакомец ваш объявился. Суток не прошло, как с вас сняли обвинения. Поэтому я здесь. — Он выдержал паузу. — Формально я должен вас вывезти под конвоем, дело пойдет на следствие... Чего скили? Что, Захаров?

— Кто объявился? — спросил напарник.

— Давыдов. Показания я снимать с вас не стану — работа следователя. А вот разобраться, — подполковник качнул головой, — хочу.

Я покосился на Леху, тот с прищуром глядел на особиста.

— Да не смотри ты на меня так, Захаров, — спокойно произнес подполковник. — Вам знаешь тут сколько хлопот будет...

Он не договорил, и так ясно — нам ответ перед сослуживцами держать. Вот и решил комбат сплавить нас в Зону, убедил начальника особого отдела группировки, что так лучше.

— Дальше Зоны не пошлют, — заключил Леха.

— Верно. Вы подумайте оба. Вспомнить постарайтесь...

— Да что тут вспоминать? Поздно Давыдов объявился — где ж его мытарило столько времени? Какие к нам вопросы?

— Да вот... и я так думаю. Но объявился же.

А ведь подполковник не сказал, где обнаружили Давыдова, когда и при каких обстоятельствах, и вообще — взяли его или нет. И чего Леха на рожон лезет?

Я двинул ногой напарника по бедру, громко получилось — грязная подошва шаркнула по полу.

Подполковник усмехнулся, но вдруг скривился, тронул шрам на щеке. Поднялся из-за стола и шагнул к окну.

Леха тоже встал, шумно отодвинув стул.

— Разрешите идти?

— Свободен, — сухо сказал подполковник, не оборачиваясь.

Напарник взглянул на меня, поднял бровь.

— Разрешите личный вопрос? — Я тоже поднялся.

— Разрешаю.

— Откуда у вас шрам?

Особист удивленно повернулся, окинул меня взглядом. Я думал, сейчас пошлет не в меру любопытного военстала куда подальше, но он все же ответил:

— В Зоне еще в две тысячи девятом с контролером столкнулся, только тогда называли их не так, а по-научному... С тех пор путь туда для меня... Даже к Периметру приблизиться не могу — зубы от боли сводит. У тебя, Захаров, в башке безделушка электронная... — неожиданно переключился подполковник на Леху. — Знаю, что никчемная уже, поэтому и сказал, что безделушка. Ты вот контролеров и прочих тварей, ментально на тебя воздействующих, не боишься. А я...

Леха молча глядел на него. Подполковник заключил:

— Увы. Я даже завидую вам слегка.

Вот как, боевой офицер, значит. Чего я в душу к человеку полез? Подполковник курировал наше дело не спустя рукава — в друзья не набивался, но и надменно себя не вел, просто хотел во всем разобраться. Леха с его чипом в голове для группировки мог бы со временем незаменимым бойцом стать. Напарника моего пси-воздействие не берет из-за чипа, а особист в Зону мечтает снова вернуться. Но контролер его пометил — и теперь он к Периметру приблизиться не может. Хочет снять «проклятье» мутанта. Наверное, надеется, что и ему в голову чип прошьют или какое другое устройство, беречь моего напарника станет. Но я точно знаю: если Леха почует, что башку его вскрыть захотят для опытов, — свалит за Периметр, ищи ветра в поле.

Подполковник отвернулся. Выбил пальцами дробь о подоконник.

— Разрешите идти? — спросил я.

— Свободны.

* * *

По дороге к складам вооружения мы с Лехой разругались.

— Да пойми ты, Костя! Я ему нужен только как инструмент... для опытов.

— Согласен.

— Но не пой мне про офицерскую честь.

— А вот тут ты не прав, — в третий раз повторил я.

— Да иди ты, — отмахнулся Леха и ускорил шаг.

Я не спешил догонять его. Мысли спутались в голове — я ведь и сам в кабинете у командира целое умозаключение насчет особиста вывел... Ладно, не важно это все сейчас.

Напарник остановился у ангарной пристройки, закурил демонстративно у окна, забранного решеткой. Когда я подошел, в стекло кто-то уже гневно стучал, требуя прекратить курить в неположенном месте. Кто за окном, толком было не разглядеть — в глазах рябило от снега и бликов.

Леха выбросил сигарету, поймал меня за рукав у двери:

— Извини, Костя...

Я кивнул и вошел в пристройку. Страхнул с куртки мокрый снег, потопал ботинками. Из дежурки раздался голос:

— Конечно, для десантников правил не существует. Леха шагнул к «клетке», сунул руку в узкое окно, но прапорщик-вооруженец отскочил, опрокинув стул. Напарник распрямился:

— Ты что-то имеешь против воздушно-десантных войск?

— Много чего.

Я обернулся на голос. Пристройка соединялась со складом РАВ коротким коридором, там маячили две крепкие фигуры, позади толпились еще десятка полтора человек. Группа спецов с тех самых вертушек, что вернулись на базу в непогоду, — они сдавали боеприпасы. В полутьме коридора лиц не видно.

Леха сбросил рюкзак и огляделся, оценивая обстановку. Я расстегнул грудную перемычку, освободился от лямок.

Что ж, драться так драться. По-другому тут никому ничего не докажешь, да и не надо. Дверь в пристройку распахнулась.

— Отставить! — рыкнул командир батальона. Пригнувшись, он шагнул внутрь.

— Смирно! — прокричал прапорщик из «клетки», вытянувшись и расправив плечи.

— Вольно. Вторая группа, боеприпасы сдали?

— Так точно!

— На выход.

Я шагнул к стене, освобождая проход. Вскоре склад опустел, только за столом копошился солдатик из наряда, да прапорщик стоял не шелохнувшись.

Командир протянул руку:

— Бумаги.

Мы достали ведомости. Он сунул их в окошко, бросил нам с Лехой:

— За мной.

Комбат лично проверил оружие и средства связи на исправность, придирчиво осмотрел цинки с боеприпасами, не сорваны ли пломбы с цилиндров армейских «сборок». Затем похожая процедура повторилась на вещевом складе, где мы получили новенькие двусторонние масккомплекты и разгрузки. Я доложил комбату, что в аптечке все согласно описи, срок давности препаратов не истек. Покидав патроны, ПДА и амуницию в рюкзаки, вышли на улицу.

Командир достал пачку сигарет, предложил Лехе:

— Кури.

— Спасибо.

— Пообедаете в Зоне. В дежурке у Процыва переоденетесь и на инструктаж к начштаба. Позывные прежние, вас включили в общую сеть. Желаю удачи.

Комбат пожал нам руки и направился в столовую.

Мы с Лехой посмотрели друг на друга. Вот так. Здравствуй, Зона! Не успели вернуться, как нас сразу «в поле» посылают, от греха подальше. Как вернемся с задания — может, уже и уляжется все. А нет... да и черт с ним, разберемся. Дальше Зоны не пошлют.

Часть первая УЧЕНЫЙ [Кирилл Войтковский]

Глава 1 ВОЕННЫЕ СТАЛКЕРЫ

Сознание медленно возвращалось. Кончики пальцев покалывало, болели бока, ныл затылок. В голове возник образ голубого шара, затем вспышка — и темнота. Рядом заскрипел снег. Кто-то сделал несколько шагов и остановился. Я попытался разлепить сомкнутые веки — усилие отозвалось резкой болью в висках. Раздался уверенный голос:

— Ну и какого черта ты вообще здесь делал?! Снова захрустел снег, будто человек переминался с ноги на ногу.

— Да чего?.. Я это... случайно, — пробубнил другой голос.

— Ты нам лапшу не вешай. Все вы такие, — в разговор вклинился третий. — Все вы тут... случайно. Через Периметр прошел случайно, заблудился тоже случайно.

— Обожди, — перебил первый.

Гулкий звук близких разрывов заставил вздрогнуть. Ощувив легкую вибрацию земли, я приоткрыл глаза.

Сквозь запотевшее стекло шлема виднелась маленькая поляна: кругом белые сугробы, между ними кривые ветки кустов, бурые листочки колышутся на ветру. Редкие деревья, дальше непроходимая чаща. Хотя нет, вон натоптанная тропинка бежит к черной полоске трассы. Где я? Похоже, сижу, опершись спиной на ствол дерева. Наверное, я в себя пришел от холода. Легкий озноб пробирает поясницу.

В нескольких шагах, сложив ноги по-турецки, лицом ко мне сидел незнакомый парень. Крепкий, руки за спиной — связаны, что ли? Одет пестро: армейские ботинки, брюки цвета хаки и синяя куртка из плотной ткани, как у летчиков, а на голове черная вязаная шапка. Половину лица скрывают высокие борта мехового воротника.

По сторонам от парня стояли двое. В белых, с черными вкраплениями маскхалатах и разгрузочных жилетах, из-под капюшонов выглядывают края легких шлемов, широкие очки сдвинуты вверх — матовое стекло переливается легкими золотистыми оттенками. У подбородков отчетливо видны усики микрофонов портативных радиостанций. Стоят вполоборота: и за трассой наблюдают, и поляну контролируют. У одного на плече висит пулемет. Блестят латунные гильзы патронов в торчащей из короба ленте. Правая ладонь пулеметчика на вороненом стволе, левой разглаживает лицо. Нет — усы тербит, жесткие плотные усы. Коренастый, невысокого роста. С пулеметом наверняка как с игрушкой управляется. Второй повыше, со штурмовой винтовкой, кажется, какая-то немецкая модель, вон магазин из прозрачного пластика, видно, что полный. Оружие на груди, стволом вниз. Над ствольной коробкой колиматорный прицел, дополнительная рукоятка под цевьем и тонкий фонарик.

— Где оружие бросил? — спросил второй. Изо рта его вырвался пар.

Я почему-то решил, что сейчас утро — обычное морозное утро. Мыслей в голове не было никаких, лишь гулкая пустота.

— Безоружный я, — огрызнулся парень.

— Безоружный, говоришь? — Усатый хмыкнул. — Я сейчас метров сто вдоль трассы пройду по твоим следам и найду что-нибудь очень похожее на АКМ. А где-нибудь неподалеку — жилет разгрузочный, контейнер для артефактов, или что там у тебя... рюкзак?

— Иди ищи! — Парень глубже втянул голову в плечи, над воротником остались только щелочки глаз.

Лесную тишину вновь разорвала канонада, и с веток на незнакомцев посыпался снег, накрыв троицу белым облаком. Тот, что повыше, с винтовкой, — я почему-то решил, что он

командир, — отступил на шаг и мотнул головой.

Череду взрывов продолжил огонь из стрелкового оружия. Несколько раз простучал крупнокалиберный пулемет, и все стихло.

— Близо, — произнес усатый раздумчиво. — Но в радиообмене никакой паники. — Он повернулся, поправил у виска маленький диск наушника.

— Похоже, арткорректировщик неплохой. Грамотно действует. А минометчики сектора пристреляли давно. — Командир убрал винтовку за спину, несильно пнул парня ногой в бок и присел на корточки. — Хватит борзеть. — Он слепил небольшой снежок и кинул в пленника.

Тот дернулся, фыркнул.

— Что ты думаешь, — вклинился усатый, — мы не найдем нычку? Снег всю ночь сыпал. Ты в пути часа два от силы, все сбросил при подходе к Периметру. Отсюда до второго заградительного кольца пара километров. Прикопал ты все возле трассы, я даже ориентир сейчас навскидку скажу, хочешь?

Парень только отвернулся. Заговорил командир:

— И я на сто процентов уверен, что не будка старого блокпоста для тебя ориентир, а дренажная труба, которая шагах в двадцати в дорожную насыпь врыта. Еще ручеек там течет к северу в лесу. — Он встал, повел плечами, разминаясь, несколько раз присел и продолжил: — Там, где у насыпи склон пологий, конец трубы указывает на одинокое сгоревшее дерево. Это почти у границы леса.

Парень угрюмо склонил голову, только шапка осталась над воротником.

— Там и ориентиры не нужны. По следам сейчас легко найти, — вставил пулеметчик. Он снял с пояса кружку-термос, свинтил крышку, принялся, со смаком выдохнул и пригубил напиток.

Я попробовал пошевелить рукой, но мышцы не слушались. Ног я почти не чувствовал, во рту пересохло. И заговорить не получилось — удалось лишь слегка разлепить губы. Неужели медблок, встроенный в костюм, неисправен?

Сферическое стекло шлема сильно запотело. Рядом с левым глазом на мини-мониторе мерцал индикатор анализатора жизнедеятельности организма, зеленый огонек мигал с секундным интервалом. Значит, я в порядке? Но почему тогда не могу пошевелиться?

Что же все-таки случилось? Почему я здесь? Кто эти люди?

Усатый протянул кружку командиру, тот взял и отпил. Ужасно захотелось глотнуть этого горячего... что там у них — кофе, чай? Да что угодно, лишь бы смочить горло! Я через силу разинул рот, хрипя, пошевелил рукой и завалился на бок.

От смены положения накатила тошнота — успел лишь заметить подбежавшего человека в маскхалате, и окружающее расплылось. Кто-то коснулся плеча, а потом сознание провалилось в черную бездну...

Во второй раз из небытия меня выдернули прямо в аду. Грохот, вой, земля вздрагивает, сверху сыплются ветки. Рядом шарахнуло, меня подбросило, обдав волной горячего воздуха, и швырнуло лицом в снег. Я зафыркал, выплевывая его, щеки обожгло холодом. Попытался встать на колени, но кто-то придавил сверху, прорычав:

— Лежи, дурак!

Я повернул голову, чтобы не задохнуться, и увидел основание толстого дерева. Еще один взрыв — где-то дальше, и тут же совсем близко, в нескольких шагах.

Прижавший меня к земле человек вскочил. Сильные руки схватили меня за плечи, дернули; сквозь звон в голове долетел голос:

— За мной! Не отставать!

Оскальзываясь, я встал на колени, и взгляд уперся в широкую спину парня в летной куртке. Обернувшись, он повторил:

— За мной!

Я выдохнул, поднялся. Звон в ушах исчез — обстрел прекратился.

По сторонам от тропинки зияли глубокие воронки: перемешанные со снегом комья земли, пожухлая трава, сломанные ветки — словно экскаватором прошлись. За стволом поваленного дерева, нависшего над тропой, мелькнула фигура в маскхалате, с рюкзаком в белом чехле.

Было тихо, я слышал лишь приглушенный хруст плотного наста и шуршание ткани костюма. Парень нырнул под упавшее дерево, выпрямился, побежал дальше. Меня толкнули в спину, я пузом налетел на преграду, перчатки заскребли по обледенелой коре. Еще толчок — и я кувырнулся, как на перекладине, упал, широко раскинув руки. Ствол дерева над головой качнулся, сверху возник человек, тот, кого я про себя окрестил командиром, с немецкой штурмовой винтовкой в руках.

— Идиот, ты еще помечтай! — Спрыгнув на тропу, он помчался, не оглядываясь.

Я вскипел от возмущения — толкнул, да еще обзывается! — но быстро встал и поспешил следом.

Тропинка привела к трассе, пулеметчик первым взобрался на дорожную насыпь. Перехватил оружие, прислушался, сделал непонятный жест и пересек дорогу. Следом — парень в летной куртке, потом мелькнул командир.

Троица скрылась за обочиной — а я поскользнулся и растянулся в паре шагов от подъема.

— Умник долбанный! Где ты там?!

— Упал! — крикнул я.

До меня долетел приглушенный смешок, затем шлепок и тихий приказ:

— Ты мне тут еще посмейся, давай за ним — не отставать!

Я поднялся. Снег с дорожной насыпи осыпался и оголил заледенелую землю. Насыпь невысокая, в половину человеческого роста, но скользкая. Когда я уже собрался шагнуть в сторону, высматривая место, где снега побольше, сверху скатился парень. Дернул меня за рукав и рывкнул:

— Куда?! За мной, след в след — жарка справа висит!

Я повернул голову и схлопотал пощечину. Задохнулся от негодования и уже разинул рот, чтобы высказать парню все, что о нем думаю, но услышал его голос:

— Если сейчас не пойдешь за мной, я тебе шею сверну! Не будешь слушаться — шею сверну. А сделаешь шаг в сторону, в аномалию вляпаешься — сдохнешь.

Он ловко вскарабкался наверх, присел вполоборота, протянул руку:

— Быстрей!

Я понял, что шутки кончились, и ухватился за его ладонь.

Перебежав на другую сторону, увидел две бредущие по дну придорожной канавы фигуры в маскхалатах. Снега намело прилично, но двигалась пара уверенно. На ногах снегоступы, второй шел след в след, не оборачиваясь. Почему бы не пойти по дороге? Видно же, что там недавно чистили — широкий след ковша грейдера или какой-то другой машины, кое-где асфальт проступил, наезженная колея, крупинки разбросанного реагента... Даже небольшие лужицы талого снега образовались.

— Хочешь жить, марш за мной!

Мелькнула спина в синей куртке — парень спрыгнул в канаву и пошел по следам пары в маскхалатах.

Я поспешно выполнил команду. Вовремя. Возник нарастающий вой, пара впереди замерла на секунду, первый махнул рукой — они пошли быстрее. Вой превратился в жуткое многоголосье, внутри все съежилось, я хотел упасть, вжаться в землю, но парень прокричал:

— Не отставай! Не...

На поляне, откуда мы ушли, стали рваться мины. Грохот взрывов слился в сплошной рев, ударил по перепонкам. Земля содрогалась. Одна мина упала на дорогу — со свистом пронеслись осколки, срезали несколько веток с деревьев, выбили щепу из стволов. Я рухнул в снег.

Да, дураком бы я был, если б кинулся по дороге догонять этих... А ведь мужики в маскхалатах — военные сталкеры! В таком снаряжении ходила охрана на Янтаре, только цвет формы другой. Ну точно: военные сталкеры.

Я поднялся, зашагал вперед. Ноги вязли в снегу. Хорошо, что канава глубокая, иначе бы осколками всего посекло. По правую руку высилась стена деревьев, по другую тянулся склон выше человеческого роста, увенчанный сугробами, — работа грейдера.

Только сейчас дошло, что иду без шлема — где он? На груди болтаются патрубки с дыхательной маской. Каждое движение отзывается саднящей болью в области сердца. Стало

быть, сработал иньектор медблока? Вот почему я могу двигаться: стимуляторы, с чем они там — адреналин? — действовали. Я шел как автомат — шаг, еще шаг, еще. Впереди маячила спина в синей куртке, над головой с воем пролетали мины. Если отстану, останусь один, попаду под летящую с неба смерть — нельзя отставать! То ли от действия стимуляторов, то ли от сильного напряжения сердце колотилось в груди, вот-вот выскочит.

Через сто метров дорога резко свернула вправо. За поворотом ничего не разглядеть, мешает плотный лес. Обстрел внезапно прекратился. Дно канавы постепенно пошло на подъем, но военные сталкеры не спешили выбираться на трассу. Пулеметчик уверенно прокладывал путь. На повороте по другую сторону насыпи высилась какая-то постройка — рыже-черные стены, перекрестие оконной рамы без стекол, дверь висит на нижней петле. На крыше из гофрированного листа жестяной поребрик и толстая шапка сугроба сверху. Под козырьком рядом висят разнокалиберные сосульки. Стены покосившегося здания сколочены из фанерных щитов, но если выкрасить их в серебристый цвет, починить дверь да вставить стекла в оконную раму, то получится сказочный домик, не хватает только печной трубы над крышей и струйки дыма.

Ага, понял я, это будка блокпоста. За ней раскинулась огромная поляна, лес обступил ее полумесяцем, в середине — частокол молодых березок, по краям — сосны вперемежку с мохнатыми елями.

Воздух наполняла влага, стало заметно теплее. С каждым шагом ступня сминала мокрый настил, а затем проваливалась в рыхлую пустоту.

Прозвучал голос пулеметчика:

— Ты кого-нибудь слышишь?

— Всё... нет связи, — ответил запыхавшийся командир. — Теперь... пока сами не обозначат себя в эфире, не узнаем, что она появилась.

— А ты не прав был... насчет арткорректировщика...

— Ну извини... Я в мозги к нему не залезу... Военные сталкеры остановились, усатый забрался на

край насыпи, присел и поднес к лицу бинокль. Медленно повернулся, осматривая поляну и лес. Тем временем командир обратился к парню в летной куртке:

— Ну, далеко ты оружие сбросил?

Мы почти догнали военсталов. Насыпь на этом участке была чуть выше колена, лес с противоположной стороны поредел. Парень помедлил — наверное, решал, говорить или нет.

— Чуть вперед за поворотом, от будки шагов тридцать, у поваленной сосны с этой стороны дороги.

— Рюкзак у тебя там или что?

Мы остановились, я тяжело дышал, разглядывая парня. Лет двадцать пять, может, чуть больше. Ох и здоровый — на голову выше командира! И какая-то неуловимая удаля чувствуется в каждом движении.

— Рюкзак, — кивнул он, — там, где ты сказал. У обгорелого дерева.

— Давай сходим, — отозвался командир и приказал пулеметчику: — Лабус, иди на другую сторону трассы, прикроешь огнем, если что. Не нравится мне этот поворот. Лес вплотную, с другой стороны поляна... Дерево видишь? Которое в стороне от других, обгоревшее?

— Ага, — ответил усатый.

— А ты, — командир посмотрел на меня, — здесь пока посиди. И никуда не ходи. Если захочешь пи-пи, то в штаны.

Как-то он это мягко, но с подтекстом сказал. Губы растянул в улыбке: ямочки на щеках, курносый, карие глаза. На вид лет тридцать. Улыбка исчезла.

— Понял?! — рявкнул он.

— Да, так точно, — вырвалось помимо воли.

— Лабус, под твою опеку этого умника оставляю.

— Ладно. — Пулеметчик покосился на меня. Он был постарше, где-то под сорок. В глазах хитринка, морщинки у век. — Не шали тут без меня, — велел он и побежал на другую сторону дороги.

Вытянув шею, я следил за ним. Лабус достиг сосны, обернулся. Теперь поляна перед ним как на ладони, да и дорога, уходящая за поворот, просматривается. Присев, военстал поставил на сошки пулемет и поднес к глазам бинокль.

Меня больно щелкнули по носу, я дернулся, прикрыв лицо рукой.

— Не высовывайся. Сиди жди. Я присел.

— Вот так, — произнес командир и кивнул парню: — Пошли.

Когда они направились прочь, я снова вытянул шею — Лабус разглядывал в бинокль обгоревшее дерево, хорошо выделявшееся на фоне молодых березок. Почувствовав мой взгляд, он, не опуская бинокля, шикнул:

— Исчезни!

Я спрятался, закусив губу. Парень с командиром скрылись за деревьями на повороте. Послышалось слабое шуршание — пулеметчик устраивался на позиции.

Сердце успокоилось, хотя пальцы еще слегка дрожали. Я стянул перчатки, поглядел на руки, прислушался к себе. В груди саднило, но это от укулов медблока, а в остальном вроде порядок.

Так что же происходит? Военные сталкеры — уже неплохо, они не бандиты и знают свое дело. Но кто и в кого стреляет из минометов? Этот молодой здоровяк — точно сталкер - одиночка. Я припомнил недавние разговоры... Кажется, прозвучало, что до заградительного кольца всего пара километров — Периметр близко. А ведь до лагеря на Янтаре на вертолете нужно добираться, он где-то в глубине Зоны находится. Как же я здесь очутился?

Я потер лицо руками. Помотал головой. Зачерпнул немного снега и умылся. Приятный холод освежил, взбодрил, но мысли все равно скакали в голове, путались. Никак не удавалось восстановить события, из-за которых я оказался в этой компании. Провал в памяти? Амнезия? Надо сосредоточиться...

После минутных усилий я довольно отчетливо вспомнил, как прибыл на военную базу, прошел инструктаж в штабе Объединенного командования. Потом мне выдали костюм ученого... А во что я сейчас одет? Оглядел себя: кислотно-оранжевая синтетическая ткань — на равнине заметишь с нескольких километров. У костюма какая-то специальная пропитка, она поглощает различные излучения, слегка подсвечивается в темноте — фосфор туда, что ли, добавлен? Нет, скорее всего дело в отдельных нитях, вплетенных в ткань. Когда я надел костюм, мне прочитали краткий курс, как обращаться со снаряжением. Затем вылет в лагерь на Янтаре. Знакомство с руководителем экспедиции, получение пропуска в полевые лаборатории сектора «В» и кодов на вскрытие дверей в убежище...

Кто-то свистнул впереди. Пулеметчик просвистел в ответ, и я услышал обрывок фразы:

— ...к будке, я за тобой.

В канаве под дорогой появился здоровяк-сталкер, следом командир. Они осторожно выбрались на трассу, перебежали к постройке и присели под стеной. Парень держал незнакомое странное оружие, я сощурился, пытаюсь разглядеть его, даже привстал на цыпочки. В висок больно стукнуло, я взмахнул руками и сел в сугроб. Потер ушибленное место. Удивленно осмотрелся и понял, что это Лабус швырнул в меня снежком, чтобы не высовывался.

Сейчас я видел только верхнюю часть будки блокпоста да край оконного проема. Стараясь не шуршать, слегка распрямился и увидел сталкера с командиром. Они оторвались от стены — военстал первым, за ним здоровяк — и направились в сторону обгоревшего дерева. Я вытянулся в полный рост, бросил взгляд на Ла-буса. Он лежал, изготавившись к стрельбе: палец поглаживал скобу вокруг спускового крючка, ладонь другой руки накрыла приклад.

— Еще раз высунешься, — тихо произнес пулеметчик, не поворачивая головы, — я тебя пристрелю.

Пришлось сесть.

Ну и черт с вами. Бегайте туда-сюда, а я думать буду. Я надул щеки, сжал губы. Досада и обида клокотали внутри. Как с мальчишкой обращаются! А мне уже все-таки девятнадцать, и я...

Раздалась пулеметная очередь. Я вскочил.

* * *

Командира в камуфляже удалось заметить лишь потому, что рядом шел парень в летной куртке — синее пятно на белом фоне заснеженной поляны. Между ними болтался большой рюкзак, который они тащили за лямки. Военстал, нацепивший снегоступы, двигался легко, а вот парень тормозил, тонул в снегу на каждом шаге.

Снова грохнул пулемет. Далеко у границы леса взметнулись ровным рядком облачка снега, и тогда я заметил, в кого стреляет Лабус. Из гуши молодых березок на поляну выскакивали какие-то твари, похожие издали на собак. Да это же псевдопсы, им зрение заменяет ментальный нюх... или это у слепых псов? Я припомнил строчки инструктажа: мутанты произошли от волков, охотятся крупными стаями на определенной территории. В лагере на Янтаре я как-то видел одну псевдособаку, ее тащили в клетке два лаборанта из блока... Какой же блок занимался мутантами в научном лагере?..

Вновь длинная очередь, потом далекий визг. И вдруг полумесяц из деревьев прорвало, будто перепонку между поляной и лесом. По всей длине повалили твари, передние рыхлили грудью снег, задние напирали, подминали слабых. И вся эта масса неумолимо перла к дороге, постепенно выстраиваясь клином.

Командир развернулся, бросив рюкзак, вскинул винтовку и несколько раз выстрелил. Парень присел, задрал ствол оружия высоко вверх, приклад зажал под мышкой. Тихий хлопок. Пару секунд спустя на острие атакующего клина расцвело дымное облако разрыва. Второй хлопок, третий — сталкер ловко заряжал со ствола и тут же стрелял. Я понял: у него на оружии под-ствольный гранатомет. Как-то очень уж быстро и споро он действовал для обычного сталкера, будто в прошлом имел дело с оружием...

Беглецы подобрали рюкзак и рванули к будке — взрывы привели в короткое замешательство мутантов, но через мгновение над поляной разлетелся рык вожака и твари кинулись в прежнем направлении.

Лабус длинными очередями бил по ближайшим собакам. Только сейчас до меня дошло: по границе леса снег не такой глубокий, твари там двигаются быстрее. Клин распался на два потока, и скоро они сомкнулись. Псевдособаки не боялись стрельбы пулеметчика, их как магнитом тянуло к двум убегающим людям, а те двигались к будке блокпоста... Может быть, мутанты тоже стремятся туда — или все же преследуют беглецов?

Я закусил губу, наблюдая за происходящим.

Пулемет смолк, Лабус перезарядил его и вновь открыл огонь.

Сталкер с командиром приближались к будке. Бросили бы этот чертов рюкзак, тяжелый же! Я снова окинул поляну взглядом и, не выдержав, закричал:

— Мы им не нужны! Они к будке бегут, сворачивайте!

Крик утонул в звуке выстрелов, я замахал руками. Подпрыгнул — меня должны заметить, оранжевый костюм виден издали! Взобравшись на насыпь, я встал в полный рост на дороге, набрал полную грудь воздуха, хотел вновь крикнуть — и тут за спиной натужно проревел клаксон, а затем послышался нарастающий шум мотора.

Обернувшись, я увидел машину с ковшом впереди, слегка развернутым вправо по ходу движения. Массивная кабина цвета хаки, лобовое стекло закрыто металлической сеткой. Машина приближалась на приличной скорости, я попятился, рванул через дорогу к Лабусу. Тот, прекратив стрелять, развернулся к грузовику. Привстал, вскинул пулемет. Водитель ударил по тормозам, машина пошла юзом по скользкой дороге, задний мост занесло к обочине, застопорились широкие, с крупным протектором колеса. Вместо кузова на раме был смонтирован в форме цистерны бункер, под брюхом вращалась в бешеном темпе щетка. Да это же тот самый грейдер, что очистил дорогу от снега и полил реагентом — какой-то армейский вариант.

Не докатившись пары метров до нас с Лабусом, грузовик встал, пшикнул сжатым воздухом и затарахтел на холостых. Сзади из-под бункера летела мелкая крошка реагента, которую разбрасывал вертящийся диск.

Дверца открылась, наружу высунулся лопоухий парнишка в военной форме, крикнул:

— Валите сюда! — И махнув рукой, скрылся в кабине. Что-то скрежетнуло, грузовик дернулся и поехал.

Я обернулся к Лабусу. Он забросил пулемет за спину и пронзительно свистнул.

— Курортник, карета подана!

Парень и военстал были уже близко. Мутанты неровным строем ломились, взрыхляя снег, к будке блокпоста — плакал мой сказочный домик, сейчас они раздавят хлипкую постройку и... Вот черт, они же нам путь перережут!

Подбежавший Лабус толкнул меня в плечо.

— Чего мечтаешь? Быстро в кабину!

Я перебежал дорогу перед машиной, увидел раскрытую дверцу, вскочил на подножку и влез на широкое сиденье. Внутри было тепло, пахло солярой и машинным маслом. Лопухий водитель, бросив на меня быстрый взгляд, опять уставился вперед.

— Звщки ж ви таю?

Я уже собрался задать ему такой же вопрос, но на подножку со стороны водителя запрыгнул Лабус и прокричал:

— Веди плавней, подберем еще двоих! Я на крышу.

— Зробимо.

Нос паренька обсыпали канапушки, волосы рыжеватые, кисти тонкие, как и пальцы... я бы сказал: музыкальные пальцы, не шоферские. На плече нашивка украинского миротворца.

Защелкали выстрелы — это Лабус с крыши открыл огонь из пулемета.

— Ого! — воскликнул водитель, заметив наконец прущих наперерез машине мутантов.

На дорогу выбрался командир, за ним с огромным рюкзаком за спиной бежал сталкер. Военстал обернулся и швырнул гранату. Они перебежали дорогу, машина едва не задела их ковшом. Грохнул взрыв. Распахнулась дверца, сначала внутрь полетел рюкзак, затем влез сталкер, и я вжался в сиденье. Рюкзак придавил ногу, кабина сразу стала очень маленькой, в плечо уперся ствол, пахло порохом.

В окошке на дверце мелькнуло лицо командира, который одной рукой держался за штырь бокового зеркала. Сквозь стекло донеслось:

— Гони!

Кивнув, лопухий потянул рычаг коробки передач. Раздался скрежет, кабина дернулась, натужно взревел двигатель, и машина поехала быстрее.

По крыше кабины несколько раз стукнули — это командир забрался наверх. Пулемет больше не стрелял. Волна черных тел накатила на будку блокпоста, та накренилась, шапка сугроба поползла вниз. Фанерная стенка не выдержала, сломалась. Несколько тварей выскочили на трассу, мелькнули оскаленные уродливые морды, ковш смел мутантов на обочину.

За поворотом открылась прямая дорога между двумя рядами высоких стройных тополей.

— Ха! — воскликнул водитель. — Отак ми їх!

Рано он обрадовался. Справа взметнулось черное облако взрыва, и тут же в метре от ковша гроыхнул второй. Вдоль дороги стали рваться мины, грузовик подбросило, лобовое стекло треснуло под ударом взрывной волны, хотя мелкая сетка над ним задержала осколки. Паренек дико закричал, я увидел, как он откинулся назад, из шеи брызнула кровь. Через разбитое боковое окно в кабину ворвался ветер.

— Газ не отпускай! — выкрикнул сталкер.

Он навалился на меня, подмял, дотянулся до руля. Одной рукой вцепился в него, второй перехватил за шею лопухого, пытаюсь зажать рану. Я оторопело глядел на них, не в силах пошевелинуться. Какой-то ступор начался — будто и не я это, не со мной все происходит.

Лопухий надрывно всхлипывал, сквозь крепкие пальцы сталкера просачивалась кровь и стекала по руке.

— Только не отпускай! — повторил сталкер. Взрыв. Машину сильно потрянуло. Еще один — где-то сзади.

Грузовик набрал приличную скорость — мы вроде бы выскочили из опасной зоны, но тут раздался оглушительный грохот. Машину подбросило, навстречу прыгнула белая колея с пятнами асфальта. Мир крутанулся, боль пронзила левую ногу. Хрустнуло и прогнулось лобовое стекло, в нос ударил едкий запах гари, и я врезался головой в металлическую сетку.

Глава 2

ПРИГОРШНЯ

Как зовут тебя, парень? — Кирилл, — отозвался я. — Вы же знаете. — Фамилия твоя?.. — Григорович застыл в кресле, склонившись над какой-то бумажкой.

Единственный стол в лаборатории руководителя научного блока «В» стоял под стеной у входа. Над плоским монитором висел список, испещренный пометками: галочки красного цвета, росчерки синим, выделены цифры дат и времени. Справа от монитора маленький глобус. Я слышал, что начальники нередко окружают себя символами, те навевают соответствующие мысли, создают некий фон и настрой. Глобус скорее всего связан с восприятием мира, только в каком ключе — трудно догадаться. Перед башенкой системного блока красовалась миниатюрная фигурка девочки-ниндзя. Я про себя улыбнулся — красивая игрушка, видимо подарок от каких-то восточных коллег.

Поежившись, я переступил с ноги на ногу. Входная дверь не имела доводчика, в комнате тянуло сквозняком. На двери висела табличка с призывом закрывать дверь плотнее, но это не помогало, людям было не до того. Персонал готовился к эвакуации, лаборанты и научные сотрудники шастали туда-сюда, демонтировали со стендов и выносили оборудование.

Руководитель сектора распрямил спину, повернулся к монитору. Там крутилась заставка: по синей плоскости бегал человечек с ружьем — должно быть, сталкер. Большая голова, маленькие ручонки и ножки... За сталкером гонялось какое-то чудо-юдо. В итоге монстр догнал человечка и сожрал. Спустя пару секунд сталкер возродился уже на красной плоскости, почесал башку в раздумьях, помялся на месте и побежал по горизонтали. На пути вспыхнуло желтое пламя и поглотило беднягу. Через некоторое время мульт повторился, теперь на человечка упал невесть откуда взявшийся кубик, потом он провалился в невидимую яму. Всякий раз на экране появлялась надпись крупными белыми буквами: «СЕМЕЦКИЙ — ЖИЗНЬ ФОРЕВА».

— Войтковский моя фамилия.

— Ага. — Ученый почесал макушку.

Поверх защитного костюма Григорович накинул ватник, такая непривычная комбинация одежды вызывала улыбку. Он бы еще валенки и ушанку нацепил.

Дверь распахнулась, внутрь заглянул военстал — командир смены охранения:

— Сергей, даю твоим зайцам еще полчаса времени, чтобы свернули все работы в четырнадцатой лаборатории. Вертолет ждать не будет!

Григорович повернул голову к двери. Прямой нос, резко очерченные скулы, на щеке полоска пластыря. Он отложил листок — я только сейчас заметил, что кисть забинтована, — снял очки и заговорил:

— Отмель, ты прекрасно знаешь, что в моем блоке меньше людей, чем у остальных. — Поежилась от холода и, дотянувшись до масляного обогревателя, щелкнул тумблером. — А я должен завершить не только демонтаж ценного оборудования, но и монтаж установки! А...

— А это кто? — Отмель кивнул в мою сторону. — Напомни...

— Дверь прикрой. — Григорович взял со стола отложенный лист. — Холодно. Его вчера прислали.

С ума они там, в Кривом Роге, сошли — парню девятнадцать.

Офицер шагнул внутрь, затворил дверь. Высокий, широкоплечий, на поясе кобура с пистолетом, на жилете ровным рядом кармашки с магазинами, пара сигнальных ракет и Г-образный фонарь. Какая-то едва уловимая точность в каждом движении, легкая аура агрессивности — от офицера веяло уверенностью. Хотелось вытянуться по стойке смирно, щелкнуть каблуками...

Я подобрался. Взглянул на длинные пустые стеллажи вдоль серых стен. Сейчас научный блок напоминал пустой склад. Мусор на полу: обрывки проводов, куски картона, в дальнем углу корпус неизвестного мне агрегата — брезентовый Полог сполз, обнажив выпуклый дисплей, разлинованный сеткой, верньеры настройки с белыми цифрами на шкалах.

Дверь распахнулась, вошли двое.

— Сергей Константинович, мы... — первый кивнул на агрегат в дальнем углу.

— Забирай скорее, — велел Отмель, прежде чем Григорович ответил, и отошел к стене, чтобы не мешать, присел.

— Забираем.

— Дверь закрывай, — раздраженно добавил Григорович.

Офицер стянул вязаную шапку, положил на колено и стряхнул талый снег. Взырошил волосы, поправил усик микрофона, прижал наушник пальцами — видимо, слушал какое-то сообщение. Брови сдвинулись к переносице, губы сжались.

— Да, Карп, добро на посадку. Я в блоке «В», буду через три минуты, без меня не начинай.

— Отмель зыркнул на меня, перевел взгляд на Григоровича. — Аномалия?.. Руку как повредил?

— А, это... — Григорович покрутил у лица забинтованной кистью. — В системном блоке ковырялся, повернулся неловко, он на пол полетел — я ловить...

— Ага, а лицо? Бандитская пуля? — Отмель усмехнулся.

— Нет, — серьезно сказал Григорович, нацепив на нос очки. — Когда брился. — И снова уткнулся взглядом в листок на столе.

— Ладно, Сергей Константинович... — Отмель поднялся, постучал по циферблату наручных часов. — График... график срываешь. Орлов со своими через час улетает, а твои до сих пор шастают по лагерю. Вот бери этого мальца и грузи свою четырнадцатую. У тебя двадцать минут еще, не более. Третий борт на подлете, а у меня площадка занята. Чтобы всех отправил, кто в проекте не задействован. Все, начинай!

— Да какого!.. — Григорович в сердцах хлопнул по столу, листок выскочил из пальцев, вспорхнул в воздух. Фигурка девочки-ниндзя, подпрыгнув, закачалась, ученый нервно подхватил ее, поставил на место. Потом запахнул полы ватника, сгорбился и сказал: — Пойми ты, мне контрольные измерения снять необходимо, монтаж прервать не могу, а у меня зарядника нет. Когда и кто его доставит?..

Послышался шорох, я обернулся. Лаборанты тащили агрегат между стеллажами, волокли по полу с хрустящим звуком, словно по крошке битого кирпича. Пришлось посторониться, привалиться плечом к стойке...

— ...вот так, — донеслось издалека.

Резкая боль пронзила колено. Я заорал, взмахнул руками и сквозь слезы разглядел перед собой добродушное лицо.

Сталкер-одиночка. Из распахнутого ворота куртки струится пар.

В голове пронеслись последние события: взрывы, кабина грейдера, полчища псевдособак, лопоухий водитель и кровь, толчками выходящая из его шеи.

Сталкер смотрел внимательно. Белобрысый — шапку куда-то дел. На лбу шрам, оставшийся от плохо обработанной раны, с шестью красноватыми точками — следами скобок. По одной щеке размазана копоть, на второй свежая ссадина. Он широко улыбнулся:

— Жить будешь. Колено из сустава выскочило, я вправил. Правда, бегать сможешь не скоро.

Я сглотнул. Сталкер подсунил флягу, и я жадно отпил. Горло обожгло, дыхание перехватило. Спирт! Я выпучил глаза, жесткая ладонь вложила мне в разинутый рот горстку снега. Сразу полегчало.

— Как зовут тебя, парень?

— Кирилл... Войтковский, — сказал я, отдышавшись, и осторожно добавил: — Будто не знаете.

— Откуда? — удивился сталкер. — Чего растерялся?

— Так... просто, — пробормотал я, обдумывая все, что привиделось в бреду.

— Оклемался? — Подошедший Лабус присел рядом. — Да, дела... — Он смотрел на мою ногу и разглаживал усы.

— Что? Что там?! — Я попытался сесть.

Боль опять прострелила колено. Кладнув зубами, я откинул голову, закрыл глаза, сдерживая стон.

— Тихо, тихо, — сказал Лабус. — Пригоршня, надо шину наложить.

— Сейчас сделаем.

— Черт! Курортник, у нас «трехсотый», его бы за Периметр, в базовый лагерь.

Из-за боли их голоса казались гулкими и отдавались в голове коротким эхом.

— Хреновая ситуация, — определил пулеметчик.

— А у меня вообще дежа-вю, — прозвучал откуда-то сверху голос командира. — Ничего не напоминает? А, Лабус? — Раздался звук осыпавшихся камушков, шаги.

Лабус согласился:

— Есть такое дело, напоминает.

Как много имен прозвучало... Курортник — видимо, командир. А Пригоршня — этот белобрысый со шрамом, сталкер-одиночка.

В голове окончательно выстроилась череда событий, связавшая меня с новыми знакомыми.

Я открыл глаза. Взгляд уперся в бетонные потолочные плиты, треснувшие, с плохо зашпаклеванными линиями стыков. Покосился вправо — рядом глухая стена с выбоинами в штукатурке, обнажившими кирпичную кладку. Под стеной — внушительных размеров рюкзак, к боковому кармашку липучками прихвачен металлический цилиндр сантиметров пятнадцати в длину, в аккурат под набалдашниками на концах, чтобы не выпал при ходьбе. Возле рюкзака лежит необычное оружие — автомат с подствольником, но спусковая скоба одна, и магазин из приклада торчит. На полу портплед с гранатами и подсумок, обмотанный широким кожаным ремнем. В углу из кирпичей сложено некое подобие мини-печки, стены в копоти, на полу остатки золы. Я повернул голову влево и увидел Курортника. Плечо забинтовано поверх маскхалата, бурое пятно расплывается на повязке. Другой рукой командир придерживал висевшую вдоль бедра винтовку. Он напоминал Отмеля, старшего смены охраны в лагере на Янтаре — те же движения, та же едва уловимая точность, все выверено, и легкая аура агрессивности. За спиной военстала несколько оконных проемов — видимо, через один из них он и проник внутрь. В окнах маячил покосившийся забор, за ним — кустарник, лес, все это за пеленой снега.

Посреди помещения высился сугроб, я снова взглянул вверх и увидел дыру, расчерченную кривыми прутьями арматуры. Сквозь нее падали снежинки.

Почему-то вдруг в душе возникло ощущение уверенности: эти люди мне помогут, они не бросят... Никогда не думал, что судьба близко столкнет с военсталами, что вообще в Зону попаду!

Вставший передо мной Лабус наклонился, коснулся моей шеи, нащупал пульс. Кивнув, сказал:

— Сейчас поколдую, не переживай, малец.

— Подойдет? — В окно просунулся Пригоршня, показал длинную палку.

— Ага, — кивнул Лабус, — тащи сюды. Сталкер залез внутрь, на ходу срезая сучки армейским ножом.

— Пригоршня, ну а с тобой что делать? — заговорил Курортник. — В «Гуантанамо» ты, конечно, не желаешь. Если б я тебя не знал раньше и на Янтаре мы не встречались, то в лучшем случае сидеть тебе в карантинном секторе на демаркационной линии и дожидаться отправки в лагерь.

— А в худшем?

— А в худшем — лучше не думать, — вставил Лабус и заухал совиным смехом.

Сталкер прекратил остругивать ветку.

— И? — Он поглядел сначала на Лабуса, затем на Курортника.

— И! — передразнил Курортник. — С начальником особого отдела охота встретиться? «Гуантанамо» — санаторий для сталкера, если сравнивать его с особым отделом. Так-с... — Командир посмотрел на меня. — На хрена штанину вспорол, Пригоршня? Парню за этот костюм отчитываться перед завхозом научного сектора.

— Ну скажите, что там с ногой? Все плохо? — подал я голос.

— А ничего, — отрезал Курортник. — Костюм твой теперь — тряпье. А нога... — Он склонил голову набок, словно оценивал. — Нога в порядке. Вот Пригоршня и потащит к

Периметру «груз триста». Так ведь?

— Так, — обиженно буркнул сталкер.

— Шину накладывайте, бинтуйте. Пять минут, — приказал командир.

Лабус проворчал:

— Чего стал? Давай палку.

Курортник достал сигарету, отошел к окну и уставился на снег. Пока мне прилаживали палку-шину и накладывали повязку, я несколько раз вздрагивал от боли, но терпел. Командир наблюдал за окрестностями, иногда высовывался и задира л голову, прислушивался. Сигарету он так и не прикурил.

— А «Гуантанамо» — это ведь на Кубе? — уточнил я, когда пулеметчик и сталкер закончили колдовать над моей ногой.

Лабус хмыкнул, Пригоршня натянуто улыбнулся.

— «Гуантанамо», — отозвался Курортник, расслышавший мой вопрос, — фильтрационный лагерь вот для таких бродяг, как этот паренек, — он подошел к нам и ткнул стволом в Пригоршню, — делающих вид, будто они в Зоне случайно, грибочки собирают. А название лагеря — фольклор местных жителей. Прилипло с чьей-то подачи. Самое интересное, что некоторые из этих, — командир опять поднял оружие, указав на сталкера, — действительно неплохие парни, и по жизни я бы за них поручился. И в разведку вместе пошел. — Он покачал головой, осуждающе глядя на Пригоршню, и добавил: — Ну вот что мне с тобой делать, а?

В бедро больно кольнуло. Лабус продемонстрировал мне одноразовый шприц.

Я порядком продрог. Знобило — челюсть непроизвольно прыгала.

— Сейчас боль отпустит, — пообещал пулеметчик.

— Не косись так недоверчиво, — сказал Курортник. — Костя — санинструктор в подразделении.

Ага, значит, Лабуса зовут Костей.

Командир подхватил винтовку, перевесил на грудь. Я опять поймал себя на мысли, что сравниваю его повадку с движениями Отмеля — как похожи, одна школа. Курортник застыл вполборота, словно сказать мне что-то хотел и не решался. Коснулся кончика носа, шмыгнул и заговорил:

— Там, у будки блокпоста, ты вовремя закричал, предупредил... .

— О чем? — удивился я.

— «Манок» в будке стоял.

— А что это?

Я с удивлением посмотрел на Лабуса, на Пригоршню. У сталкера на лице читался неподдельный интерес — видимо, тоже не совсем понял.

— «Манок» — электронное устройство, — пояснил Курортник, — испускает волны в определенном диапазоне... Как дуделка, манок на уток у охотников, так и тут.

Ага! Значит, если включить это устройство, мутанты становятся как крысы, идущие на звук флейты в сказке о приключениях Нильса. Военные пристреляли сектора — снаряды и мины наверняка разрушили устройства, а мутантам хоть бы что. Вот ближе к Периметру и натыкали в разных местах новую аппаратуру. Эффект от такой операции я не мог оценить, но наверняка был в этом какой-то скрытый смысл. Главное, суть ясна.

Курортник выжидающе смотрел на меня. Я кивнул.

— Странно, что не знаешь, — прищурился он. — Ты ж с Янтая.

Я отвернулся, вспомнив гибель миротворца. Лабус не слушал, паковал аптечку.

— В Зоне недавно, что ли? — не отставал Курортник.

— Да.

— Ясно...

— Давай теперь подумаем, как ногу укрыть, — вмешался Лабус. — Холод, конечно, не повредит — отечность меньше будет. Но это только до определенного момента хорошо. Замерзнешь быстро. На улице минус сейчас, а ты чуть ли не в шортах. — Лабус выпрямился, захлопнул пластиковый бокс с эмблемой Красного креста на крышке. — Пригоршня, что там у тебя в рюкзаке? Найдется во что переодеть научника?

Последовала длинная пауза.

Холод окончательно пробрался в организм. Я бы согласился глотнуть еще спиртика из фляги Пригоршни. Получилось сесть, нога ныла, но несильно.

Дальний торец помещения перегораживали железные ворота в пятнах ржавчины. В одной створке дверца, обитая оцинкованным листом, по периметру черные шляпки заклепок. Край листа отогнулся, обнажив куски стекловаты. Массивная задвижка блокировала вход с нашей стороны, наверное, кто-то из военсталов предусмотрительно закрыл. По краям ворот свисали похожие на паклю наросты. Разглядев все это, я переключил внимание на спутников.

Они застыли на одной линии: Курортник, Лабус и Пригоршня. В руках Кости аптечка, пулемет стоит возле ног. Пригоршня в двух шагах от него с ножом в левой руке. Я посмотрел на Курортника — штурмовая винтовка поднята, палец на спусковом крючке.

— Не дергайся, Никита. Спокойно. Лабус, забери его ствол.

Ага, теперь я знаю, как зовут молодого сталкера. Только вот что означают слова Курортника?..

Лабус шагнул к рюкзаку, и Никита сорвался с места.

Костя почти дотянулся до его оружия, но сталкер упал на цементный пол, уходя с линии огня штурмовой винтовки, и врезал кулаком Лабусу по селезенке.

Сдавленный возглас. Военстал держал удар. Захрипев, он перехватил руку с ножом и попытался ладонью накрыть лицо Пригоршни. Тот отдернул голову, выпустил нож — клинок звякнул об пол, — ухватил Лабу-са за плечи и увлек за собой, закрываясь от Курортника.

Я бросил взгляд на командира. Сжав губы, он водил стволом из стороны в сторону, пытаясь поймать в прицел Пригоршню.

В первом раунде победила молодость. Никита головой заехал Лабусу в переносицу, тот качнулся и стал заваливаться на сталкера. Обхватив его, Никита попытался рывком сместиться к мини-печке.

Курортник, зло сплюнув, бросил винтовку, выхватил пистолет из кобуры на бедре и прыгнул к ним.

Как внезапный порыв ветра, по комнате прокатился жутковатый хохот. Я вздрогнул, завертел головой. Смех эхом отразился от стен, потом снова захохотали — где-то в углу, куда отполз Пригоршня, прикрываясь Лабусом.

В воздухе блеснула точка. Вспыхнула — и выросла в бело-желтый шар, от которого посыпались искры. Будто оголенный провод под напряжением сунули в воду и сразу вытащили... Я зажмурился, волосы на голове встали дыбом. Открыл глаза — Курортник застыл с широко разинутым ртом, из-под потерявшего сознания Лабуса пытался выбраться Пригоршня.

Шар исчез. В углу колыхнулась тень, похожая на шифоновую занавеску. Мне показалось, что в ней проступают очертания морды: морщинистая коричневая кожа, вместо глаз — черные впадины. Из пасти вырвалось завывание, перешедшее в истеричное хихиканье.

Курортник наконец вышел из ступора.

— Полтергейст!

Взяв за ворот Лабуса, он открыл огонь. Звук выстрелов заглушил хохот, пули пролетали сквозь «шифон» и врезались в штукатурку, щеку царапнуло каменное крошево.

Курортник дернул безвольное тело напарника на себя, поволок прочь, продолжая разряжать магазин.

Пригоршня оперся на локти и, быстро двигая ими, пополз от полтергейста. По дороге ухватил пулемет Лабуса, передернул затворную раму, из патронника вылетел патрон и звякнул об пол. Сталкер вскинул оружие, и...

Полтергейст исчез.

Лабус встал на корточки, потряс головой. Из носа текла кровь, он утерся ладонью, сплюнул и, подняв голову, крикнул:

— Убью гада!

Полтергейст возник под потолком, все повторилось: искры, шар, мерцание...

Пригоршня с Курортником открыли огонь одновременно. Полупрозрачный монстр взвыл и спикировал на них. Опрокинув сталкера, умчался к железным воротам, до которых не долетел —

исчез по дороге.

Лабус взмахнул пистолетом, выдавив что-то нечленораздельное, с трудом поднялся на ноги.

— В центр — круг! — скомандовал Курортник. Они прыгнули к сугробу, возле которого валялись

рюкзаки военсталов, встали спиной друг к другу, заняв круговую оборону.

Тварь опять проявилась под потолком и заметалась от стены к стене. Не отводя от нее взгляда, я лихорадочно шарил вокруг, пытаюсь нащупать оружие Пригоршни. Пальцы наткнулись на гладкий цилиндр — под-ствольник? Ладонь сжала холодный металл. Я попытался подтащить оружие к себе, но что-то мешало, не пускало.

Хохот наполнил помещение. Загрохотали выстрелы.

Полотнище под потолком потеряло прозрачность, начало сминаться в жеваный тетрадный лист. Сгустившаяся тень обрела форму: тулово, похожее на корягу, покрытую сплетением мышечных волокон, непропорционально длинные руки с когтистыми пальцами. Крутанувшись, монстр рванулся ко мне. Я все еще пытался схватить оружие. Руки полтергейста вытянулись, когти нацелились мне в шею.

Стрельба смолкла — сталкеры испугались, что заденут меня.

Я дернул что было сил. Что-то порвалось, перед глазами возникла алюминиевая колба с ребристым набалдашником на конце.

— Ложись! — гаркнул Курортник. — «Сборка»!

Инстинктивно зажмурившись, отвернувшись от налетавшей на меня морды, я откинулся назад, выбросив перед собой руки, ладонь хлопнула по набалдашнику...

Мягкий белый свет коснулся век. Все стихло. Не было больше ни хохота, ни жуткого воя...

Открыв глаза, я повернулся на бок. Сталкеры лежали на полу, накрыв головы руками. Курортник приподнялся, взглянул в мою сторону, скупой улыбнулся. Раздались смешок Пригоршни и ворчание Лабуса.

Я обвел взглядом помещение, осторожно сел. Понял, что до сих пор сжимаю алюминиевый цилиндр. Поднес к лицу. Хм — ничего необычного, колба похожа на контейнер для ключей, такие сдают на вахту охраны и печатают. А что крикнул Курортник, перед тем как все стихло? И этот белый свет — что это такое? Я снова посмотрел на спутников. Вот черт!..

— Положи пулемет, Никита. Я не шучу.

Военсталы целились в Пригоршню. Тот угрюмо зыр-кал исподлобья.

Как же так, ведь только что плечом к плечу сражались с тварью, а теперь?.. Я растерялся.

— Спокойно, командир, — произнес Никита.

Он медленно присел и поставил оружие на пол. Лабус шагнул вперед, держа сталкера под прицелом пистолета, поднял за ремень пулемет и отступил.

— На колени! Руки за голову.

Пригоршня выполнил команду. Лабус повесил пулемет на плечо.

— Надо уходить, — сказал Курортник, целясь сталкеру в голову.

— Что, разбежимся? — поинтересовался тот.

— Что у тебя в рюкзаке? И где добыл военную «сборку»? — спросил Курортник.

Лабус обошел сталкера, упер ствол ему в затылок. Никита дернулся и замер, военстал принялся обыскивать его.

— Не скажу, — огрызнулся Никита.

— Тогда в расход, — резюмировал Курортник.

— Чист, — произнес Лабус и отступил. Командир приказал:

— Поднимайся.

— Все равно я вам нужен, без меня не допрете мальчишку. — Пригоршня оскалился. Хотел опустить руки.

— Замри! — велел Лабус. — И не в таких переделках бывали.

Никита хмыкнул, смерил его взглядом.

— Что в рюкзаке? — повторил Курортник.

Я вдруг понял: Пригоршня ни при каких обстоятельствах не убьет Курортника, а тот не

застрелит сталкера. И Лабус этого не сделает, потому что верит командиру. Ну подрались, так бывает — лучшие друзья дерутся... Военсталаы при исполнении, Пригоршня незаконно проник за Периметр; по идее, его должны сдать в фильтрационный лагерь, но Курортник же сказал: в разведку вместе с таким пошел бы... Нет, не станет он убивать Никиту, пугает его только. Похоже, они давно знакомы. Но почему тогда сам не проверит рюкзак?

Пригоршня пожевал губами. Взгляд обежал Курортника с Лабусом, скользнул по мне, Сталкер подобрался, вдохнул, будто собирался с мыслями перед экзаменом, и выдал:

— Черт с вами, в рюкзаке ИЗДЕЛИЕ.

Глава 3

ПЕРИМЕТР

Лабус хрюкнул и уточнил: — Резиновое, номер два? Курортник улыбнулся. Пригоршня обиженно пробурчал что-то.

— Ладно, опусти руки и пошли, — скомандовал Курортник, развернулся и зашагал ко мне. На ходу добавил: — Только давай без фокусов... Пристрелю.

Пригоршня, насупившись, последовал за военста-лом.

Я ничего не понимал. Быстро у них у всех настроение меняется...

Курортник спрятал пистолет, подхватил рюкзак сталкера, перенес в угол на мини-печку. Никита шаркнул ногой, сдвинув кучку золы, встал рядом. Широкие спины загородили обзор. Я некоторое время силился разглядеть, что же за ИЗДЕЛИЕ появится из рюкзака, но так и не смог, пришлось довольствоваться комментариями.

Подошел Лабус, отобрал у меня колбу, сунул в жилет. Достал комплект химзащиты из рюкзака, развернул, отделив штаны, кинул мне. Куртку он упаковал обратно, забросил рюкзак за спину и, отойдя к окну, уставился наружу.

Началась пурга, ветер задувал через окна. Прилично мелко, дыру в потолочных плитах затянуло ледяной коркой. Лабус щурился, но не спешил сдвигать на глаза очки, лишь прикрывал ладонью лицо. Иногда, морщась, он ощупывал распухший от удара нос.

Я стал натягивать штаны, взглянул на колено в прорехе разодранного комбинезона и замер. Покосившись на меня, Лабус спросил:

— Натянешь сам? — и сразу опять уставился в оконный проем.

У меня не было никакого вывиха — нога сломана! Под аккуратно наложенной повязкой видно, как сместилась кость. Крови нет, значит, закрытый перелом — Пригоршня, стало быть, разогнул мне ногу, тут я в себя и пришел. Укол, сделанный Лабусом, снял боль, плюс события с полтергейстом напрочь заставили забыть о травме. Да еще мне зубы заговаривали, чтобы не разнылся. А я и не буду. Правда, не разберешь этих троих: двое арестовывают одного, после беседуют, как старые друзья, потом дерутся и в итоге все вместе с монстром сражаются...

— Ты знаешь назначение этой штуки? — обратился Курортник к Пригоршне. Тот помотал головой, тогда командир обернулся и позвал: — Лабус, глянь.

Костя пожал плечами:

— Без понятия. Я в этих делах... Хотя... соковарку напоминает, только хромированную. —

Он крякнул и снова уставился в окно.

— Ладно, Никита, так что это? Давай конкретно. Сталкер помялся, почесал шрам на лбу.

— Я и сам толком не знаю. Я только заказ выполнял. Маршрут...

— Чей заказ? — перебил Курортник. Пригоршня потупился.

— Давай, давай, Никита. Мне сейчас некогда с тобой рассусоливать. Говори как есть.

— Да я правда не знаю! Посредник сбросил сообщение на ПДА, что есть заказ, цену хорошую указал, работа непыльная...

— Задаток тебе ведь кто-то передавал?

— Ха, задаток! — Никита задрал голову к потолку, пощупал небритый подбородок. — Деньги в тайник заложили, вся цепочка исключала визуальный контакт с посредниками.

Курортник хмыкнул, но не стал комментировать, ждал, пока Пригоршня продолжит рассказ.

— Я и еще двое — извини, имен не назову, не знаю — тащили ее, то есть его... эту хреновину к Янтарию.

Раздались глухие шлепки — Никита похлопал по корпусу агрегата. Курортник кивнул: — Отмычки? Ты один выжил? Пригоршня удивленно взглянул на него.

— А, нет, ты неправильно понял. Эти двое довели меня до контрольной точки, к бывшему блокпосту — будку помнишь? Ну, дальше вы меня с Лабусом приняли.

— А в Зону проникал с их помощью или сам?

— Сам. За Свалкой с ними встретился.

— Как?! — Курортник неподдельно удивился. — Периметр закрыли новой системой сигнализации, ров огромный выкопали, двойной забор, освещение, видеонаблюдение... прорывов с месяц не было. Патрули усилили. Как ты в Зону проник? По воздуху?

— Ну да, — на полном серьезе сказал Пригоршня. — Старым дедовским способом. Атмосферный зонд с подвесной системой от парашюта Д-6... Словил попутный ветер и... Да ты и сам должен знать о такой простой штуке, чего я тебе рассказываю.

— Вот тебе и современные средства контрацепции, — хохотнул Лабус. — Книжки про шпионов нужно читать!

Никита смотрел на Курортника в ожидании.

— Понял. — Командир стал серьезен. — А когда это было? Число?

— Пятнадцатого февраля.

— Ага, почти двое суток прошло... Куда те двое делись?

— Свалили.

— Почему?

— Да тут... мы же сами угодили под обстрел. Им жизнь дороже.

— ИЗДЕЛИЕ наверняка на Янтаре ждут. А ты его припрятал и тоже решил свалить от греха подальше... — рассуждал Курортник. — Или тебя должны были встретить, но кто-то помешал...

Пригоршня почесал затылок. Командир снова окликнул Лабуса:

— У нас завелись «крысы».

— Я слышал. — Костя разгладил усы. — Или «крысы», или опять кто-то играет сразу за две команды, или... — Он не договорил.

Курортник покивал.

— Что? Вы о чем? — Пригоршня крутил головой, переводя взгляд с одного военстала на другого. — Скажите.

— Так, ничего. — Курортник смотрел в угол. — Просто вспомнилось кое-что.

— Ты хочешь сказать, что к Янтарию меня должен был отвести кто-то из ваших? — не унимался Пригоршня.

— Пока что я ничего не хочу сказать.

Курортник шагнул в сторону, и я наконец разглядел, что стояло в углу.

По спине пробежал холодок — ЗАРЯДНИК!!! Я сам лично собирал этот узел к установке Григоровича и готовил к отправке с завода. Как агрегат оказался у Пригоршни?!

— Предполагаю только, а ты... Я перебил командира:

— Я знаю, что это.

Все посмотрели на меня. Снаружи скрипели деревья, ветер свистел сквозь щели в железных воротах.

— Это ГСК, — сказал я. Лабус прервал молчание первым:

— Курортник, нужно двигать отсюда. Плохое место.

— Да. — Командир пожевал губами. — В эфире тишина. Канонаду давно не слышно. Не знаю, хорошо это или плохо. И еще у меня мысли очень невеселые...

Он явно что-то обдумывал, но делиться соображениями пока не хотел.

— Пурга все сильнее, — добавил Лабус. — Потом разберемся с этим ГСК. И еще, в такую погоду нас с воздуха искать не станут. Значит, выбираться самим.

Курортник перестал смотреть сквозь меня.

— Добро. Предложения?

Пригоршня упаковывал агрегат. Я видел, как он затягивает клапан ранца, и думал: откуда у него зарядник Григоровича? Эта штука, как мне объяснил ученый, создана в единственном экземпляре.

В голове возникло смутное воспоминание. Григорович нервничал, ждал ГСК с завода, постоянно спрашивал Отмеля об этом. Так, может, Пригоршня...

— Черт! — выкрикнул Лабус. Он стянул со шлема на глаза широкие очки.

— Что?!

— К нам гости.

— Кто?

— Не разберу — метель. — Лабус присел, выставил пулемет в оконный проем. — Тушканы, кажись. Принесла нелегкая. — Он дал несколько коротких очередей. Приподнялся, всматриваясь. Пулемет снова застучал. — Снега намело. Далеко не уйдем... — Костя кивнул в мою сторону. — А ночь здесь сидеть — нет уж. Нужно что-то придумать.

— Я знаю, что делать, — сказал Пригоршня. Посмотрел на Курортника и перевел взгляд на необычный автомат — мол, так я возьму?

Командир кивнул. Пригоршня сначала подобрал нож, затем взял оружие и подсумок, на ходу подпоясавшись, сунувшись к окнам, присел рядом с Лабусом. Портплед положил на плечо, вынул несколько гранат, зарядил подствольник, остальные сунул в боковые карманы.

— На временное хранение, — протянул он портплед Лабусу.

Тот хмыкнул и пристроил боеприпасы рядом под стеной.

— Я доберусь до угла, — Пригоршня показал направление.

Лабус, выглянув в другое окно, кивнул.

— Возьму пару пустых ящиков, вон они валяются, — и назад. Прикроете?

Курортник занял позицию в свободном проеме. Высунулся и сразу отпрянул.

— Давай, — произнес он.

Пригоршня выпрыгнул в окно, Курортник с Лабусом несколько раз выстрелили в сторону леса. Послышался глухой хлопок, через пару секунд грохнул взрыв — Пригоршня воспользовался подствольником.

Судя по спокойствию военсталов, твари их особо не волновали, здесь мутанты вряд ли причинят нам какой-то вред. Но дожидаться помощи Лабус и Курортник не хотели, а Пригоршня не возражал против путешествия, значит, был в этом какой-то смысл. Им виднее, они Зону знают.

А ведь я для них обуза. Тащить с собой будут, жизнью рисковать. И все ради меня...

— Подгребают, — сказал Лабус.

— Пригоршня, давай быстрее! — крикнул Курортник.

— Вижу, сейчас! — отозвался Никита.

Лабус опять выстрелил. Курортник посторонился, и в проем влетел небольшой низкий деревянный ящик, за ним второй. Потом внутрь полез Пригоршня.

— И чего? — поинтересовался Лабус, по-прежнему глядя в окно.

— Сейчас, сейчас... — Никита передвинул оружие за спину.

Курортник молча наблюдал за ним.

Сталкер кинулся к воротам. Остановился возле створок, оглядел внимательно наросты, напоминающие паклю, кивнул и осторожно потянул за край оцинкованного листа на дверце. Она качнулась, заскрипели петли, несколько пучков, похожих на скомканные волосы, упали вниз. Коснувшись пола, комки пакли заискрились, по ним пробежали легкие волны голубоватых вспышек, а затем пакля обуглилась, стала иссиня-черной.

Значит, это аномалия какая-то — а я и не знал.

Пригоршня, увернувшись от аномальных сгустков, задрал голову — похоже, следил за паклей, свисавшей сверху. Ногой уперся в створку и опять потянул лист двумя руками. Заклепки с чпоканьем выскакивали из рамы, а Никита продолжал тянуть. Наконец он полностью отодрал железку, внимательно оглядел ее со всех сторон, удовлетворенно буркнул: «Сойдет», — и потащил к ящикам.

— Молодец, — сказал Курортник. Я пока ничего не понимал.

Никита бросил лист, подбежал к рюкзаку, вынул из бокового кармана бобину скотча и моток веревки.

Курортник тем временем достал пистолет и прострелил два отверстия по углам листа, потом встал на него и загнул вверх дырявый край.

Лабус дал длинную очередь в сторону леса и крикнул:

— Долго еще?

— Почти, — ответил Пригоршня. — Пара минут. Есть время?

— Давайте скорей, минут пять точно будет, дальше не знаю, они, похоже, откуда-то с восточной окраины прут. Там, где рабочий городок с болотцем граничит.

Пригоршня кинул веревку командиру, тот быстро пропустил ее через простреленные отверстия, связал концы, проверил узел на прочность. Сталкер поднял ящики, поставил на лист один за другим. Они с Курортником стянули ящики скотчем, затем военстал приподнял конструкцию, Пригоршня быстро управился, связав все прозрачной лентой. Уселся на ящики... и тут я понял: да это же сани!

— Выдержат? — спросил Курортник.

— Должны, если с горок особо не кататься. В самый раз волокуша. — Пригоршня ухмыльнулся. — Сойдет для сельской местности.

— Лабус, выходим, — скомандовал Курортник, забрасывая рюкзак за спину.

— Понял, — ответил Костя и прыгнул наружу.

— Пригоршня, парня хватай.

Курортник потащил запакованный ГСК к окнам. Снова заговорил пулемет Лабуса, на этот раз он стрелял часто, короткими очередями.

Никита перенес меня к проему. Командир в это время перебросил туда санки. Выбрался следом, поглядел по сторонам и повернулся к нам:

— Давай мне его.

Вдвоем меня вытащили и усадили на волокушу. Метель ударила в лицо колкой снежной крошкой, я сощурился.

— Не свались, когда помчимся...

— Тушкан! — выкрикнул Пригоршня. Курортник вскинул штурмовую винтовку.

Я проследил за направлением ствола — у накренившегося забора, где лес подступал вплотную, штaketник был взломан. В дыре возникла бурая туша. Ладонью прикрыв глаза от снега, я пригляделся: в холке с полметра, вытянутая морда, короткие передние лапки прижаты к груди, длинный хвост... Ну вылитый тираннозавр, только маленький! Хотя хвост скорее крысиный напоминает.

Курортник выстрелил трижды, тварь опрокинулась на спину и заверещала, закрутилась на месте, взрыхляя глубокий снег. Узкие трехпалые лапы с длинными когтями дергались, взметая белые смерчи.

За оградой я увидел других, они приближались медленно, хвосты, будто плуги, пахали сугробы. Наверное, мутанты этой породы неплохо двигаются по пересеченной местности, но снежный покров здорово им мешает, неуверенно шагают. Подстреленный тушкан затих, и остальные кинулись вперед. Я решил было, что они атакуют нас, но твари, вереща и отталкивая друг друга, набросились на мертвое тело.

— Держи! — Пригоршня просунул рюкзак с ГСК мне под ноги между ящиком и загнутым краем листа — получилась неплохая подставка для сломанной конечности. — И сам держись!

Он перекинул привязанную к саням веревку через голову, пропустил под мышками, оружие повесил на шею.

— Вперед! — скомандовал Курортник.

Никита налег на веревку, и самодельные сани двинулись с места. Я одной рукой ухватился за лямку лежащего под ногой рюкзака, другой за доску ящика.

Пригоршня недолго принаравливался к грузу и вскоре уже уверенно тащил волокушу. Лабус двигался метрах в пяти впереди. Курортник, отдав сталкеру снегоступы, шел по широкому следу, остающемуся за волокушей. Преследовали нас не очень активно. Изредка сзади

раздавались одиночные выстрелы, я поначалу вздрагивал и оглядывался, но Курортник, похоже, стрелял для профилактики и спокойно шагнул дальше, поглядывая по сторонам.

За зданием, в котором мы прятались, открылась площадка, где стояли проржавевшие остовы грузовиков, автобусов и военных тягачей. На другом ее краю высился здоровенный кран на многоосной платформе с вмерзшими в землю покрывками в человеческий рост. Массивная длинная стрела под углом уходила в небо, под ней покачивалась на тросах старая «Волга». На такой же ездил директор нашего завода, где я проходил практику после техникума.

Помнится, недавно Лабус назвал это место рабочим городком. Возможно, здесь жили ликвидаторы последствий первой катастрофы на ЧАЭС. Судя по разговорам военсталов, мы где-то недалеко от Периметра...

Костя коротко махнул рукой, Пригоршня остановился. Городок занимал приличную территорию. Вдоль забора сбоку от площадки стояли приземистые бетонные коробки, дальше было двухэтажное здание, наверное, дирекция, рядом — внушительных размеров трансформаторная будка. Провода с крыши тянулись к решетчатой мачте. У забора, на фоне леса, я разглядел еще одну, но дальше все скрывала метель, непонятно было, куда идет линия электропередач.

Лабус разглядывал экран закрепленного на рукаве устройства — вроде ПДА, хотя слишком громоздкое, больше напоминает планшет-сканер. Пригоршня топтался на месте.

— Ну что? — посмотрел он на меня. — Как самочувствие?

— Хорошо. — Я натянуто улыбнулся и кивнул в сторону Лабуса. — Что он делает?

— Местность сканирует при помощи армейского детектора. Впереди может быть аномальное поле, вот и остановились.

Сталкер присел, выставив перед собой оружие. Я оглянулся на Курортника — военстал сидел на корточках ко мне спиной. Присмотревшись к его рюкзаку, я заметил, что из боковых карманов белого чехла торчат две колбы, перехваченные липучками. Они очень напоминали ту, что я вытянул и, случайно активировал во время драки с полтергейстом.

— Курортник! — тихо позвал я, и он обернулся:

— Чего тебе?

— Что это у вас, — я показал на колбы, — в карманах чехла?

Военстал покосился туда, ощупал одну колбу.

— «Сборка». Аномальная граната то есть. Знаешь, что такое аномалии?

Я кивнул.

— Берут побочный продукт аномалии, например... — Он огляделся, словно искал что-то. — Неважно, короче, берут бенгальский огонь от электры, комбинируют его со световым шумовой гранатой и... — Перехватив мой удивленный взгляд, Курортник констатировал: — Не понимаешь. И не грузись.

Пригоршня хмыкнул.

— А ты чё ржешь? — переключился на него командир. — Ты где армейскую «сборку» раздобыл?!

Сталкер потер кончик носа, сдвинул брови, потом отдернул руку, сообразив, что в первую очередь этот жест выдает ложь, и поднял глаза на Курортника:

— Один из этих, ну, с кем я в контрольную точку шел, обронил. Я по-тихому подобрал и заныкал.

— Типа не знал, — съехидничал Курортник.

— А чего?..

— Курортник! — негромко позвал Лабус. — Глянь.

— Пригоршня, займи мое место.

Командир выпрямился и быстро пошел к Косте. Никита, перейдя на его место, уставился в снежную пелену.

Метель совсем разгулялась. Снег стал гуще, след волокуши уже почти засыпало. В такую пургу и заблудиться недолго, а ведь темнеть скоро будет.

— Не бойсь, — сказал мне Никита. — Не пойдут тушканы за нами, им тот дом нужен был. Хотя ведут себя зверюки странно. И снег... — Он задрал голову, сощурился. — Снег впервые в

Зоне в таком количестве. Не было никогда снега, а тут... — Пожал плечами и снова уставился назад, туда, откуда мы пришли.

Зверюки... Вдруг нахлынули воспоминания — я снова увидел черную лавину пвсевдособак, прущую из леса. Как глупо погиб тот лопоухий миротворец, вовремя для нас и не вовремя для себя появившись на дороге в снегоуборочной машине. А потом этот нелепый, жутковатый полтергейст... Я передернул плечами. И тушканы. Хорошо, что они не идут следом. Но ведь не должно быть возле Периметра такого количества мутантов, это даже я понимаю! Откуда они взялись?

Мысленно задавшись этим вопросом, я тут же сам на него и ответил: «манки», приманивающие зверей.

Их поставили вдоль Периметра для какой-то спецоперации. Янтарь — лагерь — эвакуация... Я вспомнил Отмея, Григоровича... К чему мы там готовились? ГСК этот... Никак не удавалось выстроить четкую цепочку событий, понять их логику. Я зажмурился, стянул перчатки и потер виски. Открыл глаза, помотал головой и осмотрелся.

Курортник с Лабусом вполголоса разговаривали, Пригоршня сидел в той же позе: приклад зажат под мышкой, палец на курке. Ладонью другой руки он задумчиво разглаживал снег. Ощувив мой взгляд, сталкер обернулся:

— Чего?

— Так, просто думаю. А зачем тушкам в дом лезть?

— Любят они всякие' здания. В Зоне многие твари обживают развалины, что-то их притягивает к ним. А сейчас еще снег вдобавок... Глянь.

Я посмотрел в указанном направлении.

— Ничего не вижу.

— Разлапистую ель видишь?

— Ага.

— Вправо шагов пять — пожарный щит с козырьком, ящик с песком.

— Да, точно.

— Возле ящика...

Бугорок какой-то, кучка хлама или ветоши снегом присыпана. Напряг зрение — и очертания стали складываться в картинку, я даже привстал. Пригоршня хмыкнул.

То, что я принял за ветошь, было телом замерзшего кровососа. Он именно замерз. Морда повернута в нашу сторону, лысая черепушка с натянутой синюшной кожей, один раскрытый остекленевший глаз, второй засыпан снегом. Рот распался на лепестки-щупальца — я слышал, что мутант через эти отростки высасывает жидкость из тела жертвы. Твари этой породы — одни из самых опасных в Зоне, умеют делаться невидимыми, когда атакуют. Может, какие-то зачатки разума у мутантов есть. Вторая авария на АЭС вызвала необратимые генетические изменения, и до сих пор неясно, остановились ли процессы мутаций, влияют ли регулярные выбросы на дальнейшие изменения флоры и фауны в Зоне. Наверное, кровосос пытался хоть как-то согреться — тело покрыто лохмотьями. Но они кровососа не спасли. Всю прошлую неделю стоял сильный мороз, хотя снег еще не шел. Хуже всего, когда температура упала, а снега нет. При высокой влажности как тепло ни одевайся, пробирает до костей. Вот и окоченела зверюга, превратилась в ценное ископаемое — сюда бы ребят из блока «О», они бы порадовались, замерзший кровосос для них, как мамонт в вечной мерзлоте для палеонтологов. А сколько еще тварей померзло в Зоне...

Стоп! Блок «О» в лагере на Янтаре занимался изучением мутагенных форм, обитающих в Зоне, — вспомнил! А ведь недавно не мог. Попробую размотать клубок дальше...

— Пригоршня, впрягайся, — велел подошедший Курортник. — Быстрее, быстрее! Идем.

* * *

Миновав брошенную технику и обогнув дирекцию, мы попали на открытое пространство. Впереди стоял покосившийся серый забор с сетчатой аркой ворот. Створок не было, вверху на сетке висел герб СССР, скрещенные серп и молот, рядом — железная пятиконечная звезда,

выкрашенная красной краской.

Почему-то спутники не пошли прямо к арке, а забрали в сторону. Я нахмурился, пытаюсь сообразить, почему идущий впереди Лабус двигается в этом направлении. И заметил, что перед забором снег кружится, образуя пять маленьких смерчей. Что это, ведь ветер почти стих? Еще на пути к арке виднелись талые проплешины, над ними клубилось марево, снежинки таяли, не долетая до земли. На одном таком пятачке обнажился потрескавшийся асфальт, на другом — пожухлая трава. Я всматривался. Мареву над проплешинами собиралось сгустками в форме яйца диаметром метра полтора. Мне показалось, что я слышу легкое гудение, словно поблизости работает трансформатор. Я оглянулся на будку, посмотрел на провода — нет, звук исходил именно от воздушных сгустков.

Пройдя шагов двадцать, Лабус изменил направление, и Пригоршня повернул за ним. Костя остановился, сверился с планшетом. Впереди были два сугроба высотой по пояс — почти идеальные полусферы. Между ними полоска снега вмята, будто кто-то постелил ковровую дорожку, почистил и унес, оставив спрессованный отпечаток. Лабус повернул в сторону ближайшего фонарного столба. Сделав еще несколько шагов, замер. Снег перед ним вспух, выстрелил фонтанчиками, послышался треск электрических разрядов, мелькнула яркая вспышка. В нос ударил запах озона.

Лабус отпрыгнул, повалился на спину, смешно задрал ноги, перекатился на бок и выругался:

— Растудить твою мапupu!

Что это еще за мапуна такая? Молнии дотянулись до одной из снежных полусфер, звонкая трель заставила меня скривиться и зажать уши. Раздувшийся, сыпавший искрами шар аномалии выстрелил в арку, как из катапульты. Он с хрустом врезался в сетку, разлетелся, оставляя горящие шлейфы, разноцветные яркие шарики, похожие на выстрелы сигнальных патронов. Скрипнуло, с сетки свалилась пятиконечная звезда, врезалась в снег. Все стихло.

Лабус встал на колени.

— Вот блин, выросла на пути! Занесла нас нелегкая... Это ж надо! Электра — да в трамплин...

Курортник сзади молчал. Костя посмотрел на детектор, обвел взглядом окрестности, сплюнув, выпрямился и пошел параллельно забору. Никита потащил за ним меня на волокуше. До ограждения оставалось шагов десять, но военстал не спешил сворачивать к нему. Снег здесь оказался глубоким, и двигаться пришлось медленнее. За волокушей оставался широкий след, по нему легко шел Курортник. Когда мы поравнялись со следующим фонарным столбом, Лабус наконец повернул. Секция забора за фонарем завалилась, образовав подобие мостка, уложенного на длинный сугроб, что протянулся вдоль ограды.

Снегопад прекратился, и стал виден лес, покрытые белыми шапками деревья. Вдалеке — пологий холм, белое поле с лентой дороги и темнеющее небо. На миг линию горизонта обозначил всполох закатного солнца, и сразу тучи затянули прореху.

Лабус взобрался на опрокинутую секцию, попрыгал, проверяя крепость мостка, и повернулся к нам:

— Выдержит. Пригоршня, справишься?

— Да, — прокричал Никита и стал набирать разгон. — Держись, пацан!

Лабус сбежал за насыпь. Никита, рыча, влетел наверх, и тут над нами зажегся фонарь. Я едва не вскрикнул, так неожиданно это произошло. Сумерки быстро сгущались, но по периметру рабочего городка загорелся свет. Заснеженный лес, молчащий городок, свет фонарей... Меня пронзило ощущение нереальности, сказочности происходящего. Никита стащил волокушу по снежному завалу, потянул дальше, а я сидел, расставив руки, ухватившись за доски ящика, и хлопал глазами.

Лишь позже Курортник дал объяснение произошедшему. Оказывается, в Зоне есть аномальные поля, где происходит концентрация электрической энергии, а есть ионизированные облака, поглощающие энергию из источников питания. Куда она девается? Наверное, в атмосферу уходит, черт его знает.

До цели оставалось с километр. Надо только забраться на холм, чтобы увидеть сооружения

второго заградительного кольца, Периметр Зоны. А там и патрульные группы, и укрепленные блокпосты... Я видел, как погрузился Пригоршня: ему, как пообещал Курортник, светила встреча с особым отделом.

Нога разнылась, действие укола кончилось, я стал хлюпать носом: столько времени на морозе, простыл, как бы с пневмонией не свалиться. Но скоро все это останется позади. Хотя с Никитой и военными сталкерами расставаться мне теперь даже не хотелось. Нужно их будет потом отблагодарить как-то, решил я. Ведь тащили меня, жизнью рисковали.

Почти стемнело. Снег больше не шел, но мороз усилился. Когда мы преодолели половину склона, я оглянулся. Внизу раскинулся рабочий городок, окруженный светлыми пятнами фонарей.

Последние метры до вершины дались Никите тяжело. От мороза снег покрылся ледком, но наст был слишком тонок. Сталкер сошел, оскальзывался, проваливался в него, стараясь не отставать от Лабуса.

На вершине холма остановились. Порывами налетал ветер, поземка колола лицо, я щурился. Вот он, конец нашего путешествия — совсем близко!

Окончательно стемнело, пятна фонарей на границе Периметра тянулись слева направо и терялись где-то в лесной просеке в паре километров от холма. Я хорошо видел загнутые вверх столбы и натянутую между ними проволоку. Скорее всего, под напряжением. За столбами — широкий ров, дальше должна быть контрольно-следовая полоса, но сейчас там снег, ее не видно. На белом покрывале любой след и так заметен, чистить полосу нет никакого смысла. Ближе к лесу протянулся еще один забор из колючей проволоки, вдоль него шла накатанная патрульными группами дорога. Я заметил редкие колышки с табличками по обе стороны от границы и спросил у Лабуса:

— Что это?

— Мины, — ответил он. — Курортник, к посту двинем или патрульную группу дождемся?

Командир молчал. Пригоршня стянул шапку, в отсветах фонарей лучше стал виден румянец на щеках. Сталкер вытер пот со лба, взъерошил волосы.

Вдруг Лабус резко повернул голову, а Курортник приложил пальцы к наушнику. Я понял: это значит, что связь появилась. Отлично, сейчас они вызовут патрульную группу!

Курортник озабоченно поправил усик микрофона и прокричал:

— Пост тридцать два, я «Курортник», дайте связь с «полсотни пятым»!

Пауза — наверное, связист на посту запрашивал коды. Курортник назвал несколько цифр.

Лабус с Пригоршней опасно переглянулись. Похоже, Никита начал догадываться, что происходит, а вот я пока ничего не мог понять, хотя и ощутил тревогу. Быстро натянув шапку, сталкер подобрал веревку от волокуши и поправил оружие за спиной.

— «Полсотни пятый», подтвердите информацию, — вновь заговорил командир. — Нахожусь севернее пятисот от поста тридцать два. Прием. — Пауза. — Вас понял. — И уже нам: — Валим! Валим отсюда!!!

Лабус подсветил планшет детектора, указал в сторону леса и сорвался с места, крикнув:

— Там чисто!

— Что, Курортник? — спросил Пригоршня, потянув за веревку.

— Три пары штурмовиков. Кассетными боеприпасами нанесут БШУ в нашем районе. У нас десять минут.

— Успеем, — отозвался Лабус, на ходу стягивая рюкзак. — Лишь бы по лесу не отбомбились. Успеем, Леха!

Военсталы, прижав рюкзаки к груди, побежали назад к склону. Одновременно развернувшись, упали на спину, сгруппировались и покатались вперед головой, быстро набирая ход.

Пригоршня, скинув с себя веревку, бросил ее мне:

— Держись, пацан! Проверим сани на прочность! Упершись ладонями в мою спину, он начал разгонять

волокушу. Засвистел воздух, гулко забухало сердце в груди. Пригоршня, крикнув, запрыгнул на сани, и мы понеслись по склону вслед за военсталами.

Глава 4

СМЕНА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Скатились с холма быстро, и Пригоршня, вошедший в азарт, даже выкрикнул:

— Хэй-ей!

У самого подножия волокуша подпрыгнула на кочке, сталкер потерял равновесие и, громко вспомнив чью-то мать, шмякнулся в снег. Сани, проскользив еще немного, остановились.

Подбежали Лабус с Курортником, выхватили у меня поводья и так резко дернули, что я, вскрикнув от боли в ноге, едва не прокусил до крови губу.

Военсталы потянули волокушу к спасительному лесу. Сзади заскрипел снег — Пригоршня догонял, чертыхаясь на бегу. Вскоре он сменил Курортника, который был без снегоступов и больше мешал, чем помогал Лабу су.

— Три минуты! — крикнул командир. — Быстрее! Наверное, ему невидимый диспетчер — или кто он там? — орал в эфире, сколько у нас осталось времени. А может, военстал запустил секундомер на ПДА, не знаю. Лабус и Никита рванули что было сил, мы достигли опушки, продрались сквозь редкий кустарник. Я закрыл руками лицо, защищаясь от веток. Раздался крик командира:

— Стой!

Они остановились, тяжело дыша, я посмотрел вперед — там темнела лесная чаща. Оглянулся на командира, озаренного сзади светом фонарей, слабо доходившим сюда из рабочего городка. Подняв к лицу руку с каким-то устройством, он стал озиаться. Это у него прибор ночного видения, понял я, ищет место для укрытия.

— Лабус, детектор?

Военстал, успевший включить сканер, ответил:

— Прямо чисто.

— Есть! Поваленная ель, лево двадцать. Я вперед, вы за мной. — Курортник врубил фонарь и поспешил в чашу.

Волокушу бросили, не пройдя и пяти шагов, тянуть ее дальше было слишком тяжело — мешали кочки и деревья. Пригоршня подхватил меня, Лабус забрал ПНВ, а Курортник подобрал рюкзак с ГСК.

— Минута, — сказал командир.

Мы остановились возле поваленного дерева, лучи фонарей выхватили из темноты облепленные землей корневища старой ели. Там, где она росла, зияла приличных размеров воронка. Какая сила могла выкорчевать столетнее дерево?

Пригоршня спустился на дно воронки первым, усадил меня, Лабус скатился следом. Курортник забросил ГСК под дерево, туда, где корни и длинные пушистые ветви создавали подобие шалаша, но прыгать не спешил, возился с чем-то. Лабус подсветил фонарем — командир вытянул руку с картонной трубкой, выстрелил сигнальный патрон и спрыгнул.

— Ложись! — крикнул Лабус.

В яму проник гул идущих на малой высоте штурмовиков.

Все привалились к промерзшему склону. Я закрылся локтями, зажал ладонями уши и приоткрыл рот. Дробный грохот взрывов слился в гул, заглушив звук самолетных двигателей. Земля мелко задрожала, сверху посыпались ветки и снег.

Новая волна грохота — уже ближе, сильнее. Вибрация земли передалась телу, я сглотнул — в уши будто ваты напихали.

И тут шандарахнуло так, что меня подбросило. Рядом с хрустом повалилось дерево. Земля посыпалась на голову, попала в рот, я зафыркал, но не услышал себя — заложило уши. Опять сглотнул и закашлялся.

Заметались лучи фонарей, мне в лицо посветили, я зажмурился, и луч ушел в сторону. По-прежнему ничего не слыша, протер глаза. Пригоршня поднялся на четвереньки, помотал

головой, стянул шапку и стал выгребать из-за ворота песок. Курортник, выбравшись из ямы, присел на краю, достал сигарету. На его груди бледно-зеленым светом горел Г-образный фонарик.

Ко мне подошел Лабус, опустил свой фонарик к земле и, видимо, заговорил. Его губы шевелились, но я ничего не слышал. Поняв, что я оглох, военстал взял меня за подбородок, повернул голову и осмотрел одно ухо, потом второе. Опять заговорил. Я только развел руками. Тогда он сплюнул и полез наверх.

Я еще несколько раз сглотнул, задрал голову и увидел, что военсталы о чем-то спорят. Фонари они погасили, на лицах играли оранжевые сполохи. Наверное, рабочий городок разбомбили, и это зарево от пожарища.

В голове стоял противный комариный писк на одной ноте. Накатила тошнота, я скривился, дотронулся пальцами до уха — что-то влажное и теплое... Поднес ладонь к лицу, но света не хватало, перед глазами стали расплываться круги. Лизнул палец — металлический привкус... Кровь.

Все вокруг казалось нереальным, звенящий ночной мир покачивался на темных волнах, я будто в сон попал. Меня толкнули в плечо, я повернул голову — это Пригоршня, у виска мутное пятнышко света. Я прищурился, моргнул и понял, что за ухом у него фонарик размером с карандаш. Сталкер попытался заговорить со мной. Я помотал головой и хотел показать на уши, мол, не слышу ничего, но опять затошнило. В голове возник образ голубого шара, он разросся, во все стороны ударили лучи, стирая краски, заливая пространство бело-голубым светом, затем вспышка — и темнота...

* * *

— ...смотри. — Григорович вогнал штекер в разъем удлинителя и отпустил провод. — Мощность нужно увеличивать плавно. Запомни — плав-но. — Он выжидающе воззрился на меня.

Я кивнул:

— Понял, плавно.

— Покажи, как будешь делать.

Я двумя пальцами ухватил рычажок на пульте, другой рукой коснулся клавиатуры, надавил кнопки в нужной последовательности. На мониторе походного ноутбука развернулась диаграмма. На всякий случай взглянув на Григоровича — он ждал, — я сдвинул рычажок от себя.

Аналоговые шкалы дернулись, два столбика скакнули резко вверх, в оранжевую зону. Григорович быстро скомандовал:

— Стоп! Смотри, как нужно.

Я уступил ему место у пульта. Стенд управления установкой был смонтирован в той самой четырнадцатой лаборатории, которую спешно эвакуировали из лагеря. Здесь мы остались вдвоем, весь персонал убыл на погрузку к площадке приземления, находившейся на другом берегу озера. В надувном модуле висела морозная дымка, вокруг ламп расплывались радужные пятна. Иногда от дуновения ветерка полукруглые своды из серебристой ткани колыхались и шелестели. Я часто шмыгал и утирал замерзший кончик носа.

Григорович снял меховые рукавицы, сунул их в широкие карманы ватника, подышал на пальцы. Потом проделал необходимые манипуляции с клавиатурой, поставил ребро ладони на пульт и тыльной стороной двинул рычажок вперед — шкалы начали медленно расти. Побежала цепочка цифр — сменялись показатели. Григорович одновременно фиксировал результаты, давил на кнопки, пальцы левой руки порхали по клавиатуре. Виртуальная предпусковая подготовка прошла успешно, спустя две минуты программа сообщила, что все показатели в норме, можно проводить запуск установки.

— Теперь понял? Давай еще раз, потренируйся.

Он отошел, я шагнул на освободившееся место и сосредоточился. На этот раз я все сделал так же, как Григорович: ладонь на ребро, рычажок плавно вперед... Получилось. Ровно росли

столбики на экране, появился даже какой-то азарт, я улыбнулся. Слегка замешкался с вводом необходимых данных — но наконец и это удалось, хотя и не так легко, как у руководителя проекта. Когда процесс завершился, я поднял взгляд на Григоровича.

— Хорошо. В общем, ты молодец, дело свое знаешь. Узел, заменяющий ГСК, помог смонтировать, ничего не напутал. А то ведь могли прислать какого-нибудь пропойцу... — Он снял очки, подышал на стекла, протер их о подкладку ватника и, нацепив на нос, продолжил: —

Я поначалу думал, что на заводе вообще не найдут нормального слесаря КИПиА и будем своими силами обходиться. Когда тебя прислали, увидел, что молодой, возникла мысль: все, конец программе, военные с потрохами сожрут. Ан нет... — Григорович широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу. — Есть еще молодежь, есть еще те, кому не только компьютерные игры да дискотеки подавай. Девушка есть? — неожиданно спросил он и, не дожидаясь ответа, пошел вдоль стенда, осматривая приборы. Остановился, недовольно закусил нижнюю губу, постучал согнутым пальцем по пластиковому окошку какого-то индикатора.

— Да... Надя, — запоздало сказал я. — Пожениться, когда вернусь, хотим.

— Поздравляю... Семья — хорошее дело... — Григорович развернулся и пошел назад. — А к наукам ты тяготеешь? Или тебя больше деньги интересуют? — Умел руководитель сектора скакать с одной темы на другую.

— А и то, и другое не помешает.

— Верно... — Григорович остановился, покачал головой, глядя на монитор, и о чем-то задумался.

Я меньше суток в лагере, однако успел узнать про руководителя порядочно: чуть за тридцать, а уже известен не только на родине, но и за рубежом; десять лет назад начал научную карьеру и создал отдельную группу из молодых ученых. Вообще, всегда предпочитал работать больше с молодежью. Когда образовалась Зона, Григорович отложил на время успешные проекты и отправился в экспедицию на Янтарь. Возглавил блок «В» в научном лагере. И вот теперь я трудился под началом этого человека. Я пока не знал до конца своей миссии, наверное, вот-вот руководитель сектора поведает мне, зачем нужна установка. Устройство, которое называли то ГСК, то зарядник, на Янтарь еще не доставили, и Григорович собрал его подобие из подручных материалов. Сейчас мы как раз моделировали его пуск, обкатывая показатели на компьютерах.

Все тесты пройдены успешно, остался пробный запуск на малой мощности. Скоро получим от штаба ОК подтверждение и команду «старт».

В последние часы Григорович часто погружался в раздумья, иногда клял генералов и бурчал под нос фразу: «Не туда, не сюда. Сами не знают — куда и когда».

Он не жаловал военных, но не тех, что охраняли лагерь. Услышав некоторые разговоры, я понял, что к нему военисты относятся с симпатией, как и он к ним. Руководитель проекта не любил военных в высоких чинах, иногда во время работы ворчал, вспоминая фамилии начальников: задачу поставить они могут, и затем палок в колеса напихать им на раз вместо помощи, дай только волю. Причем Объединенное командование (сокращенно ОК) группировкой войск, разбросанных вдоль Периметра, постоянно меняет планы, и часто под давлением извне. Я отметил для себя еще одну важную деталь: есть какие-то силы, влияющие на все, происходящее вокруг Зоны. Да и в самой Зоне таилось много неведомого, пугающего и одновременно манящего. Хотелось разобраться во всей этой круговерти — наверное, я заразился энтузиазмом, с которым Григорович делал работу и говорил о ней. А ведь я всего-то сутки в лагере Хм... Бывает же такое, как все на заводе удачно сложилось. Потапов, слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматике (КИПиА), слег с неожиданным приступом аппендицита, а Хромко, его напарник, был в отпуске. К тому же я как помощник инженера участвовал в процессе сборки ГСК, неплохо знал узлы и агрегаты и мог спокойно осуществить монтаж и наладку, снять необходимые показатели. Военный заказ для владельцев завода — в первую очередь хорошие деньги, деваться директору было некуда, и, быстро оформив бумаги, меня отправили в Зону. Правда, получился не очень приятный разговор с Надей. Мы уже планировали дату свадьбы, когда она узнала о моем отъезде и сильно расстроилась, просила никуда не ехать, но ее удалось убедить, что такой шанс выпадает раз в жизни и его нужно использовать.

Пришлось взять с нее слово никому не рассказывать о том, что я еду в лагерь на Янтарь, в Зону отчуждения. Она долго причитала, но в конце концов сдалась. Я наплел про хорошо охраняемый военными сталкерами лагерь, про Зону, полностью контролируемую Объединенными миротворческими силами. Конечно, приврал, но она успокоилась и попросила, как только будет возможность, сразу ей позвонить или послать весточку через Интернет. Тем более командировка всего-то на пару недель. На том и порешили.

— Так-с... — Григорович наморщил лоб. — Так о чем я? — Он повернулся ко мне.

— Деньги или наука... А я — и то, и другое. — Стало ясно, что на лице у меня застыла мечтательная улыбка и выгляжу я от этого придурковато. Нахмурившись, я взглянул на монитор.

— Ну да, ну да... Так, пошли. — Григорович направился к выходу.

Я последовал за ним. Дзенькнула молния пологая, он отбросил серебристую ткань, и в глаза ударило яркое дневное солнце.

Один лаборант рассказал, что в Зоне такая погода редкость, чаще небо затянуто тучами, моросит дождик, иногда может выпасть снег, а потом быстро растаять. Но сейчас уже несколько дней стояла вот такая погода. Мороз и солнце — как там дальше?.. Впрочем, по лагерю ходило множество разговоров о необычных климатических изменениях. Руководители соседних блоков как с цепи сорвались. Еще бы, такой шанс — резкая смена погодных условий давала почву для проведения множества экспериментов, записи новых наблюдений. И начальники секторов нещадно гоняли персонал. Похоже, Зона начала меняться. Сталкеры, сотрудничающие с научным лагерем, доставляли новые сведения о незнакомых аномалиях. По Янтарю поползли нехорошие слухи, в перерывах за обедом и на перекурах лаборанты шептались о грядущем катаклизме и его последствиях. Отмель не выдержал, собрал всех и толкнул короткую речь: поймает кого за паническими разговорами, будет судить по законам военного времени. Я так и не понял — с кем мы воюем, о каких законах шла речь, да и на треп персонала по большому счету было наплевать.

Куда сильнее меня волновало, к примеру, то, что я сразу по прибытии в лагерь увидел настоящего сталкера — вот так запросто, вблизи, только сойдя с трапа вертолета! С ним о чем-то беседовал Отмель. Сталкер, одетый в архаичный КЗС, с потрепанным рюкзаком за спиной и болтающейся на груди противогазной маской, резко контрастировал с хорошо экипированным военсталом. Я оказался единственным новеньким в прибывшей группе. Меня подвели к командиру смены охранения — попутчики быстро разбрелись по лабораториям, а я должен был представиться начальнику охраны и показать бумаги. Пару минут мялся, подслушивая разговор — понял, что сталкер из «Свободы», что вышел он к Янтарю с каких-то Диких территорий, где, по его мнению, происходят необъяснимые и опасные события... Как я потом узнал, «Свобода» — группировка, состоящая в основном из анархистов-сорвиголов. Этакий антимонопольный комитет с негласными правилами и знаками отличий... Отмель заметил меня, прервал разговор, шикнул: «Кто такой?!» Я представился, протянул документы и «форму №15». Начальник охраны взял бумаги, бегло просмотрел. Махнул в сторону сосновой рощи за озером и велел мотать туда, что я неукоснительно и выполнил...

Единственный, кого не волновали прихоти погоды, чужие разговоры и достижения, был Григорович. Он занимался установкой. Его беспокоили два обстоятельства: осуществление запуска в срок и эвакуация — только эта головная боль да еще приказы сверху могли отвлечь ученого от дела. По причине отсутствия заводского ГСК он собрал узел самостоятельно, получилось не ахти, но компьютерная модель не зафиксировала сбоев, и оставалось только ждать и уповать, что агрегат доставят в срок. Вот только кто и откуда доставит — этого я пока не знал. Иногда мне казалось, что будь на то воля Григоровича, он остался бы здесь надолго, невзирая на опасность. Но очень отрезвляюще на него действовал Отмель, который часто заглядывал в четырнадцатую и интересовался ходом работ.

— Так-с, — снова произнес Григорович, вернув меня из воспоминаний.

Мы остановились перед металлической конструкцией высотой с двухэтажный дом. Параллелепипеды из хромированных труб разного диаметра напоминали строительные леса, обтянутые маскировочной сетью. Внутри многогранников на полках было закреплено оборудование, шлейфы проводов тянулись к силовой установке. Упрятанный в бетонную будку

трансформатор молчал, рядом покоились дизельный агрегат и цистерна с горючкой, врытая в землю до половины. Толстый кабель в мягкой резиновой оболочке соединял установку и кубики аккумуляторных батарей, несколько тонких проводов убегали под днище надувного модуля.

Я сощурился. В лучах солнца, пробившихся сквозь кроны высоких сосен, плавали мириады пылинок. Красивое место. Единственную небольшую сосновую рощицу на территории лагеря военным не позволил вырубить Григорович — заявил, что в такой обстановке лучше думается. Деревья успокаивают мысли, настраивают на нужный лад, да и ветра поменьше.

Григорович подошел к приставной лесенке, достал из кармана рукавицы, надел и стал подниматься. Несколько таких же лестниц с тонкими перильцами вели в разных местах с одного уровня на другой. Ученый забрался уже на второй ярус, как вдруг что-то вспомнил, чертыхнулся и полез обратно.

Я огляделся. На траве иней, мороз разукрасил серебристую ткань надувного модуля вязью узоров. В двадцати шагах от модуля стояла наблюдательная вышка. Маленькая площадка сверху закрыта бронеплитами, грибок крыши обтянут масксетью. Там дежурил военный с ручным пулеметом — смотрел в сторону леса.

Вообще, всё, что под землей, все сооружения, траншеи и ходы сообщений в лагере были выстроены по правилам военного искусства. Я слабо в этом разбирался, но чувствовал, что армейские инженеры потрудились на славу...

— Жди здесь, — отвлек меня от размышлений голос Григоровича.

Он пошел к надувному модулю, я повел плечами, переступил с ноги на ногу, взмахнул руками, подпрыгнул и присел несколько раз, разгоняя кровь, чтобы не замерзнуть.

Неожиданно возникло ощущение, что на меня кто-то смотрит, внимательно наблюдает за мной с опушки. Я не стал резко оборачиваться. Нагнулся, провел рукой по траве, подобрал сосновую шишку. Затем, выпрямившись, бросил взгляд в сторону леса...

Мне показалось, что между деревьями скользнула тень — спряталась за рыжий куст акации. Ветки слегка дернулись, но в этот момент кроны закачались от ветра, прямые, как мачты, сосны скрипнули и откуда-то из-за спины долетели слова:

— ...пойми ты! Ну почему?!

Я обернулся. Увидел быстро шагающего Отмеля, вокруг него скакал, отчаянно жестикулируя, какой-то чернявый мужик. Я пригляделся — Орлов, точно он, руководитель блока «С», я с ним летел на Янтарь в одном вертолете.

Отмель остановился и раздраженно бросил:

— Нет! Всё, вопрос закрыт! — Офицер рубанул воздух ладонью. — Арден, ко мне!

Матерый кавказец выпрыгнул из-за дерева, приоткрыв пасть, проскочил рядом с Орловым, и ученый отшатнулся.

— Тьфу, черт! — Он в сердцах швырнул на землю шлем. Тот с глухим звуком подскочил, как футбольный мяч, и покатился к сосне. Пес зарычал.

Отмель пару секунд смотрел на остановившийся под деревом шлем, перевел взгляд на Орлова и, понизив голос, сказал:

— Ты чё творишь?

Орлов насупился, подошел к шлему и поднял. Отряхнув от налипшей хвои, вернулся к военному.

— Тогда почему Григоровичу все можно, а другим от ворот поворот?

— Потому что установка Григоровича должна погасить всплески аномальной энергии. — Отмель выплевывал слова сквозь зубы. — Потому что есть задача создать непробиваемый Периметр вокруг станции. Потому что... — Офицер совсем понизил голос, и я напрягся — вот-вот услышу что-то очень важное...

Слова заглушил рокот приближающегося вертолета. Машина выскочила из-за леса, прошла низко над рощей. Пилот заложил крутой вираж над озером, ветер от винта поднял брызги и разогнал осколки тонкого льда. На пилонах висели контейнеры с противотанковыми ракетами, рядом какие-то бочонки — то ли бомбы, то ли пусковые установки неуправляемых снарядов. Машина, сделав круг, зависла над площадкой приземления. Сдвинулась боковая дверь, из десантного отсека полетели тросы, по ним заскользили черные фигурки...

Когда десант высадился, вертолет отвалил в сторону равнины, развернулся и по широкой дуге обогнул озеро...

— Вот, пожаловали. Наконец-то, — долетел издалека знакомый голос.

Дзенькнула молния. А шум от вертолетного двигателя начал вновь нарастать.

* * *

Я открыл глаза. Молния дзенькнула опять, и полукруглый полог небольшой палатки откинулся.

— Просыпайся. — На меня глядел Пригоршня. — Разлегся, фон барон. Как самочувствие?

Я приподнялся на локтях, прислушался к ощущениям — в животе урчит, есть хочется, голова кружится. Ногой шевелить не рискнул. Огляделся — рюкзак Пригоршни с ГСК под боком, сквозь парусиновые стенки палатки льется зеленоватый свет, значит, уже день.

— Я что, спал? Сталкер ухмыльнулся:

— Типа того. Сначала потерял сознание. Помнишь, как бомбили штурмовики? Потом Лабус разобрался с твоим костюмом — у тебя медблок барахлил. Ты бредил, нес чушь какую-то. Когда в чувство тебя привели, температуру сбили, задрых сразу, как провалился. Мы палатку поставили, чтоб заночевать. А теперь вот... — Никита задрал голову. Над нами снова прошел вертолет. — Теперь недолго осталось. Сейчас заберут тебя, и конец приключениям. — Он как-то невесело улыбнулся. — Что с ногой? Болит?

Я слегка напряг мышцы, и тянущая боль прокатилась по телу.

— Да, но в общем терпимо вроде...

— Ну, порядок, значит. Сейчас вертушка сядет, через час будешь в тепле, накормят, и отдохнешь...

Снаружи донесся голос Курортника:

— Пригоршня!

— А! — крикнул Никита.

— Давай сюда!

— Ладно... — Никита окинул взглядом палатку, снял трехпалую рукавицу, утер нос и подмигнул мне: — Потерпи малость.

Шагнув наружу, он сбросил полог. Прожужжал замок молнии, в палатке стало темнее.

Я осторожно лег, положив руки под голову, уставился в купол. Всё, домой. Наконец-то!

И тут что-то насторожило меня, какое-то нехорошее предчувствие колыхнулось внутри, сердце часто забилося. Я собрался вновь приподняться на локтях, чтобы сесть, когда за спиной послышался тихий шелест, будто там разрезали ножом ткань. Я дернулся, захрипел — мне зажали рот, в шею кольнуло, и тело скрутило судорогой. Холодная ладонь налегла на рот сильнее, тяжелый запах ударил в ноздри. Сознание я не потерял, и взгляд оставался четким, но тело парализовало, теперь я мог разве что моргнуть. Грязная рука набросила мне на шею лямку от рюкзака с ГСК.

Рокот приземляющегося вертолета заглушил шум леса и свист ветра.

Ухватив под плечи, меня вытащили из палатки, отволокли от нее и бросили. Ветер от винта зависшей где-то недалеко машины трепал лоскутья на боку маленькой палатки. Рядом скрипнул снег, и на голову мне натянули что-то черное. Лямка рюкзака сдавила горло, стало трудно дышать, из глаз потекли слезы. Меня схватили за руки — и поволокли куда-то.

Глава 5 ЗАПАДНЯ

Я хотел думать, что все происходит во сне, хотел. Но это было не так, я знал. Не мог шевельнуться, губы слиплись, язык будто разбух, едва помещался во рту...

Меня тащили, как набитый хламом сундук. Тащили до тех пор, пока рокот вертолета не

смолк. Я подумал, что машина приземлилась и пилоты заглушили двигатель, а потом вдруг понял, что окружающее меня пространство изменилось. Исчез хруст снега. Да и снега самого не было, меня теперь волокли по чему-то напоминающему землю. Тело парализовано... Одно радует: нога совсем не беспокоит. Но куда тащат? Кто тащит? Может, это зомби?.. Нет, не способны зомби действовать так расчетливо, у них от мозгов одна гниль осталась. Тогда кто? Кровосос? Он невидимым умеет делаться, мог к палатке незаметно подобраться... Похоже, действительно кровосос. Вон как легко тянет, словно ребенка. Хорошо, а укол в шею? Щупальце, через него впрыснул парализующий яд. И теперь тащит добычу к себе в укромное место. Но тогда куда исчез вертолет? Кругом явно многое изменилось, я будто в другой мир попал, хотя сознания не терял, просто в какой-то миг сигналы, доходящие из окружающего пространства, стали иными. Что же, в конце концов, происходит? И куда делись военсталы и Пригоршня? Они наверняка будут меня искать. Заметят исчезновение и пойдут по следам...

И тут же я подумал: но кровосос мне на голову непроницаемый мешок не накинул бы, не хватит у него на такое ума. Тогда кто все же? Ерунда какая-то происходит. И почему я так спокойно на все это реагирую? Я должен дергаться, орать, бояться — хотя страх таки есть, но он где-то глубоко внутри шевелится. Затаился страх, ждет момента. У меня сейчас отняли возможность двигаться. Осталась только способность думать. Нужно думать — раз не прикончили сразу, значит, так быстро не убьют. Раз тащат куда-то, зачем-то понадобился. Скоро узнаю, терпение. Надо подготовиться к худшему и верить: военсталы и Пригоршня меня найдут.

Я по-прежнему не чувствовал ничего, понял только, что меня волокут под уклон — стало легче дышать, лямка рюкзака уже не так сильно давила на шею. Похоже, с холма спускаемся или в овраг...

Послышалось журчание воды. Хрустнула ветка. Мы ненадолго остановились, и я уловил хриплое дыхание. Раздались глухие шаги, они удалялись. Я попытался шевельнуть пальцами — нет, не могу. Дьявол! Ну почему это происходит именно со мной?..

Донесся звук осыпавшейся земли, будто кто-то съехал по склону. По голове ударило несколько комьев или мелких камушков. Потом меня снова поволокли, кажется, вверх. Хотелось завывать от бессилия, но я и этой возможности был лишен. Хриплое дыхание начало действовать на нервы, в сознании возникали страшные образы, воображение рисовало картинки из фильмов ужасов.

Из-за сильного внутреннего напряжения я потерял всякую ориентацию в пространстве и времени. Главное, ведь глаза открыты, а вокруг непроглядная темнота, в которой расплываются радужные круги. Иногда казалось, что парю в невесомости, а потом вдруг я проваливался в забытье, но вскоре выныривал из него, и на голове по-прежнему был непроницаемый мешок, и двигаться я не мог...

Наконец остановились. Зашелестели ветки, и кто-то меня спихнул в яму. Свободное падение длилось секунду, удара я не почувствовал. Вверху опять прошелестели ветки, и наступила тишина...

Как же неприятно просыпаться от того, что лежишь в неудобной позе и рука, запущенная под подушку, затекла, не чувствуешь ее совсем, будто в тело вкрутили протез. Постепенно по передавленным сосудам начинает циркулировать кровь, конечность наливается дрожью, в пальцах покалывает, а сон уже схлынул к этому времени, ты можешь дотянуться до будильника и наконец вырубить звонок — нужно вставать...

Нет, не сон это был.

Я лежал на боку, беспомощный и парализованный, ничего не видел и не слышал, ощущал лишь холод, как в погребе или сыроватом подвале. Хотелось пить, чем дальше — тем отчаяннее. Может, отходняк от парализующего препарата начался? Покалывание в мышцах усилилось, по телу прошла судорога, а потом нога, моя чертова сломанная нога заныла по нарастающей. Пульсация крови в колене с каждым ударом сердца заставляла крепче стискивать зубы. Я тихо захрипел — боль была невыносимая. Получилось двинуть рукой, пальцы заскребли по земляному полу, сжались в кулак, и я перекатился на спину. Зажмурился. Выдохнул. Глубоко дыша, постарался успокоиться. Сердце гулко бухало в груди, но пульс постепенно выравнивался.

— Да... — прохрипел кто-то сбоку и заперхал, давясь кашлем.

Я дернулся, но сразу вновь попытался расслабиться.

— Боль тебя доконает, — прозвучало рядом. — Даже странно, он почему-то рано начал...

— Кто это «он»? — сумел выдавить я.

— Вивисектор, я называю его Вивисектором.

— Кто здесь? С кем говорю?

— Сними мешок с головы. Днем... — снова приступ кашля, — днем здесь хоть что-то видно. Я привык... Холодно, но и к этому можно привыкнуть.

Пальцы слушались плохо. Я с трудом поднял руку, кое-как подцепил и стащил ткань с головы. Сощурился. Круги перед глазами исчезли, лишь блеклые звездочкиплыли куда-то вверх и таяли.

Когда глаза привыкли к полумраку, я пошарил рукой по полу — ровный, земляной. Пригляделся к стенам — погреб или бывшая охотничья ловушка... нет, скорее погреб, слишком правильной формы стены, земля плотная. К своду тянутся жерди, значит, и потолок по уму сделан, но плохо видно, из чего он. Слабый свет лился сквозь ветки, наваленные вверх. Глубокий погреб, без чужой помощи не выбраться никак.

Сбоку двинулась тень, я скосил глаза и увидел человека под стеной. Он подобрался ко мне на четвереньках.

— Дай гляну. Не трясись, больно не сделаю.

Я пока толком не мог разглядеть его, но показалось — человек как человек. Глаза уставшие, но не потухшие. Наверное, так смотрят каторжники — изможденные, но не сломленные внутри. Просто не настал еще нужный момент, человек ждет, и когда представится случай — использует его до конца.

Интересно, откуда такие мысли? Как я обо всем этом догадался?

Незнакомец сел, протянул руку, осторожно коснулся моей сломанной ноги.

Во мне крепла уверенность: он не враг, скорее друг. Вот только откуда эта уверенность, ведь вижу его впервые... А может, это Зона меня меняет? Я слышал, что у людей, побывавших в ней однажды, могут проявиться скрытые способности. В любом случае положение такое: остается лишь верить в то, что этот человек не враг мне.

— Сломана... — прошамкал он разбитыми губами и потрогал ссадину на своей щеке. — Ты с Янтая.

Пола его куртки откинулась, я заметил на торсе свежие шрамы. Один крупный, извилистый, откуда-то от правого плеча начинается, пересекает грудь и доходит до пупка, разделяя надвое татуировку в районе диафрагмы. Кровь на коже запеклась, грубые и крупные стежки швов стягивают свежую рану. Неужели сам на себе зашивал?

— Чего молчишь? — Незнакомец проследил за моим взглядом и запахнул куртку. — Я сталкер. — Он вдруг закашлялся. Долго кашлял, никак не мог остановиться, отполз даже к стене. Когда приступ прошел, произнес: — Кровь камня бы сюда... подлечиться...

— Что? — не понял я.

— Артефакт такой, правда, бинт и спирт еще нужны или самогон. Хотя в такой ситуации и просто кровь камня сойдет.

Нога болела, сильно болела. Морщась, я глядел на сталкера. Он хмыкнул.

— Что, не знаешь, лаборантишка... Да откуда тебе. Как в Зоне оказался?

— С завода направили.

— Болит нога? Значит, не он это тебя. — Сталкер поднял голову, посмотрел вверх. — Я как-то сразу не подумал... Костюмчик на тебе добротный, ученые в таких ходят. — Он еще раз взглянул на потолок и неожиданно подался вперед: — У тебя же медблок там!

Видно, слишком резко он дернулся — охнул, схватился за бока, зашипел.

— Да, — подумал я вслух, — Пригоршня сказал, что Лабус с медблоком разобрался, он барахлил...

— А это что за персонажи? — сипло спросил незнакомец.

— Пригоршня — сталкер-одиночка, а Лабус — военный сталкер.

Незнакомец поднялся. Мне удалось опереться на локти и сесть. Я все еще рассматривал его. В отличие от колоритного Пригоршни, у этого обитателя Зоны не было никаких примечательных

черт. Роста среднего, как и я, не худой, не толстый — на теле только много шрамов, но их легко спрятать под одеждой. Раньше я этого человека не видел.

Он присел рядом, разглядывая мое лицо. Видимо, пытался понять: может, встречались где. Покачал головой, протянув руку, почти коснулся моей груди:

— Мне нужен медблок. Я молчал.

— Не сомневайся, я смогу разобраться, раз военстал разобрался. А ты пока мозги напряги да поразмысли, как нам отсюда выбраться. Ну что, дашь?

— Хорошо. Только я сам. — Я собрался расстегнуть клеванту воротника, но сталкер решительно помотал головой:

— Стой. Давай к стене сдвинемся. Сидим прямо под крышкой.

Это оказалась не лучшая идея: нога сразу дала о себе знать. Я стиснул зубы, но не смог удержать стон. Когда уселся под стеной и сумел восстановить дыхание — боль была невыносимая, меня чуть не стошнило, — сталкер сказал:

— Лаборант, у тебя есть способности, не могу понять какие, но точно есть. Зона вскрывает их рано или поздно. Бывает, человек их не замечает, даже когда они проснулись. Но у тебя... — Он потер шею, сдерживая приступ кашля, и продолжил: — У тебя есть что-то. От боли, которую ты сейчас должен чувствовать, другие сознание теряют — а ты держишься, хотя явно видно, что не такой уж ты силач. Но успокаиваешь ее в себе, как бы гасишь. Я вижу.

Я не моргая смотрел перед собой и пытался привести мысли в порядок. Вспомнил, что когда очнулся на поляне, где впервые увидел военсталов, похожие ощущения были.

— Ты в порядке? — Голос сталкера вернул меня в реальность.

— Нормально, — буркнул я и начал расстегивать воротник.

— Дай я.

Он быстро разомкнул все застёжки, снял с меня куртку, распустил молнию на моем комбинезоне до пояса.

— Холодно? Терпи, лаборант. Сколько ты в таком состоянии?

— Привык, ничего... Ногу сегодня сломал, но даже не знаю как. В грузовике ехали, по нам минами садить стали. Попали — я сознание потерял. Водитель, молодой совсем, погиб.

Я вновь устался в стену.

— Бывает... — как-то буднично произнес сталкер. — Так, сейчас я отсоединю иньекторы.

Он справился быстро, я даже не почувствовал ничего.

— Давай теперь руки из рукавов вынимай. Сталкер помог стянуть верхнюю часть комбинезона.

— Отвались от стены.

Когда я слегка подался вперед, он придержал меня.

— Сиди так. Сможешь? Нога?..

— Ничего, терплю.

Он стал возиться с медблоком, ругаясь на крепкую ткань. Вскоре раздался треск материи.

— Поживем еще, лаборант, — осклабился сталкер и показал мне пухлый полупрозрачный мешочек с пятью ячейками.

Из ячеек тянулись тонкие проводки разного цвета. Когда сталкер бережно вытащил их из складок моей одежды, на концах блеснули иглы иньекторов.

— Сколько ты уже на этой смеси?

— Сутки. Нет — больше. Я в сознание пришел вчера. Ничего не помню. Меня военные сталкеры подобрали. И Пригоршня этот, Никита его зовут. Они его допрашивали...

— Ладно, потом о них, — отмахнулся незнакомец. Он отполз к свету, проводки смотал в жгут, затянул

в узел, прищурившись, стал разглядывать содержимое медблока.

— Ну что там? Что скажешь? — Как-то само собой получилось, что я обращался к нему на «ты», хотя он был явно куда старше меня. Но не та сейчас обстановка, чтобы выкать, совсем не та...

Я просунул руки в рукава и медленно застегнул молнию.

— Не густо, лаборант, но и то хорошо. Так...

Сталкер засуетился, взглянул на крышку, отодвинулся к противоположной стене. Сел по-турецки. Локтями оперся на колени и принялся разбираться с проводками, что-то бормоча.

— Кто такой Вивисектор? — спросил я.

Он вздрогнул, вскинул голову. Взгляд будто провалился сквозь меня. Сталкер замер, позабыв про медблок, и сидел неподвижно с минуту.

— Як Янтарю шел, — прошептал он вдруг. — От Диких территорий. Там после выброса аномальное поле большое образовалось. Одному тяжело в таких местах, но такая у меня специальность... — Он сделал акцент на слове «специальность». — Я изучаю Зону, аномалии, явления, побочные продукты — мне это интересно. — Повертел в руках медблок, расправил проводки. Отложив в сторону, продолжил: — Напарник мне давно нужен, чтоб страховал, спину прикрывал или со сканером работал... Но пока не попадался подходящий. Я зашел в поле аномалий и тогда почувствовал его. Это не контролер, тот бы сразу мне мозги промыл, но после выброса и на Диких территориях... — Сталкер ненадолго задумался. — Не место там контролерам. Они любят развалины или под землей прячутся. Стараются всегда держаться ближе к норам...

Я припомнил, что Пригоршня тоже говорил: мутанты любят в развалинах жить... Значит, по Зоне и в одиночку пройдешь, если с головой и маршрут проработан. Это тем, кто здесь давно, понятно, а для меня все в новинку. Выходит, твари мигрируют не так, как животные в нормальном мире. Переход из пункта А в пункт Б в Зоне ограничен по времени, внутри Периметра можно передвигаться только между выбросами. На маршруте есть возможность пересидеть всплеск аномальной энергии, но для этого необходимо точно знать, где находится укрытие и не занято ли оно кем-то из обитателей Зоны. Вот и тянутся мутанты к развалинам, заброшенным военным объектам и поселкам, коих на площади в несколько тысяч квадратных километров приличное количество... Хм, вот такая картинка получается. Этакий круговорот ограничений. Разница в том, что человек пользуется техникой и расчетами, разумом. А мутанты просто живут здесь, это их дом — дом, наспигованный смертельными опасностями. Мутации в Зоне стремительны. В природе тысячи лет длится изменение вида, переход от одной среды обитания к другой, а здесь все очень быстро меняется. Зона — не просто опасное место, Зона — новый вид... новый вид... среды обитания? Физической реальности? Черт, не могу сформулировать, не знаю, ладно...

Я кивнул — то ли сталкеру, то ли самому себе:

— Понятно, почему военных так Зона привлекает. Полигон.

— Это не просто полигон. Смотрел такой старый фильм «Чужие»? Ну, там инопланетные монстры в тело человека личинку откладывают, эмбрион вызревает за несколько часов, и вуаля... — Сталкер зло сплюнул.

Я опять кивнул и скривился, вспомнив то кино.

— Монстр, пробив грудную клетку своего носителя, появляется наружу. — Сталкера не волновали мои ощущения. — Так там главной целью тех, кто экспедицию отправлял, было что? Монстры эти — совершенное оружие, приручи такого — весь мир у твоих ног. Но чем дело в фильме кончилось? Так и здесь, в Зоне, как в том кино, дело начали, а в ответ получили... — Он закашлялся. — Тьфу, кашель этот... все равно курить не брошу. У тебя курева нет, конечно? По лицу видно, что не куришь, слишком правильный.

Я покачал головой, и сталкер вздохнул:

— А даже если б и было, спичек все равно нет... — Он потер шею, облизал разбитые губы и вновь заговорил: — Я не знаю, кто он, Вивисектор этот. Что человек — точно. Возможно, бывший военный. Одежда на нем военная, хотя... Сейчас ведь сталкеры попадают такие, что упакованы лучше военсталов. Главное что? Плати. Хочешь в космос туристом — пожалуйста. А хочешь экзотическое сафари на лиманского кровососа или болотную тварь — выйдет дешевле, чем в космос, но адреналина... — Сталкер развел руки в стороны и оскалился.

Жутковатый взгляд у него был, безумный немного.

— Он — какой-то новый вид, — задумчиво добавил незнакомец. — Скорость мутаций в Зоне очень высокая. Вон как за несколько месяцев после аварии в две тысячи шестом вся экосистема перестроилась. И я хочу в этом разобраться в одиночку... — Сталкер махнул рукой.

— А Вивисектор как бы пробует Зону на вкус, не может понять, кто он есть на самом деле и что вокруг. Не знает до конца своих возможностей. Я понял, успел понять, что его воле мутанты подчиняются. Решил сначала — контролер такой новый. Потом подумал — нет, не стал бы контролер меня на лоскуты резать. — Он коснулся груди. Челюсть двигалась, играли желваки на скулах, глаза зло блеснули.

И вдруг я понял: да его трясет всего, лихорадит от ненависти!.. А ведь сильный мужик — не физически, хотя фигура у него спортивная, тут другое — он духом силен. Я хорошо ощущал эмоции собеседника. Я боюсь, а он — ненавидит, в нем страха нет, только ненависть и желание уничтожить врага.

Сталкер взволнованно зашептал:

— Когда он меня резал, мне показалось, что он пытается одновременно изучить меня. Перестроить какие-то связи внутри. Может, и перестроил. Я даже сейчас понять толком ничего не могу. Исполосовал, скотина, всего скальпелем. В сарае. Антисанитария... Урод. — Он сжал кулаки, уставился в пол и потряс руками.

Раны у него свежие и вроде гноятся, в полумраке много не разглядишь, но запаха гниения плоти я не чувствовал.

Впрочем, он мог говорить о какой-то другой заразе, не про инфекцию, обычный вирус, а... Снова знаний не хватает, не могу сформулировать, вот чувствую, что на верном пути, но до конца понять, где разгадка и в чем, — не могу.

Я открыл рот, но сталкер вскинул руку и, глядя вверх, едва слышно прошептал: «Тихо». Я поднял голову и вскоре расслышал далекую стрельбу. Ее заглушил частый дробный звук, раздавшийся где-то рядом. Идет кто-то или, скорее, семенит, тяжелый... Да не один приближается — целая компания!

Мы замерли.

С потолка посыпалась земля, я расслышал прерывистое дыхание, кто-то всхрипнул, будто лошадь, потом взвизгнул, фыркнул. Похоже на собак или кабанов. По

топтавшись наверху с минуту, они убрались восвояси. Когда топот ног или лап смолк, сталкер произнес:

— Кабаны. Кабаны Вивисектора. Они как цепные псы, что-то типа сторожей.

Я в эту западню попал с надетым на голову мешком, ничего не видел, лишь слышал, что ручей где-то недалеко. Товарищ по несчастью должен получше ориентироваться. Я спросил:

— Здесь рядом ручей есть?

Он потер подбородок тыльной стороной ладони.

— Ручей... Нет здесь ручья. Речушка, но она далеко. А что?

— А сколько до Периметра?

— У-у-у, брат...

В погребке стало темнее — видимо, приближалась ночь. Заметив, что от моего костюма льется мягкое оранжевое свечение, я удивленно оглядел себя, провел по ткани рукой, осторожно похлопал по плечу. Как же эта штука работает?

— До Периметра отсюда километров тридцать точно будет, если напрямик. Но, сам понимаешь, в Зоне прямых дорог нет.

Вот так...

Ерунда полная. Я же видел второе заградительное кольцо с вершины холма — своими глазами! До ближайшего поста было несколько сотен метров, Курортник четко обозначил наше местоположение в радиопереговорах, когда мы вышли к Периметру. Потом меня похитили из палатки, тащили... Не знаю, сколько точно тащили, в голове тогда помутилось, я терял счет времени... Это что же получается?.. Почесав лоб, я посмотрел на соседа:

— А ты точно уверен, что мы далеко от Периметра?

— Точней не бывает. Здесь самый близкий объект... Как, кстати, лаборант, тебя звать?..

— Кирилл, можно Кир.

— Здесь, Кир, — сталкер подался чуть вперед, — самый близкий объект, который контролируют военные, — Янтарь.

Изумленно покачивая головой, я спросил:

— А тебя как зовут?

Он почему-то сморщился, опять потрогал шею, повел плечами и наконец ответил:

— Химик. Зови меня Химик.

Глава 6

ХИМИК

Слышь, только не пойму, как он тебя с Янтаря выкрал? — Химик коснулся груди, сглотнул, прислушался к ощущениям. Сплюнул. Заговорил хрипло: — Почему тебя за периметр выпустили? Самому-то сбежать, думаю, сложновато. Да и причина должна быть, зачем тебе оттуда лиять. Может, спер что-то ценное?.. Как дело было?

Я взъерошил волосы, ощупал куртку, пошарил в нагрудном кармане из термопрочной ткани — пусто, — застегнул его. Поднял воротник и сказал:

— Ничего не помню. Совсем не помню. Военные сталкеры меня подобрали в нескольких километрах от Периметра. Пришел в сознание на поляне, ну и увидел их с Пригоршней. Только Пригоршня тогда как бы арестованный был. Потом я потерял сознание, очнулся — обстрел минный. Сердце колотится, Пригоршня — я тогда не знал, что он Пригоршня, — на меня кричит... Я побежал, куда сказали, потом военсталы разделились, Лабус со мной остался, мы к поляне вышли какой-то. Там еще будка старого КПП была.

Наступила ночь, в яме стало совсем темно, только костюм очень слабо светился.

— Дальше что?

Я рассказал, как Курортник с Пригоршней ходили за рюкзаком, как лавина псевдособак выскочила из леса, как нас спас водитель-мироходец, а сам погиб. Потом — про полтергейста и самодельную волокушу, про тушканов, лезущих откуда-то с окраины рабочего городка, про аномальное поле, холм у Периметра, бомбовый удар штурмовиков, про потерю сознания и про то, как утром меня выкрали из палатки. Не стал говорить лишь про ГСК и драку Лабуса с Никитой, решил пока об этом молчать, потому что до конца не был уверен в новом знакомом. Незачем ему пока все подробности знать.

Химик долго молчал, переваривал услышанное. Тишина давила, действовала угнетающе. Мой костюм слабо фосфоресцировал в темноте, и чувствовал я себя очень неудобно. Сталкер крутил в руках медблок, перебирал проводки, зачем-то отодрал тонкую блестящую полоску, идущую по краю. Потом долго тряс пальцами — полоска никак не хотела отлипнуть от них. Он тихо выругался, наконец бросил ее на землю и придвинулся ко мне.

— Смотри. Пиктограммы видишь? Это обозначение нейролептика. А вот тут капсула с антидепрессантом. — Химик положил медблок на землю и бережно раздвинул проводки с инъекторами. — Там еще какой-то физраствор в мягком резервуаре и пара гильз, в одной ад-реналин, в другой антибиотик, но я не знаю, какой именно. Нейролептик скорее всего и заблокировал у тебя отдельные участки памяти. Отсюда и амнезия.

— А как мне вспомнить всё?

— Не знаю. Блокада памяти — не новость для медицины. Люди без введения препаратов и воздействия гипноза память теряют... Стресс. А у тебя, похоже, одно на другое наложил ось...

Я молчал, пытался все это осмыслить. Надо же как-то вспомнить все, что со мной произошло. Хорошо, что не забыл, как меня зовут, маму и Надю, откуда родом. Даже отца не забыл, который, когда мне было шесть, нас с матерью бросил...

— Хотя что-то помнишь? Я глубоко вздохнул:

— Из-за чего сознание потерял, как у Периметра очутился — не помню. Помню только, как прибыл в Зону и последние события, и то прерывисто... я ж сознание терял часто.

— Ну точно. — Химик поднял один из проводков, проследил, к какой капсуле он ведет. — Каким-то образом медблок был поврежден. Анализатор состояния организма у тебя в костюме психанул и качнул в кровь все подряд. Приблизительно такой сценарий. Тебя чем-то шваркнуло по голове или телу, а может, ты испугался — не знаю. Микропроцессор по-своему все

воспринял, там же простейший алгоритм... Ладно, долго объяснять, да и ты не особо в этом понимаешь. Или понимаешь?

Я не ответил.

Химик похлопал иглу, будто пробовал на вкус, поморщился и заколол ее за воротник куртки. Растянул другой проводок.

— Самое странное... — Он помолчал, приглядываясь к игле иньектора. — Самое странное во всей твоей истории — похищение. Периметр, говоришь... Второе заградительное кольцо... — Воткнул вторую иглу рядом с первой и принялся за третий иньектор. — Я вот этого никак понять не могу.

Еще минут пять Химик провозился с иглами и проводками. После все бережно положил на пол и, кряхтя, принялся стаскивать ботинок с правой ноги.

Я уставился на сталкера. Зачем ему ботинок?

— Сейчас мы достанем кое-что. Такие вещички должны быть... — Химик с натугой стянул обувку, — и есть у каждого нормального сталкера на случай... — Он хмыкнул. — На всякий случай. — Выковырял из каблука лезвие и вновь взялся за медблок. — Теперь помолчи и не отвлекай. Сиди так, не двигайся, света маловато, но, думаю, справлюсь.

Он распорол нижний край куртки, вытянул оттуда репшнур. Сплел подобие удавки, предварительно накинув на большой палец правой руки петельку. Затем взял медблок, свернул в трубочку и заготовленной удавкой обхватил место, откуда выходили проводки. Зажав один конец шнура зубами, затянул узел, передавив проводки у основания капсул. Выпустил свободный конец изо рта, несколько раз обмотал медблок, сдавил узлом и обрезал лишнее.

— Держи, — сталкер осторожно стащил петельку с большого пальца. — Не сжимай, держи осторожно. Тут пневмошприцы. Петельку не трогай.

Я осторожно взял обмотанный шнуром медблок, начиная догадываться, что задумал Химик.

— Чуть вперед — вытяни руки. Я так и сделал.

— Да, вот так.

Сталкер срезал иньекторы, потом укоротил проводки по самому краю, оставив торчать короткие основания в пару миллиметров. Пробормотав: «Может, пригодится», — убрал разноцветный моток в карман. Потер ладонью о ладонь, размял пальцы.

— Не слушаются руки, мышцы сводит. И жрать охота... — Он принялся за иглы. Осторожно доставал их из воротника и вгонял в основания проводков. Через несколько минут, закончив манипуляции, придирчиво оглядел творение, которое я держал, и заключил: — Вот. Теперь у нас есть шанс отсюда вылезти. Так, еще немного... Держи как держал.

Химик достал из кармана пучок проводков. Один высвободил и аккуратно, петля к петле, плотно стянул пять игл.

— Теперь точно всё. Слушай сюда. Пневмошприцы сейчас взведены, как спусковой механизм у автомата. Понимаешь? Репшнур перетягивает основания у капсул, не дает препаратам выплеснуться наружу. Петельку эту дернуть — узел ослабнет и... от такой дозы слон загнется...

Я покивал.

— Втыкаешь, лучше всего в шею, — большой палец в петельке.

Я снова покивал... и замер.

Как это — «втыкаешь»? Я втыкаю?

— Я должен кому-то это воткнуть в шею?!

— Конечно, ты, кто ж еще... — Химик сел передо мной и посмотрел в глаза. — Ты, Кир. Когда он придет, я буду валяться как кукла. А тебя он не станет подчинять. Ты калека, ни на что не способный. Главное, надо понимать: у нас один-единственный шанс. Другого не будет. — Он взглянул в меня. — Не дрейфь, лаборант. В жизни часто приходится делать что-то в первый раз. Жить хочешь?

Я кивнул.

— Вот и ответил. Теперь помолчим, передохнем и подождем.

Я постарался расслабиться, но страх внутри мешал — все тело стало деревянным, как в кошмарном сне, когда хочешь убежать от опасности, но воздух как вата: вроде и бежишь, а с места никак сдвинуться не можешь.

— Спокойно, — сказал Химик. — На вот на всякий случай. — Он протянул мне лезвие. — Когда шприцы сработают, рубанешь наотмашь. Вот так, — и показал, как надо бить.

Я смотрел на лезвие. Сталкер пошевелил пальцами, острый кусочек металла перекатился, словно по лесенке, от большого к мизинцу.

— Я... не смогу, наверное, Химик... — Я забыл про боль в ноге, про холод. На лице выступила испарина. Я представил, что режу живую плоть острой бритвой, брызжет кровь... и отвернулся. — Не смогу.

Химик выругался.

— Ладно. Я не знаю, как быстро приду в себя... Запомни: иголки воткнешь — сразу тормози меня, бей по щекам, щипай, кусай, как хочешь, но в сознание приведи. Понял?

Я глубоко дышал, слушая, как часто бьется сердце.

— Ты понял?! — Он встряхнул меня за плечо.

— Да! — Я едва не выкрикнул это, и Химик зажал мне рот.

Лишь спустя почти минуту он опустил руки. Я выдохнул.

— Нужно отсюда выбраться. Любой ценой, — прошипел Химик. — Все, теперь отдых... — Он хотел сказать что-то еще, но закашлялся. Справившись с приступом, переполз к противоположной стене и больше не проронил ни слова. Разговор был окончен.

Я подумал о Наде и своем пижонском поведении перед отъездом в командировку. Как разыгрывал отважного и уверенного в себе мужчину. Как строил планы, предвкушал завистливые взгляды однокашников из техникума, когда вернусь и стану им рассказывать о Зоне... И вот прошло всего несколько дней — я сижу в яме посреди Зоны, захваченный в плен каким-то чудовищем, вместе с полубезумным сталкером!

Химик полулежал в расслабленной позе, прикрыв глаза и прислонив голову к жерди, подпирающей потолок. Будто и не было пару минут назад напряжения между нами — мой новый знакомый просто отдыхал. Такой выдержке позавидовать можно. Хотя что у него там сейчас в голове — бог знает.

Я уже собрался задать вопрос, но вдруг ощутил беспокойство, такое же, как тогда, в палатке перед похищением. Все мысли из головы будто ветром сдуло, холодок прошел по коже, ладони стали влажными. Я осторожно тронул петельку на большом пальце. Хорошо, что Химик репшнуром медблок обмотал — шершавая поверхность не скользила по вспотевшей ладони. Я хотел сильнее сжать медблок, но вовремя спохватился. Пневмошприцы же взведены! Чего доброго, сорвется петля и...

Химик напрягся, сменив позу, подался вперед. И тут же повалился на бок. Дернулся — взгляд стеклянный. Умер?!

Нет — из раскрывшегося рта потянулась струйка слюны, тело изогнулось в конвульсиях несколько раз. Рот покрылся пеной. Потом сталкер затих.

Я замер, не дыша. Пару раз зажмурился, пытаюсь погасить резь в глазах. Медленно выдохнул. Свободной рукой утер лицо. Сощурился...

Крышка с шорохом откинулась, с бряцанием вниз упала лестница — обычная стремянка. Сверху затоптали, зафыркали, послышался уже знакомый уху храп кабанов.

На ступеньку опустилась одна нога, вторая — он застыл на миг и двинулся дальше.

Включился фонарь, луч лизнул стены, задержался на беспомощном Химике, потом нащупал меня. Яркий свет заставил зажмуриться...

Глаза открывать я боялся. Чувствовал чужое дыхание и что-то крупное, сильное совсем рядом. Вдруг ощутил, что сила эта не знает, что ей делать, она в растерянности и плохо понимает окружающий мир, пока только учится ориентироваться в нем.

Еще несколько секунд я сидел зажмурившись, а потом заставил себя открыть глаза.

Фонарь стоял на полу, большой такой, с ним под воду, наверное, можно погружаться.

Широкий желтый луч бил в потолок. Химик по-прежнему не шевелился. Прямо перед собой я разглядел узкое обезображенное лицо. Кожа металлического оттенка вся в паутине мелких порезов. Казалось, из них сейчас брызнет кровь. Одного глаза нет, на его месте сросшиеся ломти век, кожа вокруг стянулась, сморщилась — будто облитая кислотой височная кость почти выперла наружу, местами оголилась. Лба и волос не видно, скрывает капюшон, но мне почему-то показалось, что череп склонившегося надо мной человека напоминает лысину замерзшего кровососа, которого я видел в рабочем городке. Синюшный такой и голый.

Сильная рука ухватила за ворот, оторвала от пола, словно во мне нет веса, словно я надувной матрац.

Спустя пару секунд мы уже поднимались по лестнице. Я увидел звезды, глубоко вдохнул морозный воздух. Моя воля не была парализована — я ждал момента.

Когда выбрались на поверхность, меня встряхнули и поставили на ноги — боль пронзила правую, я стиснул зубы. Вивисектор скинул капюшон, придвинулся ближе, и тогда я решился. Правая рука описала дугу, большой палец дернул петельку — иглы пробили незащищенную кожу на горле врага.

Вивисектор замер. Выронил фонарь, потянулся к шее... и тут меня ударило. Что-то невидимое, словно я разбежался и врезался в мягкую стену. Ночной мир крутанулся вокруг, и я упал.

* * *

Сколько времени прошло? Фонарь светит с земли в нескольких метрах. Рядом две аномалии — зеленый мерцающий студень и бело-голубой искрящийся шар, между ними валяется тело Вивисектора.

Свет фонаря позволил разглядеть, что я лежу, скрючившись в нелепой позе, возле постройки, напоминающей сарай. Здоровая нога зацепилась за широкую ржавую ванну, приваленную к стене.

Химик! Нужно привести его в сознание!

Я пополз к фонарю по промерзшей земле. Подхватив его, развернул, и в луче мелькнули бурые туши. Тут же раздались топот, фыркание... Кабаны!

Они исчезли в темноте, и я выключил фонарь, чтобы не привлекать внимание. А что, если они были под гипновлиянием, подчинены воле Вивисектора, и теперь как бы «пьяны», не могут сориентироваться в пространстве? Потому и не атакуют. Но скоро разберутся — маленький примитивный мозг четко опознает во мне источник пищи и угрозы. И тогда прощай, Кирилл Войтковский. Поднимут на клыки, разmozжат череп копытами, переломают хребет.

Нет, затаиться тут, в темноте, — не выход, надо действовать. Я включил фонарь и пошарил вокруг лучом. Рядом с откинутой крышкой погреба валялись какие-то бугристые шары с тонкими иглами. Осветив один, я попытался сообразить, что это за штука. Напоминает морского ежа, интересно. Бока в лиловых разводах вздымаются и опадают, будто оно дышит. Тонкие иглы шевелятся, даже в неверном свете фонаря видно — они очень острые. И еще я был уверен: ежи эти опасны.

Кабаны уже пришли в себя, сбились в подобие стаи, но подходить близко пока не решались, даже шорохов не было слышно — и причиной тому стали ежи. Они валялись повсюду в радиусе трех метров от лаза, я насчитал их с десятков, а потом бросил выискивать новые и медленно пополз к погребу. Главное — не шуметь и не зацепить эти игольчатые штуки.

Когда я огибал бездыханное тело Вивисектора, все время было ощущение, что сейчас меня схватят за ногу или за руку, как в глупом фильме ужасов, только музыки зловещей не хватало. Поверим Химику — смесь в шприцах завалит и слона. Значит, это существо я вырубил, хладнокровно все сделал, злость помогла и желание выбраться из западни. Только не знаю, убил ли Вивисектора, поднимется ли он?.. Лучше буду думать, что он сдох...

Вот и лаз. Я посветил в дыру. Лежащий внизу Химик не шевелился.

Я попытался сползти по перекладинам — и не смог. Нога болела невыносимо, руки дрожали, в теле была слабость. Черт, ну почему вот так — не могу спуститься, а ведь всего-то

несколько ступенек... Может, в Химика этим ежом швырнуть? Нет, нельзя, я ведь понятия не имею, какие у них свойства.

Я свесил руку в дыру, раскачал и отпустил фонарь. Снизу донесся приглушенный звук удара, луч метнулся по стенам, фонарь моргнул пару раз и отрубился.

Здорово. Приехали.

Раздался стон.

Я зажмурился, чтобы быстрее привыкнуть к темноте. Открыл глаза, поморгал. Костюм слабо фосфоресцировал.

— Химик! — прошептал я. Внутреннее чутье подсказывало, что орать сейчас не стоит. — Химик!

Снова стон. Шорох. Глаза уловили движение в темноте. Брякнула стремянка, и я увидел растрепанную шевелюру под собой.

Глава 7

СВОБОДА

Я боялся пошевелиться. Химик оставил фонарь рядом с лазом, но и к нему тянуться не было желания. Яркий луч уперся в кусты, в десятке метров за которыми высились деревья.

— Химик, тут какие-то шары с колючками кругом, — тихо сказал я, едва сдерживая радость. Он очнулся, теперь я не один! — Их даже кабаны боятся, не нападают на меня.

А кабанов-то по-прежнему не слышно... Хотя они где-то неподалеку, это я точно знал, но не движутся и не пытаются атаковать. Во всяком случае — пока.

Я посторонился, позволяя Химику выбраться, но он лишь высунулся по пояс, огляделся и полез обратно.

Снизу донеслись шорохи, сдавленное ругательство, шелест, потом там зажегся фонарь, и вскоре Химик показался опять. Я по-прежнему лежал возле лаза — от напряжения заломило спину, и сразу усилилась боль в сломанной ноге.

Сталкер посветил на меня. Видимо, заметив, как я гримасничаю, аккуратно положил фонарь и прижал палец к губам: молчи. Я слабо кивнул. На короточках подобравшись к Вивисектору, насколько позволяли аномалии, сталкер уставился на него. Я увидел, как сжались кулаки Химика, потом он отчетливо скрипнул зубами. Несколько секунд разглядывал неподвижное тело, наконец выпрямился, сделал мне знак оставаться на месте и скрылся в сарае.

А если он меня кинет?.. Да нет, Химик не похож на сволочного типа, на каких-нибудь мародеров, про которых я слышал пару рассказов в лагере на Янтаре.

Янтарь... Где-то совсем рядом. Нужно туда. После эвакуации там осталась только группа Григоровича. А если и его вывезли? Пусто в лагере, мутанты рыскают? Ведь колючку и сигнализацию обесточили наверняка... Минные поля оставили, но надолго ли их хватит... А может, и надолго. Живность, то есть мутанты, в Зоне ведет себя как обычное зверье. Того, что ее пугает, будет сторониться. Так что? Главное — проникнуть в лагерь, в убежище или капонир, где можно пересидеть какое-то время...

Я повернул голову, немного сдвинулся. Свет пробивался сквозь щели между досками хибары. Не разобрать, что это, — то ли сарай, то ли хлев.

Несколько раз внутри мелькала тень, свет в щелях мигал. Наверное, Химик внутри рыскает, что-то ищет. И тишина.

Тишина и темнота сильно действовали на нервы. Я покрутил головой, и взгляд поймал несколько красных светящихся точек. А вот и наши друзья — кабаны. Застыли тише воды ниже травы. А ежи? С трудом удалось разглядеть один, он шевелился, на поверхности вспухали и опадали бугры.словно кто-то насадил резиновый мячик на палец и тычет в него изнутри.

Я снова взглянул туда, где только что были кабаны, — точки исчезли, зато из темноты донесся шелест. Всё, ушли? Бросили добычу? Странно...

Я вытер испарину со лба. Надо ползти к сараю, не могу больше лежать посреди поляны.

Мертвец рядом, кабаны, ежи эти, аномалии, наверняка еще какие-то твари... Так свихнуться недолго, лучше поближе к Химику, с ним безопаснее. Фонарь не стал брать — лишние усилия и потеря времени.

Адреналин растворился в крови, холод пробирал до костей, я не мог сдержать дрожь. Зубы стучали, руки и плечи тряслись, будто у меня болезнь Паркинсона. И нога ныла невыносимо. Я долго полз, при каждом движении стискивал зубы. Искував губы в кровь, добрался до сарая, подтянулся на руках в дверной проем, поднял голову — и лоб ткнулся ствол штурмовой винтовки.

Химик пару секунд рассматривал меня, потом убрал винтовку за спину, повернулся и шагнул к верстаку в глубине помещения.

Я огляделся: не слишком просторно, дощатые стены, утрамбованный земляной пол, в углу расчехленный наполовину рюкзак Пригоршни, торчит хромированная секция ГСК, похожая на перевернутую кастрюлю. Я вздрогнул — меня эта штука, изобретенная Григоровичем, теперь как злой рок везде будет преследовать?.. На верстаке под стеной стояли банки, бутылки, валялись промасленные тряпки, рядом стоял табурет с керосиновой лампой на железном поддоне. На стенах развешан инструмент. Сарай-склад. Куча всякого барахла, рухляди. Видимо, сюда тащили любую полезную вещь, которая сгодится... для чего? Помещение необжитое, больше напоминает мастерскую.

Химик подхватил лампу и пошел в дальний угол, где высились стеллажи, сколоченные из деревянных брусьев, а рядом к стене были прибиты широкие полки, заваленные каким-то хламом. Под ними стоял несгораемый шкаф. Сталкер взял со стеллажа нож, блеснуло обоюдоострое лезвие — я такие видел у военсталов, добротное холодное оружие, очень опасное для врага, если умеешь с ним обращаться.

Химик присел перед шкафом, посветил на петли. Недовольно покачал головой, встал, потянулся к стеллажу за небольшим аэрозольным баллончиком.

Попшикав на петли и в замочную скважину сейфа, он положил баллончик на пол, повесил лампу на гвоздь в стене и стал сосредоточенно разглядывать замочную скважину. Пару раз ковырнул в ней кончиком ножа, снова покачал головой, снял с гвоздя лампу и направился в мою сторону.

Я все еще лежал в дверях. Химик снова жестом велел мне молчать, я кивнул, тогда он перешагнул через меня и пошел к телу Вивисектора. Шагал сталкер очень аккуратно, медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу. Около Вивисектора заискрился и чуть раздулся бело-голубой шар аномалии — Химик заслонился, отвернулся на миг. Губы поджаты, глаза сощурены, лицо напряжено. Он почесал подбородок, задумчиво разглядывая аномалию. Потом вдруг взмахнул рукой — сверкнул клинок, и я зажмурился.

Когда открыл глаза, сталкер шел назад. В руке лампа, в другой нож, что-то на шнурке болтается... Я посмотрел на Вивисектора — вроде бы не отрезано ничего от тела, как лежал, так и лежит.

Химик вновь перешагнул через меня, подошел к несгораемому шкафу и, повесив лампу на гвоздь, вставил в скважину ключ, который снял с Вивисектора. Щелкнул замок, но Химик не спешил открывать дверцу. Просунул кончик ножа между створками, придирчиво осмотрел щель, качнул головой, ухмыльнулся. Вставил лезвие еще глубже, ладонью придавил створку и резко двинул ножом. Раздался легкий скрежет, створка беззвучно открылась — и сталкер достал из сейфа гранату. Раздвинув усики кольца-предохранителя, спрятал ее в карман.

У меня поплыли круги перед глазами, уши заложило, а дрожь стала до того сильной, что я больше не мог опираться на руки и улегся на пол. Саднило в груди, сознание ускользало, проваливалось в бездонную пропасть. Я закрыл глаза — круги и вспышки под веками. Из темноты вынырнуло лицо Пригоршни, потом размазалось, превращаясь в чудовищную рожу полтергейста, монстр открыл пасть и сжался в яркую точку. Точка взорвалась искрами, растаяв в темноте...

* * *

Голова опиралась на что-то мягкое, а в рот лилась холодная вода, стекая за шиворот. Я открыл глаза — Химик. Он сделал уже привычный жест, означавший, что нужно соблюдать тишину, сунул мне под голову рюкзак и отодвинулся. В свете керосиновой лампы виднелся обрезиненный контейнер. Химик сдвинул крышку — открылось шесть ячеек, содержимое которых мне ни о чем не говорило. Я покосился на свои ноги, увидел, что шина с повязкой исчезли, перевел взгляд на сталкера. Куртку он сменил на свитер и кожаную жилетку с множеством кармашков.

Наверное, я долго был без сознания, раз он успел столько сделать. Химик извлек из кармана зажигалку и небольшой плоский баллончик с жидкостью для нее, положил на куртку, расстеленную на полу. Там уже был армейский нож, закупоренный бутылек с прозрачной жидкостью и скрученное в клубок растение, похожее на лозу. Вспоров рукав куртки, сталкер разрезал его на две части, одним лоскутом обмотал левую ладонь, взял баллончик и полил повязку. Потом зубами вырвал пробку из бутылки, и я ощутил запах спирта. Химик щедро плеснул спиртом на кусок рукава, закупорил бутылку и полез левой рукой в контейнер. Достал оттуда сверток размером с кулак, развернул — внутри был красно-бурый ком. Химик переложил его на отрез рукава, и ком будто вздрогнул, едва слышно зашипел, сморщился. Сталкер быстро завернул его в ткань и приложил к месту перелома на моей ноге. Я вздрогнул, но сумел сдержаться, лишь заскреб пальцами по полу. Тело само собой напряглось, боль прострелила от затылка до пяток, перед глазами поплыли круги. Я думал, что снова вырублюсь, но вдруг ощутил слабое тепло, наполняющее тело. Боль затухала, хотя в месте перелома сильно пекло. Химик лозой примотал артефакт к ноге и вопросительно заглянул мне в лицо. Я кивнул. Сталкер смотал лоскут с ладони, нарезал несколько полос из остатков куртки и стал обматывать мою сломанную ногу.

Покончив с повязкой, довольным взглядом осмотрел ее, покивал и достал из нагрудного кармана смятую пачку сигарет. Вытащив одну, щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся.

Выдохнуть он не успел — глаза расширились, шея напряглась, Химик выплюнул сигарету, развернулся и пополз в глубь сарая, давясь кашлем. С минуту он стоял на четвереньках, уткнувшись лбом в пол, приглушенно перхая. Потом сел, утер лицо. Давно у него уже не было кашля, а сигарета спровоцировала застуженные в погребке легкие. Химик недовольно покачал головой, видимо, ругая себя за неосмотрительность.

Мне стало лучше. Легче дышалось, холод исчез, и боль прошла. Интересно, что за артефакт Химик примотал к моей ноге? Теперь только печет, будто горчичник, и все. Эта штука и лечила меня, и согревала...

Сталкер вернулся ко мне, знаками показал, что могу сесть. Я попробовал — получилось. Химик тем временем закрыл контейнер и подвязал его снизу к рюкзаку. Мелкие инструменты раскидал по карманам жилетки, помог мне перебраться внутрь помещения и прислонил к стене, потом взял керосинку, поставил на верстак и погасил.

Я сидел с закрытыми глазами, чувствуя себя с каждой минутой все лучше и лучше. Навалилась сонливость, очень хотелось есть. Зашуршала бумага, Химик ткнул меня в грудь, и я открыл глаза. В слабом мерцании костюма увидел, что сталкер протягивает мне плитку гематогена. Я жадно схватил угощение и сжевал в один заход. Поблагодарил кивком, показал большой палец. Химик кивнул в ответ.

Сдвинув ладони, сталкер приложил их к щеке, склонил голову. Предлагает поспать... Он двумя пальцами указал на свои глаза и обвел рукой сарай — мол, подежурит пока.

Я сложил руки на животе — и провалился в сон.

* * *

Проснулся я от сильного зуда в сломанной ноге. Голова свесилась на грудь. С трудом удалось распрямиться, я помассировал затекшую шею и с удивлением понял, что могу пошевелить ногой. Артефакт под повязкой раздулся.

Я медленно переместил ногу в сторону, пошевелил пальцами, подвигал ступней. Острой боли не было. Повязка с артефактом мешала, но все-таки удалось согнуть ногу.

Огляделся — раннее утро. В сарае висела серая дымка, Химик стоял в дверном проеме боком ко мне. На спине рюкзак Пригоршни с подвязанным снизу контейнером, на клапан резинками пристегнут блестящий тубус — чем-то чертежный напоминает, только короче вдвое. Сбоку приторочена винтовка — телескопический приклад сдвинут до минимума, на ремне подсумок, из-за голенища торчит рукоять ножа. Он стоял, засунув руки под жилетку, и дымил сигаретой. Только сейчас я заметил, что голова сталкера обвязана и какие-то странные кругляки, напоминающие улиток, прилеплены к вискам.

Химик пожевал губами, длинный столбик пепла упал на ботинки. Сталкер выплюнул окурок, зевнул и потянулся, привстав на носки.

Я пошевелился, он заметил движение и обернулся. Выглядел он свежо, только глаза красные да слегка отекавшее лицо — напоминание о бессонной ночи. Наверное, прийти в себя ему помогла повязка с улитками-артефактами. Вообще, надо расспросить Химику при случае подробнее про аномалии, артефакты — кажется, он в этом деле хорошо разбирается. Вон за одну ночь с их помощью меня вылечил...

Я жестом поинтересовался, можно ли говорить, Химик отрицательно качнул головой. Шагнул ко мне, присел на корточки. Из внутреннего кармана достал ПДА и быстро набрал несколько слов. Развернул ко мне экран: «ЕЖИ, НЕЛЬЗЯ ШУМЕТЬ».

Я кивнул.

Сталкер отстучал на клавише: «ЯНТАРЬ».

Я оттопырил большой палец — согласен.

Химик встал, отошел к верстаку и взял длинный кусок арматуры. С одной стороны железяка загибалась, этот конец обмотан репшнуром — удобная ручка, ладонь не соскочит, — на другой насажена пробка от бутылка.

Ага, это костыль. Выходит, Химик ночью даром времени не терял, готовился к путешествию.

Сталкер протянул костыль, я взялся за него, кое-как встал, половчее перехватил рукоятку и попробовал ступить на сломанную ногу. В колене кольнуло, я пошевелил стопой, перенося вес тела с пятки на носок — непривычно, нога плохо сгибается из-за раздувшегося артефакта, но это ерунда, главное — боли нет! Значит, я самостоятельно могу идти, нет необходимости меня тащить. Я поднял взгляд.

Химик скупой улыбнулся и указал на дверь.

Я шагнул раз, второй — все нормально. Вот как! На лице сама собой возникла улыбка. Теперь-то мы точно дойдем до Янтара. Оружие есть, я не один, в компании опытного сталкера, который разбирается в аномалиях и артефактах, может, даже лучше ученых с Янтара. Еды у нас, наверное, маловато, но главное — добраться до лагеря, а там видно будет...

Выйдя наружу, я увидел небольшую полянку, окруженную кустарником. Дальше рос лес. И куда, интересно, подевался весь снег? Не мог же он растаять так быстро. Или мог? Странно.

Я вдохнул полной грудью свежий морозный воздух. Погладил дощатую стену, собрал иней на ладонь, оставив темный след на шероховатой доске. Вытер лицо. Посмотрел на ржавую чугунную ванну возле стены — и кто ее сюда притащил? — поднял взгляд к небу. Светает, но кругом по-прежнему все серо. Вроде возвращается обычная для Зоны погода; если потеплеет, идти будет легче.

Потом взгляд уперся в мертвеца, лежащего между аномалиями. Я вздрогнул, вспомнив события прошлой ночи. Захотелось побыстрее убраться отсюда, уйти подальше от ночного кошмара.

Химик подтолкнул меня вперед, и сам вышел следом. Показал знаками, что надо двигаться вдоль стены и за угол.

Я кивнул, но, не успев сделать и шагу, заметил движение по краю поляны. Кусты шевельнулись, и на открытое пространство выбрался человек, облаченный в КЗС, в противогазе с длинным хоботом, с «калашом» на изготовку. Следом появился второй, у которого КЗС был поярче — новее, наверное...

«Свобода» — понял я. Эти парни из «Свободы». Я вспомнил сталкера, который разговаривал с Отмелем на Янтаре. Он носил такую же форму и элементы экипировки.

— Хенде хох, Химик! — прогнусавил один из сталкеров.
Мертвец между аномалиями дернулся, и тут Химик сильно толкнул меня к ванне.

Часть вторая ЭФФЕКТ ВНЕЗАПНОСТИ [Лабус]

Глава 8 ПОИСК

Лабус! Я обернулся на крик Курортника. Над поляной пролетел вертолет, судя по номеру на борту — из второй эскадрильи.

— Дым ему зажги!

— Сделаю.

Я добежал до опушки, достал из-за пояса трубку наземного сигнала, отогнул проволоку с боков зеленого цилиндра — получились ручки. Пальцем вдавил пробку, сорвал заглушку и, выдернув кольцо, поднял над головой дымящую трубку.

Вертолет начал снижаться. Винт с ревом рубил воздух, ветер разгонял по поляне белую пелену, закручивая десятки маленьких смерчей. Хлестала по липу снежная крошка, впиваясь в щеки. Я выбросил бесполезную сигнальную шашку. Ключья густого рыжего дыма, подхваченные потоком, смешивались с белой пеленой, вплетались в протуберанцы и тут же, потеряв ускорение, таяли...

Машина задними колесами коснулась земли, потом опустилась передняя стойка шасси. Я разглядел сквозь лобовое стекло, как пилоты обмениваются фразами; один, пожилой, потянулся к тумблерам на верхней панели, второй, молодой совсем, дернул рычаги управления, сдвинул вбок форточку, высунул руку и призывно махнул.

Обороты двигателя снизились, протяжный звук сменился низким воем и через пару секунд смолк.

Я поднял очки на шлем и побежал к вертолету.

— Пригоршня! — донесся Лехин голос. — Чего ты возишься?

— Да... тут... — Никита выбрался из палатки.

— Ну чего?..

— Кирилл пропал.

Я остановился. Как пропал?

— Как пропал? Куда? — спросил Курортник.

— Не знаю. Знал бы — уже нашел.

Я повернулся, окинул взглядом лес. Между деревьями купол палатки, рядом растерянный Пригоршня, в одной руке ОЦ-14, или попросту автоматно-гранатометный комплекс «Гроза», в другой портплед. Сталкер вскинул «Грозу» и снова нырнул в палатку.

Я покосился на Курортника.

— К бою! — скомандовал он.

Мы пошли одновременно, подняв оружие, но не успели сделать и пары шагов, как с другой стороны палатки вынырнул удивленный Пригоршня. Он почесал затылок, присел, потрогал полог. Выпрямился и сказал:

— Пропал... и изделия тоже нет.

За спиной щелкнуло, раздался вой стартера, я оглянулся — лопасти винта медленно поползли по кругу.

— Лабус! — прокричал Курортник. — Задержи его!

— Стой! — Я сжал кулак, согнув руку в локте, покачал ею.

Молодой пилот высунулся в форточку, проорал:

— Что у вас тут происходит?!

Я кинулся к вертолету, наведя ствол на испуганное круглое лицо.

— Стой, говорю! Глуши двигатель!

— Не мельтеши, военстал, — спокойно произнес пожилой, перегнувшись через напарника, и выставил в форточку пистолет.

Ясно, это командир, а круглолицый — второй пилот-штурман. Парень хлопал глазами, вертел головой, но питание выключил и руки с рычагов убрал.

— Что у вас? — спросил командир.

— Ничего, — буркнул я. — Ждем... — И, опустив оружие, развернулся.

Курортник, стоя возле палатки, разговаривал с Пригоршней. Сталкер развел руками, хлопнул ладонями по бедрам, запрокинул голову и зачем-то указал пальцем на небо.

Рев двигателя оборвался, и долетел обрывок фразы:

— ...куда я знаю!!!

Курортник сгреб Никиту за шиворот, подтянул к себе и начал цедить ему в лицо. Умеет Леха людей вразумлять. Чего он только в сталкере нашел — не пойму... Ладно, это их дела, я в Зоне меньше года, а Курортник уж почти три. Да и Пригоршня этот тоже, наверно, с пару годков ходит.

Из кабины раздался голос командира. Он вел радиообмен с базой, запрашивал указания.

— Говорить будешь? — Командир протянул наушники с гарнитурой.

Я свистнул Лехе, тот знаком приказал мне оставаться на месте и подтолкнул сталкера — они побрели в чашу, глядя под ноги.

— Кто? — спросил я, сдвигая оружие за спину и беря наушники.

— «Полсотни пятый».

Нормально. Сам оперативный дежурный, за что такая честь? Ночью Курортник связался с постом, запросил командира отряда, но связь паршиво работала, и поговорить удалось только с начальником поста. Тот доложил оперативному и через полчаса ответил нам, что утром за Кириллом придет вертолет. Приказал не менять место стоянки.

Я зло сплюнул, разгладил усы. Помедлив, приложил к уху наушник и сказал в микрофон:

— Лабус у аппарата. Слушаю...

В ответ полетела ругань. Я закатил глаза. Видимо, дежурный был из служивых, а не канцелярская тля — в выражениях он не стеснялся. Один оборот я даже постарался запомнить, уж больно виртуозно матерился офицер.

Пилоты слушали, молодой с испугом, пожилой с недовольством, качая головой. Я ждал. Дежурный прекратил ругаться. На миг показалось, что он сейчас отключится. В наушнике раздалось шипение, что-то щелкнуло, и прозвучал вопрос:

— «Полсотни пятый», «Лабусу»: где изделие и ученый? Прием.

— Я «Лабус», «полсотни пятому»: изделие и ученый пропали, прием.

— Как пропали? Куда?

Дежурный даже пренебрег правилами разговора в симплексном режиме.

— «Лабус», «полсотни пятому»: а хрен его знает, выясняем, прием.

Оперативный из эфира исчез надолго. Из наушника лилось слабое шипение, хрюканье, бульканье. И чего с нами через пилотов говорить, запросил бы Курортника на нашей частоте... Нет — пилоты нажаловались, все должны слышать, как оперативный, сидя в штабе, отчитывает военсталов...

Размышления прервал голос дежурного:

— «Полсотни пятый», «Лабусу»: группе уйти в поиск, приказ начальника штаба. Доклад каждые полчаса. С вами свяжутся командир отряда и начальник разведки. Прием.

— «Лабус», «полсотни пятому»: уточняю — сколько находится в поиске? Прием.

— «Полсотни пятый», «Лабусу»: до потери пульса! Прием.

Я стиснул зубы. Хотелось послать их всех в эфире прямым текстом. Никогда бы не видеть эту Зону. Четвертые сутки здесь торчим, немытые, небритые, жрать охота... Вляпались опять с Лехой в какую-то бодягу. Теперь ищи пацана и ГСК этот.

— «Лабус», «полсотни пятому»: вас понял. Необходимо два б/к к стрелковому, батареи к станциям и ПДА и две сутодачи на троих. Прием.

— «Полсотни пятый», «Лабусу»: возьмете у пилотов. Конец связи.

Я швырнул наушники в форточку, крикнул:

— Открывай!

Хорошо, по запарке оперативный не обратил внимания, что я на троих патроны и провиант запросил. Правда, расшифровку-то на стол начальника разведки по любому положат. Значит, Лехе нужно про Пригоршню доложить командиру отряда, да побыстрей...

Дверь десантного отсека сдвинулась. Выглянул круглолицый. Выставил стопку сухпайков, исчез в салоне. Заскрежетали по полу ящики с боеприпасами. Штурман подтянул к краю сразу два, сверху кинул пластиковый бокс со стандартным комплектом аккумуляторов для радиостанций и ПДА. Я заглянул в отсек, увидел под силушками ящики с «РГД-5» и «Ф-1». В глубине стояли рядком цинки с патронами для АК. О! Пригоршня-то у нас с «Грозой», повезло, что в вертолете есть патроны для него.

— Тащи сюды! — Я ткнул пальцем в ящики. — И цинки тоже.

Штурман возмутился:

— Ты ж к стрелковому просил. И зачем тебе семь шестьдесят вторые? Они для тридцатого поста, у них там заваруха была...

— Тащи! — разозлился я. — Будешь мне «тыкать»...

— Отдай, — послышался голос командира. Штурман выполнил команду.

— Забирай, — недовольно буркнул он.

— Ну бывай, сынок. — Я скинул цинки и ящики себе под ноги и рывком задвинул дверь.

Поднял голову — Курортник и Пригоршня маячили среди деревьев, медленно сдвигаясь в глубь леса. Я свистнул, и они обернулись.

— Остаемся! — крикнул я.

Курортник поглядел на меня, на вертолет, нахмурился.

— Не понял!.. — воскликнул он и тут же бросил Пригоршне: — Ты двигай давай по следам, ищи!

Леха побежал к вертолету.

Боковая дверь снова отъехала в сторону, выглянул штурман.

— А отметку? — обиженно произнес он, протянув электронную планшетку. — Мне ж теперь на базе надо как-то...

Не обращая на него внимания, я взвалил на плечи два ящика и подошел к кабине.

— Спасибо. Привет первой эскадрилье.

— Передам, — серьезно ответил командир. Подумал и добавил: — С километр на север висит какое-то непонятное марево. Сверху как купол выглядит, а к земле пошли — и уже вроде как стена, плоское. Вроде у него топография меняется, когда меняешь точку наблюдения. Я впервые такое вижу. Доложил оперативному, пусть разбираются. Может, вам сведения пригодятся.

— Ага, и за это спасибо.

Я зло зыркнул на круглолицего, который все пытался сунуть мне под нос свой планшет, подбросил на плечах ящики, крепче ухватил ручки и побрел к лесу.

Когда поравнялся с Курортником, он спросил:

— Кто, чей приказ?

— Начальника штаба, — прокряхтел я. — Сейчас с тобой начальник разведки свяжется. Поставь галочку штурману в планшетке...

Леха выругался, взявшись за раненое плечо, стиснул зубы. Осколок я еще в рабочем городке вынул, ранение плечевое, но кровило сильно. Он свистнул Пригоршне и, когда тот обернулся, крикнул ему, чтоб бежал к вертушке.

Я добрел до опушки, бросил ящики и поспешил обратно.

Леха переругивался с командиром, рядом мялся Пригоршня. Показался штурман, выдал Пригоршне новенький рюкзак. Сталкер, недовольно ворча, покрутил упаковку с армейским комплектом химзащиты, сунул ее в рюкзак и стал подгонять лямки. Потом, спохватившись,

дернул за плечо штурмана, который уже собирался задвинуть створку:

— Братан, жилеточку одолжи! — Никита пальцами поддел лямку разгрузки на нем.

Круглолицый отшатнулся:

— Сдурел?!

— Дорога дальняя, — продолжал Пригоршня, и было не понять, издевается он или говорит серьезно. — Тебе ни к чему, на базе новую справишь.

— Не наглей, сталкер, — долетел голос командира из кабины. — Штурман, достань ему мою старую. Рядом с аварийным запасом в сумке должна быть.

Спустя несколько секунд Никита, словно ребенок, получивший игрушку, вертел в руках разгрузку.

— А тут дырка, однако, — пробормотал. — Ладно, заштопаем... Благодарствую! — крикнул он командиру, но тот не ответил.

— Всё? — спросил штурман, присевший на корточки в десантном отсеке.

— Усё, — бросил Пригоршня и резко задвинул створку, чуть не защемив круглолицему голову.

Мы потащили ящики к лесу. Вернувшийся в кабину штурман задрал форточку, и пилоты начали подготовку к взлету — защелкали тумблерами, забубнили что-то в переговорные устройства. Завыл двигатель, поднялся ветер, закружил пелену.

Достигнув опушки, мы свалили ящики в снег. Тугая струя воздуха лупила в спину. Я сдвинул на глаза очки, обернулся. Вертушка оторвалась от земли. Быстро стала набирать высоту — сквозь блистер я увидел, как командир козырнул нам, двинул рычагом, нажал педаль — машина завалилась набок и по малому радиусу развернулась. Потом вертолет как бы подпрыгнул над холмом и ушел к Периметру.

* * *

— Ты так считаешь? — переспросил Никита и сел на один из ящиков.

— Ты виноват, — повторил я.

— Это почему?

— А кто рядом с лаборантом...

— Брэк! — вмешался Курортник. — Вы подеритесь еще. Заряжаемся, снаряжаемся — ив поиск.

У него пискнул ПДА- Экран мерцал зеленым сигналом вызова.

— Обожди. — Я оторвался от раскрытого ящика. — Доложи сначала командиру отряда про него, — я кивнул на Пригоршню, — а то я в разговоре с оперативным на троих б/к и провизию запросил. Да и пилоты не дураки, видели его.

Пригоршня молча отвернулся и принялся распаковывать пачки с патронами.

Курортник думал. ПДА настойчиво сообщал о том, что нужно ответить, а Леха медлил, жевал губами, прикидывая что-то. Наконец он покачал головой и отрубил ПДА.

— Что докладывать? Легенда нужна... Пригоршня набивал магазин, делая вид, что наш разговор его не касается.

— Да так и доложи: на подходе к Периметру утром задержал местного жителя, прошу разрешения включить в состав группы. Житель хорошо знает окрестности... то-сё, пятое-десятое... — Я потербил усы и сдвинул очки на шлем.

Курортник еще поразмыслил и кивнул. Пригоршня вздохнул и стал рассовывать пачки с патронами по карманам.

Я присел возле ящика с гранатами, взял банку с запалами и отыскал на дне плоскую открывашку, завернутую в промасленную бумагу. Тем временем Курортник вышел на волну отряда, запросил командира. Ожидая ответа, он механически защелкивал патрон за патроном в магазин.

Вскрыв банку, я высыпал запалы в отдельную ячейку в ящике. Ко мне присоединился Пригоршня, он стал скручивать пластиковые заглушки с гранат, а я вворачивал запалы.

— Ты вроде как с опытом, — сказал я, покосившись на него. — Служил?

— А то! — кивнул он.

— Где?

— В девяносто пятой.

— Бригада... — Я кинул снаряженную гранату в Пригоршня, тот ловко, со шлепком, поймал ее в ладонь.

— Хорошая реакция — десант, значит. Хотя чё те в парашютно-десантной роте делать? Только шайтан-трубу таскать. Гранатометчик?

— Угу, — буркнул Никита. — Истребитель танков...

Леха на удивление быстро получил добро от командира, но тот велел пока не отключаться, и на волну сел начальник разведки. Леха знаками показал, чтобы и я послушал.

Я врубил станцию.

— ...найти. Возможно, он единственный свидетель. Доклад каждые полчаса. Прямо — север, топопривязку получите на ПДА, зафиксировано неисследованное явление. Приказываю быть предельно осторож... — в наушнике булькнуло, прошелестело, голос на время пропал, — ...часа десантирую три группы с задачей...

По кронам пронесся вихрь, деревья качнулись. Я ощутил невидимую теплую волну. Словно бултыхнулся посреди океана и качнулся на пологом водяном валу... Курортник удивленно смотрел на меня, прижав пальцем наушник. Пригоршня вскочил и замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Волна схлынула, невесомость исчезла. В ухо влетел обрывок фразы:

— ...ртник», я «пион шестьдесят шесть», ответьте... «Курортник», я «пион шестьдесят шесть», перейди на запасную частоту... «Курортник»...

Я посмотрел на Леху, он развел руками — не слышит.

Быстро сменив частоту, я вышел в эфир. Пост запеленговал сигнал и переключил на начальника разведки. Я выдернул наушник, сорвал с крепления гарнитуру и протянул Курортнику.

Он еще с минуту слушал указания, кивал, потом пробормотал: «Отбой», — и вернул наушник.

— Что это было? — первым делом спросил я.

— Ну! — сказал растерянный Пригоршня. — Теплом окатило и как бы вверх подняло, вроде вес потерял.

— Не знаю... — Курортник морщась потрогал плечо. — Не знаю. Ищем лаборанта, пока не найдем. Лабус, включи ПДА- Пригоршня, твой левый фланг. Лабус — правый. Направление — север. Сейчас получим топопривязку, впереди марево висит непонятное. — Леха говорил и одновременно настраивал ПДА. — Действуем стандартной «тройкой». Никита, вопросы? Я влез:

— Пилоты странное что-то говорили, будто это,, ну, явление, марево — сверху как купол, а когда начали садиться, как стена стало.

— Да, начальник разведки все так же обрисовал. — Курортник покончил с ПДА и взялся за ящик с «эф-ками». — У них информация только от пилотов, и все. А нам шагай туда...

Я стянул рюкзак, расстегнул белый чехол, откинул клапан и стал засовывать сухпай.

— Дистанция? — спросил Никита.

— Прямая видимость, — ответил Леха.

— Связь в случае потери видимости, огневого контакта и прочих обстоятельств?

— Длинный свист — «впереди опасность», два коротких — «ко мне». В случае огневого контакта и потери связи приказываю отходить к Периметру, выйти к посту тридцать два и связаться с начальником разведки. Код связи: «Эдельвейс два ноля».

Никита кивнул, с серьезным видом вскрыл рюкзак и начал запихивать цинки с патронами в отделения.

На радость мне в одном из ящиков оказались три снаряженные ленты на сотку. Я тут же уложил ленты в короба, а их закрепил на рюкзаке. Потом мы заменили аккумуляторные батареи в радиостанциях и ПДА, включили, проверили работу. ПДА исправно принял сообщение, привязал по карте точку, в которой начиналась граница марева.

— Пригоршня, у тебя что с ПДА? — спросил я.

— Все, алее капут. Мороз, зараза, машинка не больше трех суток пашет.

— Держи. — Я протянул кубик батареи.

— Не подойдет же, — растерянно ответил Никита, — конструкция другая.

— А голова тебе на что, дылда? — Я ткнул ему пальцем в лоб. — Вот скотч, вот проволока...

— Пригоршня, только быстро! — Курортник рассовывал по жилету магазины из прозрачного пластика.

Пока сталкер возился с батареей, я собрал палатку, утрамбовал ее в чехол и подвязал к низу рюкзака. Поправил лямки. Проверил «файв-севен», нож, попрыгал — подсумок слегка резал бок, я сдвинул его за спину. Посмотрел в сторону рабочего городка — дымящие руины, покореженные мачты ЛЭП. Ночью бомбовый удар штурмовиков смел городок с лица земли и повалил деревья вдоль опушки.

— Все готовы?

Пригоршня попрыгал и кивнул. Курортник скомандовал:

— Направление — север, двигаемся уступом, я в центре, впереди двадцать, веду по следу. Вперед.

Я сделал шаг, и тут опять накатила теплая волна. Вестибулярный аппарат взбунтовался, к горлу подступила тошнота. Глаза видят обычный лес, обычный снег, обычное небо — и при этом тебя словно в воздух поднимает...

Курортник пошатнулся, схватившись за голову, свалился на землю. Пригоршня упал на одно колено, а я уселся на задницу и заморгал.

Глава 9 МАРЕВО

Да что ж такое?! Тело ватное, движения мягкие, плавные... Будто время замедлило бег и дышит... Дышит.

Почему я об этом подумал? Что не так со временем?..

Но тут невесомость исчезла, и я не успел додумать мысль до конца. Пригоршня прыгнул к Курортнику, я вскочил, качнувшись, — показалось, земля уходит из-под ног, а небо кренится, но потом все успокоилось, и я вскинул оружие. Осмотрелся — чисто, тихо, ветерок по кронам гуляет, качает ветки.

Пригоршня помог Курортнику сесть. Леха озирался, тряс головой и зачем-то ощупывал лицо.

— Лабус... — прохрипел он.

— Здесь.

— Связь есть?

Я включил станцию, запросил через пост отряд. Командир практически сразу ответил. Выслушав доклад о случившемся, он взял паузу, потом снова вышел в эфир, сказал одно слово: «Ищите», — и дал отбой.

— Слышал?

— Слышал. Значит, есть связь, работает станция.

— А у меня ПДА глючит.

Пригоршня держал «Грозу» на локтевых сгибах и разглядывал ПДА на ладони. Теперь сталкер не мог закрепить его на предплечье, потому что скотчем примотал к ПДА батарею и наладонник стал похож на радиоприемник. Мне вспомнилось, как мы еще пацанами прикручивали изолентой круглые батарейки, не пролезавшие в отделение магнитофона — потому что тех, которые туда помещались, никогда не было в магазинах. Во времена всеобщего дефицита такие ухищрения были распространены. Зато теперь каждый за себя, а тогда жили весело и дружно. И главное, не нужна была изощренная техника, полагались на опыт и знания. А сейчас — без спутников, ПДА этих, персональных компьютеров ни шагу. Вон даже Лехе в башку электронный модуль засунули, и ведь согласился он, пошел добровольцем... И я бы согласился

— теперь другое время. Такая философия. Я шагнул к Пригоршне:

— Дай посмотрю. Он не возражал.

На маленьком экране его ПДА фон постоянно менялся — то синий, то зеленый, то белый. Ни букв, ни иконок. Я понажимал на кнопки, но видимых результатов это не принесло. Вообще-то странная у сталкеров сеть. Когда-то некто по кличке Че сумел выстроить самоделом целую систему сообщений, ее сейчас и пользуют сталкерские группировки да одиночки внутри Периметра. Правда, система слабенькая. Так, баловство, чтобы обеспечить элементарную коммуникацию — во слова-то какие знаю! На таких площадях без спутников и дополнительных вышек со стационарным оборудованием не обойтись. Хакеры-шмакеры, самородки двадцать первого века — вот и результат, глючит сетка, толку от нее...

— Не работает, — сказал Никита.

— Ага, — согласился я и отдал ему ПДА. — Курортник, ты как?

Леха уже стоял на ногах. Ощупывал себя, крутился на месте, будто на спину табличку привесили «пни меня» и он пытается ее сорвать.

— Что с тобой? — спросил я.

— Ерунда какая-то, Лабус. Словно облапали всего, да еще и в башку залезли. У меня БТС* даже запустилась и карта Зоны на пару секунд развернулась, как тогда в Припяти, помнишь?

Я кивнул.

— Потом кольнуло, БТС выключилась. Может, мираж, почудилось?.. Ведь не может она запуститься.

— Я помню, ты тогда на верхушке трубы сказал: отключилась вся система...

Снова отголоски из прошлого. Ведь очень хочу забыть ту историю — нет, не получается. Еще аукнется оно нам. Есть в Зоне, помимо безмозглых мутантов, те, у кого на Леху и на меня зуб...

Пригоршня с любопытством глядел на нас.

— Чего зыркаешь? — спросил я хмуро. Сталкер хмыкнул.

— Так вы в Припяти были? Когда? А как Радар прошли? — Он повернулся к Курортнику.
— А что это за БТС?

— Тебе знать не положено, — отрезал Леха. — Забудь про Припять, вообще забудь все, что слышал. Что делать будем? Если эта волна повторится, мы так до вечера с места не сдвинемся. Я вон и сейчас покалывание такое легкое ощущаю по всему телу, и в затылке ломит. Ни у кого похожего нет?

Я помотал головой, Пригоршня пожал плечами.

— Значит, один я такой уникальный, — заключил Курортник.

БТС — боевая тактическая система, описана в романе А. Бобла «Воины Зоны».

— Леха, а что начальник разведки про группы говорил? И про единственного свидетеля?

Курортник посмотрел на Пригоршню, решая, рассказывать или не стоит, и все же сказал:

— Янтарь двое суток не отвечает. Сначала с ними связь прервалась. Погода, сам видел, какая была — хрен куда долетишь. Потом борт отправили, а он свалился, не долетев несколько километров... Четвертый отряд в полном составе туда пешком пошел... Информацию только сейчас спустили по всем каналам. А Кирилл наш — похоже, единственный, кто может объяснить происходящее. Он же с Янтаря, свидетель. Так что ищем, ищем до потери пульса. Вперед. — Леха развернулся и пошел в чашу.'

Пригоршня растер щеки снегом, фыркнул.

— Там же Отмель сменой командовал... — произнес я. — Юра...

Теперь я понял, почему Курортник готов идти до конца и Кирилла из-под земли достанет. Они с Юрой однокашники по училищу... Отмель, брат, как же так? И отряд у тебя был одним из лучших... Почему был? Есть! Мапуша вам всем, еще посмотрим, кто в Зоне хозяин!

Направившись за Лехой, я спросил:

— Так в ОК знают, что на Янтаре случилось?

— Ну да, думаешь, они доложат нам? Распечатку пришлют по факсу с полным раскладом?..

Да, действительно, вводную кинули, на чувствах сыграли — «ищите». Ищем! Ищем уже — вас бы всех сюда! Сидят за Периметром, чистенькие, в тепле, жрут нормальную пищу. А мы —

тварей бей, лови рентгены да в происходящем разбирайся...

— А что со мной? — подал голос Пригоршня. Он по-прежнему стоял на месте.

— С тобой потом разберемся. Считай, что пока повезло, — не оглядываясь, бросил Курортник. — Ты с нами, тебя задержали у Периметра. — Он все же обернулся. — Шагом марш на левый фланг!

Никита перехватил «Грозу» в боевое положение и побежал между деревьями, нагоняя нас.

* * *

Идиотизм, натуральный идиотизм. Кто-то выкрал Кирилла. Кто? След явный оставлен. Да только каким образом и где так быстро лаборанта спрятали? А мы и не заметили и главное — не слышали. Волокла его какая-то двуногая тварь, по следам видно. Лес кругом. Обычный лес, не дремучий. Снега хватает, идти тяжело, но даже если предположить, что в похищении участвовали несколько человек, как же они так стремительно исчезли? Атаковать, понятно, не решились, ведь боевая вертушка в воздухе висела, да и мы рассредоточились. Пока Пригоршню завалили бы, пока меня... хотя со мной легче — я дымил шашкой, указывая место посадки и направление ветра. Потом еще с Курортником пришлось бы повозиться... Нет, атаковать им было не с руки.

А если кровососы? Обернулись невидимками, вот мы и прошляпили. Но очень уж странно, что они объединились... Так, может, контролер?.. Нет, отпадает. Ему нужно было шустро передвигаться, а он не умеет. Хотя... если сильный контролер, действуя с большого расстояния, подчинил кровососов... Нет, опять ерунда. Нас бы попытался подчинить, если и вправду сильный. К тому же, насколько я знаю, эти твари от своих обиталищ далеко не уходят. Рабочий городок разбомбили ночью, там точно ничего живого не осталось, даже строения в труху смолотили — так откуда же мог прийти этот контролер?..

Мы двигались медленно, Курортник внимательно осматривал окрестности. Я догадался о его мыслях: он тоже не понимает, что случилось, обдумывает ситуацию с разных сторон, прикидывает варианты и потому не торопится — не знает, с чем мы можем столкнуться за ближайшим кустом.

Я поглядел на Пригоршню. Вот кого надо хорошенько тряхануть. Кирилл знал про ГСК, пытался что-то о нем рассказать, когда тушканы подвалили. А потом завертелось. Ладно, сейчас сталкеру повезло — потом, все потом. Найдем лаборанта, тогда я Пригоршню прижму. Курортник, добрая душа, верит ему на слово, потому что знает давно. Ну и что, я видел, как люди предают, вмиг меняются, в скотину превращаются...

Курортник поднял руку, присел под деревом. Мы с Пригоршней обменялись знаками, Леха обернулся, кивком подозвал меня, а Пригоршне показал, чтобы оставался на месте.

Побежав к молодой сосенке, я тихо опустился в снег, положил ствол пулемета на крепкий сучок.

— Прямо пятьдесят, видишь? — прошептал Курортник и протянул мне бинокль.

В электронной оптике плясала странная картинка: рябило, будто снег идет, только как бы и не идет, скорее завис в воздухе. Ощущение, что фотограф взял позитив с пленки, кинул на диапроектор, а поверх накладывает разные кальки с зернистым фоном. Пейзаж статичен, рябь меняет положение.

— Марево... — прошептал я.

— Оно. — Курортник взял у меня бинокль. — И что делать будем?

Я не знал, что делать. Трудно говорить о том, чего никогда не видел, не шупал, не чувствовал. Не знаешь, чего ждать. В Зоне полно таких явлений, вот только почему именно нам выпадает честь с ними знакомиться?

Я пригляделся — можно и без бинокля различить слабые колебания воздуха вдалеке. На фоне черно-белого леса сразу и не заметишь, Леха глазастый. А с воздуха, должно быть, видно лучше. Спасибо вертолетчикам.

Поставив пулемет, я взялся за планшет. Сканер молчит. Перебирая разные диапазоны, устройство пискнуло, зафиксировав повышенный электромагнитный фон. Ох, не нравится мне это, чудит Зона. Впереди нет ни радиации, ни знакомых аномалий, судя по показателям. Только

глазами видно, как еле-еле колеблется воздух, будто парит в жаркий день над асфальтом, а приборы ничего не фиксируют.

И след на снегу ведет напрямик в это марево...

— Зови Пригоршню. Подумать надо, — сказал я, оторвавшись от планшета.

Но Курортник, оказывается, уже махнул сталкеру рукой, и вскоре тот присел за соседним деревом, вопросительно посмотрел на нас.

— Видишь? — негромко спросил Курортник.

— Что? — Пригоршня покрутил головой.

— Прямо смотри.

Сталкер сощурился, привстал.

— Во бред!

— Варежку прикрой и сядь! — прошипел я.

Развернувшись, Пригоршня привалился рюкзаком к дереву и положил на колени «Грозу».

— Я такое впервые вижу.

— Мы тоже, — сказал Курортник.

— А следы-то туда ведут. В эту аномалию, или что там за хрень.

— Без тебя видим, — проворчал я. — Что с ПДА? Сталкер достал устройство, пожал плечами и покачал головой.

— Надо в нее гайку или болт швырнуть, — предложил он.

Мы с Курортником переглянулись. Леха скептически хмыкнул: сталкерские штучки. Эх, жаль, у нас собаки нет. Пес бы сразу дал знать, можно ли пройти, безопасно ли марево, он любую аномалию и мутанта учует. Животные всё на каком-то природном, клеточном уровне распознают. Словно Бог, когда создавал человека, дал ему мозги и способность развиваться за счет мысли, оставив только один инстинкт — размножения. А животных поместил на ступень ниже, но не лишил связи с природой и наделил многими инстинктами. Иначе как объяснить, что звери заранее чувствуют землетрясения и извержения вулканов и уходят из опасных мест...

— Пса бы сюда. — Курортник будто прочел мои мысли.

А ведь тот, кто в Зоне много времени проводит, что-то приобретает — по-другому передвигается, смотрит на происходящее, чувствует... Вон Леха нутром почуял марево, понял, когда остановиться, осмотреться. Скоро и я стану немного мутантом, домой приеду — родные шарахаться будут. Понимаю Курортника, почему новый контракт хочет подписать, когда истечет срок предыдущего. Он с Зоной сросся. Только ему легче — жены нет, детей нет... А Кирилл пропавший — ровесник моему старшему будет... Да, нужно в Иностранный легион было топать, купился я на сумму контракта с ОК... Черт, ну что за ерунда в голову лезет?

— Я проверю. — Пригоршня подкинул на ладони болт и гайку, они тихо звякнули. — Пойду и кину. А, Курортник?

Леха думал недолго.

— Давай, только с максимальной дистанции. Как бросишь — сразу за дерево и мордой в снег. Понял?

— Чего ж не понять. — Пригоршня перехватил оружие, поднялся. Пригибаясь, подошел к нам, протянул мне «Грозу»: — На временное хранение, — и направился к зарослям орешника.

Маршрут он выбрал странный — кровосос его знает почему так. Достигнув ближайшего куста, сталкер свернул на полпути. Швырнул вбок болт с привязанной к шляпке красной ленточкой. Леха хмыкнул, мы переглянулись и снова уставились на Пригоршню. Наверное, у сталкеров в порядке вещей шаманские ритуалы, а может, и вправду Никита, как и Леха, чувствует что-то, поэтому кидает болт туда, где, на его взгляд, притаилась опасность. Проверяет. Хотя скорее всего это он тренировался, приноравливался.

Сталкер подошел к болту и поднял его. Постоял, переминаясь с ноги на ногу и глядя вперед. Почесал затылок, широко размахнулся и запустил железку в марево, до которого было метров двадцать, а сам с фырканием свалился за сосну. И я втянул голову, вжался в снег. Краем глаза заметил, как Леха поднял бинокль...

Удачный бросок — болт пролетел между деревьями, не зацепив веток, пересек границу марева и утонул в сугробе. Ничего не случилось. Ветерок по-прежнему гулял в кронах. Я

приподнялся на локтях. Вон ворон прохлопал крыльями, здоровенный какой — падали нынче много в округе, отожрался, скотина летающая. И все, ничего больше. Болт валяется себе где-то в снегу за границей марева. Пригоршня поднял голову, обернулся, посмотрел вопросительно.

Курортник крикнул:

— Давай гайку! — Бинокль он не опускал. Никита размахнулся и швырнул гайку. Она зацепила

молоденькую елку, с веток посыпался снег, а гайка -не долетела до аномалии.- Пригоршня выругался, достал еще одну, метнул — на этот раз попал в марево. Я заметил, куда она упала. Ничего не произошло.

— Ну что, теперь попробуем сами, — сказал Леха. Я выпрямился — в левой руке «Гроза», «Миними» на ремне через плечо, готов к стрельбе. Бросил короткий взгляд на Курортника, он показал жестом: «Вперед». Перебежав к Пригоршне, я отдал ему «Грозу», присел и прижался к дереву, наведя пулемет на марево.

Леха взял правой, точно по цепочке следов предполагаемых похитителей, пролегшей между кустами орешника. Отойдя шагов на десять, остановился, поводит штурмовой винтовкой из стороны в сторону и дал знак оставаться на месте, а сам приблизился к мареву почти вплотную.

Кажется, командир вину чувствует за пропажу лаборанта. Вот в отряде над нами потешаться будут... Да ладно потешаться — ОК сожрет, особый отдел душу вывернет. Хорошо, если все закончится удачно. И на Янтаре все в порядке, и мужики из отряда Отмеля живы, и Юра найдет способ, как связаться со штабом. Он опытный командир. Все-таки совсем мы расслабились с Лехой, давно в Зону не ходили, долго нас муржили после событий на ЧАЭС...

— Лабус! — тихо позвал Курортник.

— Я.

— Если чего... — Он посмотрел на меня. — Это приказ. Берешь Пригоршню, и выходите за Периметр.

Я открыл рот...

— Это приказ, — без эмоций повторил Леха.

Я вздохнул, покосился на Никиту. Тот пожал плечами.

Командир медленно убрал винтовку за спину. Поправил шлем, сдвинул на глаза очки и сложил пальцы в замок так, что они хрустнули.

Наконец он расцепил руки, отклонился немного назад, как бейсболист перед броском, и прыгнул.

* * *

Ничего не произошло. Нырнув в марево, Леха покрутился на одном месте, посмотрел вверх, вниз. Казалось, что он стоит за стеклянной дверью и стекло не очень чистое — фигура слегка расплылась. Он усмехнулся и вышел из марева на нашу сторону. Повернулся, шагнул обратно, снова выскочил.

Привстав, я огляделся. Тихо кругом. Опять пролетел ворон, каркнул ехидно и уселся на сосну, сбив с ветки снег. Тыфу на тебя.

Я поднялся и пошел к Лехе, Пригоршня сопел за спиной. И тут мне приспичило отлить. Черт, нужно было еще на поляне, когда палатку собирал, ведь хотел — вертолетчики виноваты, точнее, круглолицый. Разозлился я на него и забыл про малую нужду. А в снегу повалялся — и вот тебе... Старый становлюсь.

— Лабус.

— Я.

— Ты чего такой? — спросил Курортник.

— По нужде отойду. Прикройте. Пригоршня фыркнул.

— Чего фырчишь? — нахмурился Леха. — Когда сам пойдешь, а кабан с лежки фыркнет...

Смотри, кабы чего не откусил.

— Та не, — протянул Никита, — то я на ворону. Глупая птица.

— Не ворона это, — проворчал я, направляясь к кустам, — а ворон.

— Ну ворон.

— Пригоршня, наблюдай за лесом, пока он до ветру сходит.

Видимо, Никита хотел еще что-то сказать, но Курортник приказал; «И помолчи чуток», — после чего стал вызывать по радио отряд.

Оказавшись возле кустов, я поглядел по сторонам — еще со срочной ненавижу зимой ходить по нужде в полевых условиях. Дело не в стеснении — мне хоть взвод баб за спиной или лицом к лицу, — просто холодно, оружие неудобно болтается, да и форма... Хотя и стали шить лучше, как сейчас модно говорить, эргономику просчитывают, а все равно, пока штаны расстегнешь, термобелье подцепишь да дело сделаешь...

Курортник что-то бубнил скороговоркой командиру отряда. По обрывкам фраз было ясно, что докладывает про марево. Сеанс связи оказался коротким, я еще не закончил. Подал голос Пригоршня:

— Марево как марево. Может, это туман такой. Снега в Зоне вон сколько не было, а тут за несколько дней навалило и не тает.

Захрустел наст под ботинками.

— Нет, — откликнулся Курортник. — Это точно какая-то аномалия. Может, не совсем аномалия, но какая-то природная закавыка. Явление атмосферное, рефракция, но в том, что здесь без вмешательства Зоны не обошлось, я уверен.

Опять заскрипел снег* — похоже, оба куда-то побрели.

Я выдохнул. Ну наконец-то, с облегчением вас, Константин Николаевич, и больше так не затягивайте, а ходите в туалет вовремя. Застегнул пуговицы на ширинке,. Рука привычно легла на пистолетную рукоять, я повернулся и застыл.

Курортник с Пригоршней исчезли.

Накатила мягкая волна, тело поплыло куда-то, я упал спиной в снег...

Каркнул ворон, закачалась ветка. Да чтоб тебя!.. Я почти машинально вскинул пулемет и короткой очередью сбил птицу. Черная тушка взорвалась, разлетелись перья, с веток осыпалась белая пороша.

Глава 10 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Курортник... — позвал я. Твою мать! Вот тебе и природная закавыка. И что? И куда все делись, ну не разыгрывают же они меня. Это глупо.

— Леха, Пригоршня!!! — прокричал я во все горло.

Так, спокойно, Лабус. Думай. Думай, что случилось. Ты пошел отлить. За спиной мялись двое: командир и сталкер-одиночка. Предположим, что их сожрала эта долбаная аномалия без шума и пыли...

Я поднялся на ноги, сделал пару шагов. Оглядел истоптанный снег. Вот тут стоял Пригоршня, и куда он пошел? Ага, к мареву. А вон следы Курортника, он у самой границы марева топтался — должно быть, тыкал пальцем в полупрозрачную рябую плоскость...

Ох, не люблю я аномалии. Не по душе мне все это, набожный я человек.

Я посмотрел по сторонам, будто кто-то мог за мной наблюдать. Перекрестился, зажмурился и шагнул в марево.

Открыл глаза — кругом заснеженный лес, кусты, ветер в кронах гуляет.

Обернулся — тот же пейзаж, только слегка размытый туманом аномалии. Следы наши видны. Вот в чем прав Пригоршня, так это...

— Во бред! — произнес я.

Поскрипев зубами, развернулся в одну сторону, в другую.

Думай, думай! Курортник здесь стоял, к нему подошел Пригоршня, и они испарились. Но я-то вот — живой. И Леха чуть раньше границу переступал туда-обратно. Я потыкал пальцем в марево — ничего. Задрал голову — «стена» убегала ввысь и терялась на фоне серого неба. Как

тончайшая маслянистая пленка, только как ее, стенку-пленку эту, подвесили? Что за сила держит вертикальную плоскость, исчезающую в низких серых тучах, и заставляет ее колыхаться? И почему аномалия пропускает сквозь себя, не задерживает, не оказывает сопротивления, а кого-то и...

Так, я не туда забрался в размышлениях. Надо заново...

ПДА! Болван, Лабус, болван! Я закатал рукав. Привычная картинка: карта, иконки, только нет тех, которые показывают Курортника с Пригоршней или еще кого-то. Я врубил сканер. Проверил все режимы, даже подключил функцию поиска беспроводных устройств. Сканер исправно обнаружил мой ПДА.

Радио! Лабус, ты дважды болван, остался один и растерялся. Старый становлюсь...

Я щелкнул радиостанцией — шипение в наушнике. Запросил пост, отряд. Молчание. Вызвал Курортника — тишина. Вот она, мапупа, получи, Лабус.

Расстегнув ремешок шлема, я оттянул ворот куртки и потер шею. Влез пальцами под шлем, помассировал затылок...

Гоняй, гоняй кровь в черепушке, Лабус, — что же ты такое упустил? Что-то важное. Где разгадка? В чем? Прокрутим события вновь: я стоял возле куста, спиной к мужикам, Курортник докладывал по радио в отряд, потом они с Пригоршней обсуждали марево и... И? Я повернулся, их нет, волна невесомости накрыла! Вот!

— Волна, — прошептал я.

Опустился в снег, сложил ноги по-турецки, очки сдвинул на глаза, застегнул ремешок шлема и стал ждать.

Пейзаж слегка расплывался, очертания деревьев были нечеткими — а когда издалека смотришь, заметить марево почти невозможно.

Я глянул на часы — с момента последней волны прошло около пяти минут. Так, прикинем интервал между волнами. Есть ли тут закономерность? Первая волна накрыла нас, когда на связи был начальник разведки. У Курортника радио еще отрубилось. Потом мы снарядились, хотели выступать, и тут вновь повторилось — интервал минут десять, пятнадцать. Потом подобрался к мареву, покидали гайки и болты, обсудили, Курортник туда сунулся, я пошел по делу — между второй и третьей волнами также прошло минут пятнадцать. Значит, — я опять посмотрел на часы, — значит, еще от силы пару минут...

Я поерзал, поправил лямки рюкзака, пулемет перевесил на грудь, проверил патронную ленту — все в порядке. Ждем. Снова поерзал и решительно отключил все электронные устройства. На всякий случай.

И тут воздух подернулся дымкой, пожелтел, как лист старой бумаги, исчезли деревья, кустарник... Лист превратился в огромное сито. Сквозь тысячи мелких дырочек вновь проступили лес, снег, кусты, но возникло ощущение, что вокруг сумерки.

Окружающее надвинулось на меня, облепило, обволокло, почернело, словно к листу бумаги поднесли зажигалку.

Я, кажется, заорал, но голоса не услышал. Зажмурился. Тело стало легким, как пушинка, и вдруг...

Пулемет потяжелел, я услышал собственный сдавленный крик. В спину кто-то толкнул, навалился сверху, обхватив шею, зажал рот. Прошипел в ухо:

— Тихо, Лабус! Молчи!

Курортник, Леха! Да я готов молчать целую вечность! Узнал твой голос...

Командир, убрав ладонь, схватил меня за плечо, перевернул. Куртка и штаны масккостюма вывернуты наизнанку — зачем он переоделся в хаки?..

Я осмотрелся — кругом лес, бурая земля вперемешку с замерзшими листьями усыпана рыжей хвоей, сверху серое небо. Снега нет...

Курортник приложил палец к губам, указал мне за спину. Я обернулся. За деревьями едва виднелись фигуры людей — шли цепочкой по одному. Я отполз за дерево, прошептал:

— Кто?

— Похоже на «Свободу». — Он уже следил за сталкерами в бинокль.

Я огляделся — метрах в трех от нас сидел Пригоршня.

— Переоденься пока, — сказал Курортник.

Я расстегнул грудную перемышку, стянул рюкзак, перебросил ремень пулемета через голову и поставил оружие на землю. Скинул разгрузочный жилет, высвободил руки из куртки, выворачивая рукава. Сбросил с ботинок снегоступы. Теперь поясной ремень штаны, все это наизнанку... Ну вот и готово.

Еще во Вторую мировую фашисты придумали двусторонние масккомплекты. Практично, удобно. Только это не помогло им победить в войне... хорошо бы, чтобы помогло нам.

Рюкзак надевать я пока не стал, чтобы не лишать себя маневренности, лишь стянул с него белый парусиновый чехол и убрал в потайной карман. Посмотрел вперед — много их там, за деревьями. Глянул на Курортника, он на секунду оторвался от бинокля, показал: «Прошло три десятка». Я про себя присвистнул — тридцать человек, и до сих пор идут! Как их вообще собрали столько? Кто командир?

Спустя минуту цепочка людей оборвалась, вскоре за деревьями прошли еще пятеро — замыкающее охранение. Курортник показал, что всего насчитал пятьдесят пять человек. Ого! Это почти разведроты парашютно-десантного полка... На войну ребята собрались?

Опустив бинокль, Леха прислонился спиной к дереву и нахмурился. Мы с Пригоршней уставились на него.

— С возвращением, Лабус, — прошептал он. Я улыбнулся.

— Что имеем? — продолжил Курортник. — Рота сталкеров из «Свободы». Двигаются, если верить компасу, на север, северо-запад. Лабус, ты местность знаешь?

Я огляделся. Лес, обычный смешанный лес, кусты, кочки, трава, корни кое-где у старых деревьев выпирают, подмывает их тут что-то во время паводков. Мха много. Совсем другой пейзаж — не тот, откуда мы подошли к мареву.

— Может, мы возле болот? Или реки. В общем, водоем поблизости где-то.

— Нуда, логично. Мы тут с Никитой, пока тебя ждали, к тому же выводу пришли. Но никаких признаков марева больше не видно. И снега нет, вот что удивительно... Как ты там говоришь? -слу. .

— Мапуша.

— Ага. А ты молодец, Костя. — Курортник почесал небритый подбородок. — Догадался, что марево нас втянуло, про волну сообразил.

Я поежился, вспомнив желтый лист, который вдруг начал чернеть. Только сейчас сообразил: ощущение было, словно помер и в загробный мир лечу.

— Теперь надо решить, что дальше делаем. — Курортник глянул на часы. — Либо двигаем за этой бандой, либо ищем выход сами, разбираемся в происходящем.

— Языка хочешь взять?

— Точно. И Пригоршня хочет.

— Давай за ними двинем. Заодно и разберемся, где мы. А языка — по обстоятельствам, как сложится.

Леха поразмыслил и посмотрел на сталкера:

— Что думаешь?

— Я «за», — отозвался Никита.

— Решено. — Курортник прищурился, вглядываясь в лес, и недовольно зашептал: — Пацан этот, да еще и марево! Радио не работает... Впустить — впустили, но куда? И выпустят ли? Одно радует: это точно Зона. Южная Зона, где есть сталкеры, а значит, можно выбраться. — Он приподнялся.

Меня накрыло дежа-вю. Где-то я уже слышал похожую фразу о том, что нас куда-то впустили, но выпустят ли... Я силился вспомнить, когда и где, при каких обстоятельствах это говорил Курортник, но не мог.

— Двигаемся в следующем порядке: Лабус первый, я следом, Пригоршня замыкающий. Дистанция три метра. Никита?

— Я.

— Отдай болты и гайки Лабусу. Электронные устройства не включать.

— Держи. — Пригоршня протянул мне пакет.

— Лабус, направление: север, северо-восток, возьмем восточней от этой братии.

Кивнув, я выпрямился.

— Под ноги всем смотреть, чтобы на растяжку не нарваться.

Пригоршня как-то вяло поднялся, буркнул: «Угу».

— Никита, чего ты мнешься? — спросил Леха.

— Да это... странно как-то. — Сталкер замолчал, уставившись в небо.

Я задрал голову.

— Чего странного?

Чудной этот сталкер, витает в облаках, тут дело серьезное, а он со странностями своими. Я на всякий случай еще раз глянул вверх, потом осмотрелся — тихо кругом.

— Ну чего? — Курортник дернул Никиту за рукав. Не меняя позы, тот произнес:

— Выброса нет, — и замолчал, почесывая подбородок.

— И?.. — Меня его манера начала раздражать. — Нет — и хорошо.

— Я в Зоне почти восемь суток. А выброса нет.

Я нахмурился. Что-то не сходится. Не пойму, где именно. Смущает меня какой-то момент... Леха, взглянув на часы, скомандовал:

— Двинули, потом обмозгуем.

Я закинул на спину рюкзак, высыпал на ладонь несколько болтов из мешочка и убрал его в боковой карман. Оглянулся — все готовы. У Пригоршни глаза растерянно бегают. Вот будет пауза, тряхну я его, только предварительно с Курортником наедине потолкую, а потом устрой Пригоршне допрос с пристрастием. Темнит сталкер, недоговаривает что-то.

Вскоре мы пересекли цепочку следов, оставшихся от свободовцев. Они явно не таясь шагали, не ждут в этом месте никакой опасности. Куда же нас забросило? И что это за марево такое, в конце концов? Получается, некто смог из него выйти. Утащил Кирилла и вернулся обратно. Проход, стало быть, есть в обе стороны. Кто-то шастает, используя марево, туда-сюда у самого Периметра, под носом у ОК, а разведке и невдомек.

Я остановился, заметив небольшой овражек впереди. Вдоль склонов кусты, если продираться — нашумим. Возможно, овраг переходит дальше в широкую балку и выводит к водоему, а может, и нет.

На входе в распадок, невысоко над землей, крутились иголки и листья — воронка.

Я примерился, размахнулся и швырнул болт в аномалию. Железку тут же втянуло и закрутило, она скользнула вверх по невидимой вертикальной оси, а потом аномалия выплюнула ее к противоположному склону. Но туда болт не долетел: вращаясь, подскочил и метнулся обратно, попав в другую аномалию. Охренеть! Это что за пинг-понг такой? В овраге, выходит, какие-то аномалии-синхроны? Вот уж причуда Зоны. Две воронки выстроили векторы силы так, что их поле перекрыло весь распадок. Путь туда закрыт.

Я обернулся.

Курортник покивал, потом показал направление на одиннадцать часов.

Что ж, придется пока идти по следам сталкерской роты, а когда появится возможность — свернем к оврагу, переберемся на другой склон. Так мы сохраним безопасную дистанцию, и в случае, если обнаружим себя и начнется огневой контакт, будет куда отойти.

Я еще раз бросил взгляд на овраг — болт летал между воронками. Интересно, сколько он так будет скакать?

До следующего выброса? Пока не разрядит аномалии полностью или не изменится вектор приложения силы?... Да и бог с ним.

Я напряженно глядел вперед. Сталкеры идут достаточно быстро, километров пять в час. Торопятся. Так можем и отстать. Местность незнакомая, аномалии вон странные...

След на земле читался легко. Вот бычок дымящийся валяется — плевать, похоже, командованию этого отряда на скрытность передвижения. Точно торопятся. Хотя сталкеры никогда дисциплиной не славились. Ну разве что «Долг» — в этой группировке много отставных военных. Между собой мы их называем ассенизаторами Зоны. Командование иногда привлекает дол-говцев для выполнения разных задач. А меня в их стратегии смущает то, что они передвигаются по Зоне относительно небольшими отрядами — и при этом мечтают уничтожить

всех мутантов внутри Периметра. Но мутантов здесь слишком много. Одних только псевдособак в южных частях Зоны несколько тысяч. Некоторых убивает выброс, часть гибнет под заградительным огнем крупнокалиберных пулеметов и минометных батарей с блокпостов, но остальные плодятся и плодятся. Причем это только псевдособаки, есть же еще псевдогиганты, псевдоплоть — я хмыкнул, слишком много ПСЕВДО, — контролеры, тушканы, снор-ки, зомби, слепые псы, бюреры... А в глубине Зоны кто обитает? Я собственными глазами видел два «черных одеяла». Одно из них во время рейда убило пулеметчика нашей группы Карла: обернулось вокруг него и отпустило — Карл стал похож на гипсовую фигуру, потом раскрошился, как сухарь, рассыпался на куски.

Группу спас Курортник, выстрелив по «одеялу» зажигательными. Пули разорвали необычного мутанта на лоскуты, но потом тварь снова собралась в одно целое, хорошо хоть преследовать больше не стала. Где там у нее мозги? И вообще было не понятно, живая она или нет... Или вот химеры — их вообще, говорят, не видел никто.

Мы продвигались вдоль оврага, низкая поросль заслоняла склон. Очень ровная, высотой везде одинаковая — но ведь не искусственное же это насаждение, откуда ему здесь взяться? Тогда что? Растение-мутант... Надо держаться от этих кустов подальше, а то как вспомню рассказы Курортника о деревьях-кукловодах, так муторно становится.

Как я и предполагал, овраг увеличивался, восточный склон становился все круче. Если превратится в балку, преодолеть его будет сложно.

Впереди треснула ветка, потом еще одна, послышался звук ударов топора — дерево рубят. Переправу готовят? Или...

Я остановился у кряжистого дуба и дал команду: «Ложись». Курортник подполз ближе, жестом показал: «Наблюдай прямо», а сам двинулся на десять часов. Его место занял Пригоршня, я приказал смотреть за Лехой, вынул бинокль. Подстроив фокус, стал разглядывать лес. На тропе появилась фигура в КЗС, за ней вторая. Сталкеры возвращались. Курортник успел отползти метров на двадцать, затаился под молодым ельником и тоже смотрел в бинокль.

Парочка с «калашами», в разгрузках, на груди болтаются маски респираторов. Один обычного телосложения, неприметный, второй как жердь: худой, высокий,

КЗС ему мал — в обтяжку, рукава сползают с запястий вверх, сталкер их постоянно одергивает, перекладывая оружие с руки на руку.

Они свернули с тропы и направились прямо к Курортнику. Должно быть, этих двоих отрядили в наблюдательный пост на время стоянки.

Я замер. Потом дернул Пригоршню, он обернулся и пожал плечами. Ну да, что он может сделать... Если рывнемся сейчас, сразу обнаружим себя. Сюда примчится рота архаровцев, а сражаться с такими превосходящими силами...

Леха оторвался от бинокля, показал нам два растопыренных пальца. Я в ответ просигналил латинской «V» — Леха кивнул, начал стягивать рюкзак.

Пригоршня напрягся. Я снова глянул в бинокль — на тропе пока никто не появился.

Сталкеры не спеша двигались между деревьями, теперь первый не закрывал второго. До нас стали доноситься отдельные фразы, я расслышал что-то про «Монолит».

Никита подобрался, выставил вперед оружие, целясь.

Отложив бинокль, я взялся за пулемет. Постучал по плечу Пригоршню, он обернулся, и я показал: твой левый, мой правый. Никита кивнул. Мы одновременно посмотрели на Леху. Он убрал штурмовую винтовку за спину, ощупал правый рукав, где у него пенал с трехгранной пикой. Оглянувшись, скрестил руки у шеи и сжал кулаки, затем показал указательный палец. Это значило: одного он прикончит, второго берем.

Мы с Пригоршней кивнули.

Первый сталкер произнес:

— Вот здесь, в ельничке, — и указал автоматом на место, где затаился Курортник.

— Давай скорей, пока Умник не прознал. А то сгноит потом, сука... — Высокий явно нервничал, постоянно крутил головой, то и дело одергивал рукава.

— Да не ссы, Худой, — отозвался первый. — Чего ты шкалишься, я по-быстрому, — и, перевесив АКМ на шею, стал развязывать тесьму штанов. Расстегнув пряжку солдатского ремня,

он вошел в ельник. Над приземистыми елками теперь торчала только его голова. — Худой, а Худой, а правда, что контролеры все гомосеки? — Сталкер заржал, как придурок.

Теперь Леха видит голую задницу молодца из «Свободы». Зона притягивает отребье. Периметр наглухо не закроешь, вот и лезут сюда блатные да судимые. Вступают в кланы, сколачивают группки, устанавливают новый порядок. Джентльмены удачи.

Я сосредоточился на Худом. Он взял на изготовку оружие, чуть присел и крадучись двинулся в обход ельника. Сделал несколько шагов и замер. Потянул носом воздух.

— А почему они гомосеки?.. — продолжал из ельника первый. — А...

— Бурый, заткнись, — нервно перебил Худой.

Он сделал еще пару шагов — до Курортника осталось не больше метра. Вытянув руку, Леха мог бы схватить сталкера за щиколотку.

Курортник подобрался, опираясь на ладони и носки.

Я поймал в прицел Худого, палец лег на спусковой крючок.

Башка Бурого исчезла — он присел в ельнике. Худой шагнул вперед, хрустнула ветка, и Курортник прыгнул.

Глава 11 ЗЕЛЕНКА

Правильно все-таки, что Леха командирскую должность занимает. Жаль, не сделал офицерскую карьеру; жаль, после нашего похода на ЧАЭС не получил группу.

Ситуацию он просчитал верно. Я бы мог и не сообразить.

Леха сбоку ударил локтем в нос Худому, тот дернулся и упал навзничь. А командир уже исчез в ельнике. Мы с Пригоршней вскочили и побежали. Над елками появилась голова Курортника, он шепнул:

— Пригоршня, помощи. Лабус, пакуй этого Худого.

Никита нырнул в ельник, а я достал из кармана узкую полоску пластика. Склонился над Худым, содрал капюшон с его головы, выудил оттуда шапку, заткнул ему рот — черт, Леха сталкеру нос сломал, кровь заливала подбородок. Я перевернул бесчувственное тело, подцепил носком автоматный ремень, скинул с плеча. Вот почему Худой рефлекторно не выстрелил — указательный палец лежал на скобе. Насмотрятся фильмов, идиоты, и Рембо из себя начинают корчить. Палец в такой ситуации необходимо держать на спусковом крючке, но сталкер строил из себя крутого, а Курортник все видел снизу, Худой к нему правым боком двигался. И валить Леха его не стал, потому что Бурого наверняка сложнее допросить было бы, повадки у него, как у бывшего заключенного. Правильно Леха рассчитал.

Сложив костлявые кисти пленного крестом у него за спиной, я вддел их в подготовленную петлю из пластика и резко затянул свободный конец, вжикнув «крокодилом» замка. Теперь не вырвется.

— Вот мразь блатная, — над елками показалась голова Пригоршни, — обгадиться успел.

— Тихо, Никита, — велел появившийся следом Курортник, — давай его в овраг. Лабус, подай мой рюкзак.

Я выполнил команду. Курортник за пару секунд нацепил поклажу на спину.

После они с Пригоршней вытащили из ельника труп со спущенными штанами. Голова убитого болталась, по бледной шее стекала струйка крови из маленькой дырочки. Курортник пробил пикой кадык и, похоже, раздробил шейные позвонки — мгновенная смерть.

Где-то впереди продолжали стучать топоры и повизгивала двуручная пила. Раздался громкий треск, донесся возглас: «Поберегись!» Подпиленное дерево упало, треща сучьями, и глухо ударилось о землю.

— Лабус, за нами.

Мужики потащили мертвого сталкера к кустам на кромке оврага. Я сдвинул пулемет за спину, дернул за шиворот пленного — тяжелый, зараза, даром что Худой, — перевернул.

Сталкер замычал, глаза открылись, взгляд мутный. Я взвалил его на плечи, на всякий случай осмотрелся кругом — ничего не забыли? — и быстро пошел к оврагу.

— Стой, Пригоршня. Не надо близко, не нравятся мне эти кусты, — произнес Курортник.

Леха и Никита остановились в паре шагов от живой изгороди. Раскачали тело и на счет три забросили его в овраг. Оно глухо стукнулось о склон и с шуршанием покатилося вниз. Следом Пригоршня зашвырнул автомат Бурого.

— На исходную, — скомандовал Курортник. — Пригоршня, наблюдение.

Мы вернулись к дубу, я бросил Худого в углубление между подмытыми толстыми корнями. Глянул вперед — Никита в пяти шагах под сосной глядит в Лехин бинокль. Я сдвинулся чуть влево, чтобы видеть пленного и одновременно за тропой наблюдать. Поставил «Ми-ними» на сошки. Ориентируясь по звуку, взял под прицел сектор, где сталкеры валили лес. Ближе к тропе заметил воронку — и как не вляпались? Аномалия проявляла себя слабо, вращала в воздухе одинокий бурый листик...

Худой окончательно пришел в себя и что-то мычал. Леха выщелкнул трехгранную пику из пенала, склонился к нему и зашептал:

— Сейчас я выну у тебя кляп. Если начнешь орать, всажу эту штуку тебе в пасть! — Он показал сталкеру пику, Худой скосил глаза, разглядывая ее, и энергично закивал. — Отвечаешь шепотом на вопросы. Понял? — Леха вытащил кляп. — Куда направляетесь?

— В... к... к Янтарю.

— Что вам там нужно?

— «М-м-монолит».

Я нахмурился. При чем тут Монолит?

— Кто командир?

— Умник.

— Сколько вас идет?

— Н-не знаю. Много, человек с-сто.

Я присвистнул про себя. Курортник продолжал быстро спрашивать:

— Сколько отрядов, откуда идете?

— С Милитари в обход Диких территорий. Не знаю сколько.

— Вы первый отряд? -Да.

Леха выдернул из кобуры пистолет, сунул ствол Худому в рот, глянул на меня. Я понял. Пробежал несколько шагов к тропе и залег под сосной. Достал бинокль. Эх, пройти бы назад метров триста, осмотреться, разведать все основательно.

Издалека снова долетел возглас: «Поберегись!» — и еще одно дерево упало на землю с громким треском.

Курортник подождал, пока я устроюсь на новом месте, потом вынул ствол пистолета изо рта пленного и продолжил:

— Какой интервал между движением отрядов?

— Час.

— Почему остановились? Переправа?

— Да, мы через балку должны пройти по мосту, но он потек от Зеленки. Сами же знаете, только здесь перейти можно.

— Да, — покивал Курортник.

Врал он. А я про себя порадовался: удачно вышло. Напуганный сталкер предупредил про мост, теперь мы туда не сунемся. Интересно, что за мост и что за «зеленка» такая? Жалко, приборы не включишь, сразу засветимся.

— Что вам нужно у Янтаря?

— Монолитовцы.

— Откуда они там?

Сталкер замаялся, Леха стукнул его по лбу рукояткой пистолета.

— Да следопыты двоих случайно засекли на подходах к Янтарю! — чуть не закричал сталкер.

— Тихо! Шепотом отвечай! Что за операция?

— Умник сказал, что мы эти... образцы вооружения захватим, а если повезет, так и живыми кого-то из сектантов возьмем.

— Когда должны выйти в точку randevu?

— Завтра к полудню.

С ветки вспорхнула птица, прощebetала и затерялась в кронах. Я поднес к лицу бинокль, осмотрел окрестности, обернулся.

Леха засовывал в рот Худому кляп. Закончив, вытер измазанную в крови перчатку о КЗС пленного, сел рядом и задумался. Неожиданно хлопнул себя по лбу:

— Я понял, где мы!

И тут Худой вскочил, да так ловко, что я растерялся. Он бросился прочь. Леха мог сбить его подсечкой, но почему-то не сделал этого. Худой, сгорбившись, бежал к тропе. Голова низко опущена, мычит что-то. Пригоршня перекатился на спину, вскинул «Грозу», но выстрелить не успел — беглец влетел в воронку. Его крутануло, мелькнуло искаженное лицо. Леха отпрянул за дерево. Мычание оборвалось, хрустнули кости, длинное тело скрючилось и, отлетев в сторону, взорвалось изнутри. Я нырнул за сосну, пригнулся.

— Пригоршня, Лабус, ко мне!

Пятясь, я вернулся к дубу. Скосил глаза на разрядившуюся аномалию — фарш на земле, лоскуты ткани, разорванный ботинок... Леха намеренно позволил погибнуть сталкеру. Я покачал головой. Он прав, конечно, но смерть жуткая. Командир после похода на ЧАЭС и смерти той девчонки сильно изменился, сухой стал, не шутит, в себя ушел. Я видел, как он прячет мысли и давит переживания. Мы тогда группу потеряли, мужиков из соседнего отряда положили ни за что... И Леха успел привязаться к Ане, она шла с нами до ЧАЭС, помогала. Он пытался остановить ее, задержать, но не смог. И теперь казнит себя, зачерствел. Понимаю; мир серым становится, когда... Я сморщился и приказал себе больше не думать об этом.

— Жуть, — сказал подошедший Пригоршня. — Вроде он гранату проглотил и она у него в желудке рванула.

— Зеленка — речка такая. Дальше, в овраге, начало берет, — заговорил Курортник. — Или она — сплошная аномалия, или в ней какая-то аномальная субстанция живет, не знаю. Так ее сталкеры обозвали. Сама по себе она — тьфу, ручеек, но перейти через нее можно только по старому железнодорожному мосту, по которому раньше узкоколейка проходила.

Пригоршня кивнул. И я вспомнил — точно, мы один раз использовали маршрут, пролежавший через этот мост, когда вели ученых с Янтара к Свалке, с последующим заходом на Кордон. Тогда еще войсковая операция проводилась, ОК зачищало Свалку, вот ученые и напросились побродить, пожить продуктами аномалий.

— Этот, — Леха махнул рукой на останки Худого, — сам виноват. Пригоршня, выкинь его автомат в овраг и валим на запад. Потом поговорим.

Никита выполнил команду, я его подстраховал. Спустя несколько секунд мы поспешили вслед за Курортником.

Леха двигался чересчур резво, лишь изредка оглядывался. Нагнав его, я спросил:

— Куда торопимся? Влетим в аномалию.

Он ответил:

— Нет, здесь вряд ли. Здесь все это добро аномальное речка к себе тянет. Помнишь воронки-синхроны?

— Да уж помню.

— Это Зеленка затыкает дыры, где к ней подобраться можно... Место такое особенное, только через мост.

Стук топоров и шум пил, оставшиеся за спиной, постепенно стихали.

— Так если только через мост этот... — вклинился Пригоршня. Он сопел, жарко в летной куртке стало. — Если их там ждут, там же засаду поставить можно, тогда никто никуда не пройдет...

— Правильно мыслишь, Никита, — бодро проговорил Леха. — Сейчас всё и увидим... А теперь тихо. Присели.

Лес заметно поредел. Курортник выбрал удобное место для остановки — в яме. Наверно,

когда-то здесь была землянка, построенная еще во времена Второй мировой. Покатые склоны поросли мхом, толстый слой хвои на дне мягко пружинил. Об искусственном происхождении ямы свидетельствовали четыре металлических уголка, торчавшие из земли по периметру. Видимо, железки некогда служили подпорками для наката. Крыша давно сгнила, ведь сколько лет прошло. Я поковырял склон носком. Легко отвалил кусок мха, обнажился песок, а когда шаркнул ногой еще раз, показалось трухлявое бревно — надавил, и гнилушка рассыпалась. Ощувив ногой какой-то твердый предмет, я нагнулся и нащупал ржавый металл. Запустив в рыхлый песок пальцы, выдрал старую буро-рыжую фашистскую каску. Перевернул ее, вытряхнул песок. Вместе со слипшимися комками на землю выпал железный квадратик.

Я поднял его, потер пальцами шершавую поверхность, подул — пряжка, на аверсе две молнии — руны «соулу». Зондер-команда — эсэсовец. С обратной стороны гравировка: Напз Ит...г. Ганс, значит, фамилию не различить. Зачем ты приходил на эту землю? Я брезгливо выбросил бляху.

— Лабус, раскопки потом. Наблюдайте, а я схемку набросаю.

Курортник расчистил от мха и иголок квадрат метр на метр и стал энергично чертить рукояткой ножа на песке.

Я улегся на один из склонов, выставив пулемет на сошки. Леха вскоре окликнул нас с Пригоршней.

— Смотрите. Мы приблизительно здесь, — он ткнул кончиком ножа в крестик на схеме. Ниточка реки, мост и границы лесных массивов. На северо-запад от моста начинается пустошь, обрамленная грядой холмов. Леха потрогал повязку на плече — кровит рана, зашить бы, а времени нет... — Сто процентов, что на ближнем к мосту холме Умник выставил пост. Я бы так сделал. Его можно попробовать снять. Худой сказал, что мост «потек». Скорей всего аномальная речка на мостик влияет, и ходить через него толпой страшновато, вдруг обвалится. Но, — он ткнул в условное обозначение моста, — если его временно укрепить, то, наверно, сможет пройти достаточное количество народа. А засада... Вот ты ответь, Пригоршня, кому нужно ставить засаду в этом районе?

Никита, помявшись, сказал:

— Ну не знаю. Может, вам, военсталам.

— Нет.

— Ну еще кому-нить, кто за хабаром охотится. Сталкеры-то здесь ходят...

— И как, по-твоему, будут мародеры бомбить роту «Свободы»?

Пригоршня почесал затылок и пожал плечами.

— Правильно, — усмехнулся Леха, — себе дороже.

— А это что? — Я сполз со склона и указал на значок строения возле стрелки «север — юг».

— Это заимка Лесника¹. Старый хрыч охотой на мутантов промышляет. Я знаком с ним. Проводник он хороший, южную Зону лучше нас с вами вместе взятых знает.

— А я ничего о нем не слышал, — удивился Пригоршня.

— Я слышал, он в восточном Могильнике бывал, — вспомнил я. — Заимку его не трогают по неписаному закону. Ни «Свобода», ни «Долг», ни командование туда не суются. Таких людей берегут.

Пригоршня хмыкнул, но ничего не сказал.

— Двигаем к этому холму. — Курортник показал второй от моста. — Ждем, пока «Свобода» форсирует речку. — Он поднялся, убрал нож. Пошаркал ногой, стерев схему на песке, и взглянул на часы. — Произойдет это, по моим расчетам, минут через тридцать. Когда второй отряд подтянется. Они переходят, ждем около получаса, если все тихо, идем следом. За ночь мы их обгоним, они наверняка лагерь будут разбивать, и к утру выйдем на Янтарь.

— А дальше? — спросил Пригоршня. — Янтарь же молчит двое суток.

— А дальше... Дальше по обстановке. — Курортник вылез из ямы.

Note1

Лесник — один из главных героев романа Андрея Левицкого и Льва Жакова «Охотники на мутантов».

— Погоди! — окликнул Пригоршня.

— Чего? — недовольно буркнул Леха сверху.

— Пост мы сняли, который должен встречать второй отряд. Умник такое событие из вида не упустит.

— Точно, — согласился я, и сам удивился, что выступил в этой ситуации на стороне Пригоршни.

Курортник нахмурился, перехватил штурмовую винтовку.

— «Свобода» явно идет по графику. Умник, как командир, для себя зафиксировал факт исчезновения двух своих людей. Да только нужно еще установить, что их намеренно ликвидировали. Один блатной, бывший зек, у него все пальцы в наколках, второй его прихвостень, случайно угодил в воронку. Блатной дезертировал — «Свобода» дисциплиной никогда не славилась. А искать, проводить расследование, кто это будет делать?

* * *

Курортник шел уверенно, не опасаясь аномалий. Лес как лес, кругом березы, осины, сосны и ели. Под подошвами пружинят мох и хвоя. От землянки пошли по бывшей линии траншей, больше напоминавшей пологое русло пересохшего ручья. Скорей всего траншеи были второй линией эшелонированной обороны эсэсовской дивизии вдоль реки. Остатки первой должны сохраниться у берега. Сколько же здесь народу полегло в битве за Украину, когда в сорок первом Красная Армия отступала с боями на восток, а в сорок четвертом гнала фашистов на запад. Здесь, наверное, пальцем ткни — в любом месте найдешь боеприпасы, снаряжение, еще какие-нибудь свидетельства времен Великой Отечественной...

По мере приближения к реке встроенный в мои часы датчик радиации показывал умеренные изменения фона. Может, у самой Зеленки фон будет высоким, но не настолько, чтобы нанести какой-то существенный вред организму при переходе по мосту. Сталкеры же ходят.

«Свобода» шумела на всю округу — стук топоров иногда сливался в прерывистую дробь, в коротких перерывах между тюканьем звенели пилы.

Деревья поредели, пошли кусты, пожухлый камыш стелился ковром. Аж в носу защекотало. Курортник сбавил темп. Впереди высились плотные заросли кустарника, по верхней границе ветвей виднелась голая макушка холма. Чуть правей — редкие деревья, кроны заслоняли нас от возможных наблюдателей с вершины у моста. Мы двинули в обход кустарника к ложбине между возвышенностями.

Остановились. Курортник повел стволом, присел, напряженно глядя вперед. Словно пес, почуявший что-то. Лег на землю. Я последовал его примеру. За спиной громко сопел Пригоршня, я смерил его взглядом поверх плеча, и он замер на четвереньках.

Курортник жестом приказал оставаться на месте и пополз вдоль кустарника. Достиг края, прислушался. Что его так насторожило?

Из-за куста показались две фигуры в черном, вполоборота к нам. Монолитовцы! Сектанты тихо, как кошки, крались друг за другом по направлению к реке. Слаженные быстрые движения, у каждого на голове шлем-маска, верхняя половина тела в композитной броне, на спине массивный ранец.

В траве раздался шорох, из стеблей осоки вынырнула сплюснутая, как брелок от сигнализации автомобиля, башка гадюки. Я застыл. Гадюка уставилась на меня, немигающий взгляд глаз-бусинок гипнотизировал. С детства боюсь ползучих тварей до омерзения — меньше Киплинга надо было читать. Змея выпростала тонкий язык, башка качнулась в сторону Пригоршни... Сталкер, не раздумывая, схватил скользкое тело. Змея успела разжать пасть, показав трубчатые ядовитые зубы, — и Никита рубанул ножом. Капли крови угодили мне на лицо, я дернулся. Обезглавленное тело конвульсивно свернулось в спираль, обмотав руку сталкера по локоть. Пригоршня застыл с раскрытым ртом — глаза зажмурены, крылья носа гуляют, как меха кузнечного горна. Он смачно чихнул.

Оба сектанта обернулись на звук. Курортник вскочил, швырнул бинокль в ближнего, но тот отпрянул, и бинокль угодил в голову второго. Леха ударом ноги подбил спусковую скобу АКМ,

направленного ему в грудь, и ствол с навинченным ПБС ушел вверх. Из приемника «калаша» вывалился магазин. Леха схватился за толстую трубку глушителя, дернул на себя, уводя ствол вправо, и нажал подошвой на затворную раму, как на педаль газа. Из патронника вылетел последний патрон. Держась за ПБС, Курортник сделал круговое движение рукой — автоматный ремень увлек монолитовца вперед. Леха отступил влево, развернув сектанта спиной к себе.

И тут второй начал стрелять. Глухие хлопки слились с ударами топоров, глушитель на стволе гасил звук. Курортник заслонился первым сектантом, как щитом. Пули били монолитовцу в грудь, он дергался, и Леха дергался вместе с ним, при этом пытаясь вырвать из кобуры «файв-севен».

Второй сектант одиночными выстрелами дырявил фигуру напарника. Так и не успев выдрать пистолет из кобуры, Леха споткнулся и упал на спину. Это позволило нам с Никитой открыть огонь.

Сектант попытался отскочить обратно за кусты, но до них было слишком далеко — он упал, наспигованный нашими пулями.

Я кинулся к Лехе, сдернул с него мертвого монолитовца.

— Твою мать! — Курортник показал Пригоршне кулак. — Шumiшь как динозавр!

На холме, к подножию которого мы почти вышли, заработал крупнокалиберный пулемет. Судя по звуку — «Корд». Ему начал вторить другой, откуда-то издалека, с противоположного берега. Разбираться времени не было. Со стороны моста слышались крики и ответные выстрелы. Просвистело несколько шальных пуль.

Мы присели.

— В лес! — крикнул Курортник и побежал, низко пригибаясь.

Глава 12

ПОХОД

Лабус, вперед. Включи детектор, — скомандовал Курортник. Планшет я успел активировать и без приказа и теперь возглавил группу.

— Возьми левой... Глубже в лес, на юг... Над ухом вжикнуло. Впереди с одинокой березки упали срезанные пулями ветки.

Откуда стреляют?

— Ложись! — крикнул за спиной Леха. — На девять часов!..

Я распластался на земле. Вовремя — над головой просвистели пули. Перекатившись под сгнившую осину, я повернулся в сторону противника. Корявый хиленький березовый ствол валяется на земле — хоть какое-то укрытие. Стреляли из сосняка, который закрывал холм рядом с мостом. Выстрелов нападавших я не слышал — монолитовцы опять глушители используют. Береза дернулась несколько раз, одна пуля прошла ее насквозь. Черт! Я уткнулся лицом в траву.

— Назад! За кусты! — скомандовал Курортник. Там ведь змеи... Но впереди сектанты, они опасней. Раздался крик Пригоршни:

— Лабус, скорей!

Я стал отползать, на ходу оглянувшись — сталкер был уже под кустом, встал на колено и дал длинную очередь.

От сосен в нашу сторону бежали два монолитовца. Еще две пары по сторонам от них быстро шагали, стреляя. У всех автоматы с глушителями.

— Мапуца! — вырвалось у меня.

Шесть сектантов быстро сокращали дистанцию, грамотно прикрывая друг друга. Сейчас прижмут к берегу, сбросят в реку.

Застрекотала винтовка Курортника. И тут же Пригоршня выстрелил из подствольника. Один сектант споткнулся, упал, остальные двигались дальше, четверо палили в мою сторону. Я услышал:

— Пригоршня, вперед!

Грохнул взрыв — упал навзничь еще один черный.

Внутри заклокотала звериная злоба к этим «черным», я вскочил и вдавил спусковой крючок.

— Заряжаю! — донеслось сквозь шум стрельбы. Я стрелял, быстро шагая навстречу сектантам.

— Держать строй! — прокричал Леха.

Продолжая сокращать дистанцию, я выпустил в сектантов всю ленту в один заход, завалив таки еще одного. У Лехи опустел магазин, мы одновременно выхватили пистолеты и выстрелами почти в упор опрокинули четвертого, который не успел перезарядиться. Никита засадил гранату из подствольника в пятого сектанта.

— Граната! — Леха прыгнул ко мне, сшиб с ног и упал рядом.

Грохнул взрыв, вскрикнул от боли Пригоршня.

— Ну сука! — Курортник встал на колени. Хлопнули один за другим запалы, Леха швырнул две гранаты в сторону шестого монолитовца и упал головой к взрыву, закрывшись локтями. Я приоткрыл рот. Гроыхнуло. Курортник вскочил, пробежав несколько шагов, расстрелял остаток магазина в раненого сектанта.

Перезарядив пулемет, я поспешил к Пригоршне, который медленно поднимался, ошалело мотая головой. Видно, слегка контузило взрывом.

— В лес! Лабус первый!

Мы снова бежали в противоположную сторону от моста. Пару раз чуть не напоролись на ржавые волосы — повисшие на низком кустарнике, они сливались с коричнево-серым фоном. В первом случае помог детектор, во втором я сам разглядел голубоватые всполохи аномалии на ветках растений.

Вбежали в старый ельник. Из земли торчали толстые крепкие корни, приходилось смотреть под ноги и одно временно на детектор. Темп снизился. Прибор предупредительно пискнул — я заметил на земле радужную пленку — лифт! Перепрыгнул. За спиной пленку перемахнул Курортник, выкрикнув: «Осторожно!» Я оглянулся — Никита, споткнувшись о корень, рухнул на радужные разводы. Этим он включил аномалию на склоне небольшой ямки, и его швырнуло по низкой траектории, припечатало о крепкий ствол ели. Никита свалился поддерево и стал подниматься, будто пьяный, растерянно озираясь, пытаясь ухватиться за шершавый ствол. Оступился, вновь упал, взмахнув руками. Звездануло его конкретно. Мы подхватили stalkера и проволокли метров тридцать, пока он не заворчал, чтобы отпустили, сам пойдет.

Курортник скомандовал остановку и уселся на землю, тяжело дыша, держась за раненое плечо. Пригоршня лег на живот, раскинув руки — рюкзак съехал на затылок. Я сел под сосной, привалился к стволу, прикрыл глаза. Сердце тяжело бухало в груди. Вытерев лицо, увидел на ладони кровь. Откуда? А, это же змеиная... Снял с пояса флягу, полил на ладонь, плеснул в лицо и утерся рукавом.

Стрельба у моста продолжалась, но уже не так плотно. «Корд» иногда выдавал длинную очередь и смолкал надолго. В ответ огрызались АКМ. Почти одновременно бухнули два взрыва ручных гранат.

А потом все стихло.

У монолитовцев на автоматах глушители. Значит, если раненых добивать станут, мы не услышим — сектанты пленных не берут. А прав оказался Никита насчет засады. Да только кто ж знал, что «Монолит» сюда припрется. Что вообще происходит?

Когда убирал флягу, я заметил, что куртка на плече порвана. Просунул палец в дыру — черт, пуль черкануло. Глянул под мышку — еще дыра. Господь уберег. Я мысленно перекрестился.

— У кого какие мысли будут? — тяжело дыша, спросил Курортник. — Пригоршня, ты у нас накаркал засаду — начнем с тебя.

Никита нехотя перевернулся на бок, оперся на локоть. Стянул шапку, рванул ворот куртки и помассировал грудь.

— Первый раз в лифт угодил. На всю жизнь запомню... — Сделав несколько глубоких вдохов, он продолжил: — У меня никаких мыслей. Каша. Война какая-то началась? Не

припомню, чтоб в Зоне группировки так активно воевали, внаглую.

— Лабус?

Дыхание восстановилось, сердце перестало часто биться, я поднялся, глянул в сторону переправы. Потер щеку. Никаких мыслей: исходных данных мало, но мозг завис, как компьютер с небольшой оперативной памятью. В сознании крутилось, как Никита отрубил башку гадюке, потом схватка Курортника с монолитовцем и шквальный пулеметный огонь — хорошо, не в нашу сторону. А потом... первый раз я строю в атаку ходил, сшибся вот так, стенка на стенку на открытой местности.

— Не знаю, — сказал я. Переглянулся с Лехой, показал глазами на Никиту — самое время его тряхнуть. Хотя и спас меня сталкер, но не оставляла мысль, что он очень уж лихо предсказал засаду, будто знал. А еще я припомнил наш разговор про выброс — что-то сильно смутило меня тогда, но... Стоп! Я понял — Никита раньше говорил, что в Зоне чуть ли не вместе с нами оказался. А потом, когда нас марево засосало, он обронил, что восемь суток тут бродит. Вот! Интересно, Леа этот момент тоже отметил?

Курортник прищурился и кивнул.

Шагнув к Никите, я навел на него пулемет:

— Не дергайся и рассказывай. Рассказывай все!

— Ты чего? — Пригоршня стал приподниматься, потянулся к «Грозе».

— Говори... — Курортник был уже на ногах, одна рука на пистолетной рукоятке «Джи-36», висящей на груди, другая на цевье. Он шагнул к сталкеру, упер срез пламегасителя ему в лоб и добавил: — Выстрелю, понял? В этот раз не пожалую. Говори!

Я посмотрел на Леху — и поверил. Бледное лицо, нет румянца, который возникает при возбуждении, взгляд холодный. Точно выстрелит. Его палец очень медленно вдавливал спусковой крючок.

— Ладно, ладно, скажу! — произнес Никита. — Не пойму, что в Зоне творится. Я поэтому про выброс заикнулся, а зря. Из этого понятно стало, что в Зоне раньше вашего оказался. Меня наняли рюкзак этот отнести, с изделием...

— С ГСК? — уточнил Курортник.

— С ГСК, — вздохнул Пригоршня. — На Янтарь доставить.

— Кто? — Курортник убрал ствол, и стал виден кружочек красной кожи на лбу Никиты.

Леа опустил винтовку, сталкер сел.

— Да если бы я знал! Я ж в рабочем городке рассказал, как заказ поступил.

— Кто те двое, что вели к Янтарю?

— Не знаю, на вашего брата смахивают. Я по повадкам понял, точно военные.

— Оружие-то у них было? — вклинился я. — Какое?

— Да, было. Ручные пулеметы «Печенег». Рюкзаки патронами забиты, «сборки» как у вас, ну сухпак еще... и все вроде.

Курортник сдвинул брови. Я погладил усы.

— Ну блин, не знал я, правда не знал, что в рюкзаке! — добавил Пригоршня.

— Ладно, как они одеты были?

— Как наемники.

— А выглядели как?

Никита наморщил лоб, поворачивал глазами.

— Да обычные, один лобастый такой, квадратный, а другой явно боксер... — он помассировал виски, — тяжеловес, нос набок и шустрый такой, верткий. Я вроде тоже не маленький, но эти двое в плечах пошире меня.

— Клички, позывные?

Я глянул на Леху: губы плотно сжаты, глаза прищурены.

— Тайсон и Скала.

Я не удержался, хмыкнул. Курортник посмотрел на меня, я пожал плечами.

— И где они? До Янтаря вы не дошли.

— Не дошли, — кивнул Никита. — От Свалки поначалу так лихо отмахали несколько километров. А после, не доходя до «Агропрома», встряли... — Он вытер нос. — Глупо встряли.

— Не тяни. Куда встряли?

— В засаду. Сектантам.

— Чего? — Мы с Лехой задали вопрос одновременно.

Курортник присел возле сталкера:

— Ты, Никита, часом, голову не простудил? Какие сектанты возле «Агропрома»?

— Сектантские! — съязвил Пригоршня. — А тут откуда сектанты?..

Курортник вновь зыркнул на меня, и я пожал плечами.

— Я сам не поверил сначала, — продолжал Пригоршня. — Но там так завертелось...

Тайсон сразу погиб, ему пуля в лобешник первому прилетела. А вот Скала воевать остался. Одну «сборку» мне отдал и велел уходить на Кордон, там меня типа встретят. Я впервые этих «черных» увидел... неожиданно получилось. Здоровые черти, в масках, двигаются быстро, молча. Прирожденные бойцы, точно говорю.

— И как ты ушел?

— К ручью кинулся, по мелководью пополз. Только в камыши залез — на берег вышли двое, Хмаря и Рябой, я их знал. Они на шум ломанулись, помочь, наверно, хотели, решили, что кто-то из бродяг на мутантов нарвался и отбивается. — Никита посмотрел на меня, облизнул губы. — Я хотел крикнуть, предупредить. Да какой там... — Он понуро опустил голову. — Срезали их моментально. У монолитовцев на автоматах глушители, как у тех, которых мы у холма завалили. Я в воду почти с головой. Просидел сколько смог, потом от холода мышцы сводить начало. Флягу со спиртом ополовинил, еле на берег выбрался... — Челюсть у него запрыгала вдруг — видимо, воспоминания о холоде вызвали такую реакцию. Я даже поежился. — Пошел к деревне — то ли Султановка, то ли Сухановка...

— Степановка, — поправил Курортник.

— Ага, она. К сумеркам добрался.

— А если бы там мутанты? Или еще кто, мародеры какие-нибудь засели? — спросил я.

Пригоршня покосился на меня:

— Лучше, Лабус, с мутантами драться, чем к монолитовцам в лапы. Я в первую хату вошел, подпол расковырял и целую ночь сушился. Растяжками только подступы к дому окружил. А утром сон сморил. Проснулся под вечер, когда взрыв бахнул. Псевдособаки, видно, меня унюхали и решили в гости наведаться. Одна подорвалась, остальные убежали сразу. А я подумал-подумал — да и решил, что не буду дальше этот рюкзак с ГСК тащить, слишком опасно. Монолитовцы ведь не просто так напали, они за нами охотились явно. Значит, пойду лучше к Периметру, в южный сектор.

— Медленно же ты шел, — сказал Леха.

— А ты бы на моем месте, когда... — Никита замолчал.

И так ясно. Тут от каждой тени начнешь шараться, когда монолитовцы по всей Зоне, как у себя на Радаре, шастают.

— О-со-зна-ни-е... — по складам произнес Курортник.

А мне вдруг стало неудобно. По-дурацки получилось. Никита спас меня от змеи, а я с этим допросом вылез — и Курортник завелся. Ведь могли спокойно поговорить, без сцен с оружием...

Никита сидел насупившись.

— Вот вся правда. И когда мы в рабочем городке дрались с тобой, Лабус, я ж не знал, что это... что ГСК у меня в рюкзаке. Вообще не знал, что там у меня... Я заказ взялся выполнить, донести эту штуку до Янтая, потому что Тайсон со Скалой местность плохо знали.

— Денег захотелось, — бросил Курортник. — А на остальное наплевать, да? За пригоршню монет согласился...

Леха не закончил, а я неожиданно понял, откуда у Никиты такая кличка — Пригоршня. Был ведь вроде фильм такой... «За пригоршню монет»... А, нет — «За пригоршню долларов». Не помню, в детстве смотрел.

— Нет, Курортник, не совсем так, — возразил сталкер с легким смущением. — У меня, понимаешь, мечта есть. Броневику хочу занять, броневику-вездеход. Чтоб по Зоне на нем можно было ездить. Интересно мне тут.

— Интересно?! — вновь возмутился Леха. — Тут люди гибнут, жизнью рискуют ради

исследований, вытаскивают всяких голодранцев, которые в аномальные поля забредают. Спасают туристов-дебилов, которые деньги платят, чтоб поразвлечься... Приключения им подавай. Интересно им!

Пригоршня посмотрел на него, на меня.

— Какие вы благородные оба... — протянул он. — Ради каких это исследований вы щас жизнью рискуете? Вам командование что ни прикажет — вы под козырек и выполнять. Людей прикажут убивать — вы убьете. Жизнью пожертвовать — пожертвуете. А ради чего — и сами не знаете. Может, генералы ваши втихаря артефакты через Периметр переправляют и жиреют с этого, а вам и невдомек, вы — благородные. Вот потому-то я из десанта и ушел: чтоб Не быть благородным дебилом.

Леха оскалился. Я думал, он сейчас бросится на Пригоршню, и приготовился вмешаться, потому что сталкер был мужиком крупным и ловким и неизвестно еще, кто бы кого свалил на землю... Но командир вдруг отвернулся и замер, уставившись куда-то вдаль. Наверно, припомнил, как за нами охотились отряды спецов.

А я окинул Пригоршню взглядом, будто увидел впервые. Ведь пацан пацаном, если задуматься. Молодой совсем — не по возрасту, по уму. Не в том смысле, что дурак, а просто... Как я сам в двадцать пять рассуждал? Море по колено, жизнь впереди. Для Пригоршни Зона — приключение. Для Курортника — риск собственной жизнью ради других, он ведь только воевать умеет, но армия его выкинула, вот и нашел пристанище здесь. Для меня Зона — средство быстро заработать законным путем, мне семью на ноги поставить нужно, вернуться к нормальной жизни, к хозяйству. Крутит Зона людьми, такая вот философия.

Курортник плюнул, опустив оружие, отошел на два шага назад. Я присел на корточки, поставил на землю пулемет и стал его осматривать. Потом достал пистолет, тоже проверил. Пригоршня, взяв с меня пример, стянул рюкзак, расстегнул куртку, заправил тельняшку под ремень. Проверил оружие, потом достал сухпай. Я покачал головой: не сейчас. Он пожал плечами и убрал коробку в рюкзак.

— Так... — деловым тоном сказал Курортник. — Тайсон и Скала, значит. Это не клички, не позывные, а оперативные псевдонимы, одноразовые. Лабус, по описанию не признаешь их?

— У Смирнова в отряде видел здоровых таких мужиков, но шут их знает... Не похоже, что наши.

— Да, не похоже. В каждом секторе по отряду во-енсталов, и всех не упомнишь. Пригоршня, они чисто по-русски говорили, без акцента?

Никита кивнул.

— Лабус, у тебя кровь на рукаве и на роже. Зацепило?

— Нет, Пригоршня меня спас. Гадюку прикончил, как раз перед тем как чихнуть. Башку ей срубил, меня и забрызгало.

— Какая гадюка? — Курортник посмотрел на Пригоршню. — Откуда? Лабус, у тебя галлюцинации? Зима. Да и так я змей отродясь в Зоне не видел. Но если и есть, то в спячке сейчас.

— Была гадюка. Обычная такая, — Никита вытянул руку, сжал кулак, — вот с такенной головой и рисунком, зигзагами такими по телу.

— Я их с детства не переносу, — добавил я. — Не глюк, вправду была змея. Могла укусить, а что там у нее за яд?.. Это же змеюка мутантная, раз зимой не спит. Может, я сейчас и не разговаривал бы с вами.

Леха поджал губы. Обстановка разрядилась — он понял, что Никита меня спас.

Поправив оружие, он повернулся к чаще, прищурился.

— Ладно, нечего расслаиваться. Слушай задачу: идем в обход переправы на заимку Лесника. Двигаемся прежним порядком: Лабус возглавляет, дистанция три метра. Вперед.

* * *

Раз Леха сменил гнев на милость, значит, поверил Никите. Может, не во все поверил, но хоть отчасти... Это я переживать теперь буду, как Никиту отблагодарить за спасение, да и как

Леху окончательно успокоить. Он ведь теперь мрачнее тучи будет. Знаю я его.

Я сам виноват, что задумал тряхнуть сталкера, а в итоге оказалось — обычный он романтик. Ну ничего, жизнь исправит в конце концов. Годы свое возьмут. И правильно Никита смолчал поначалу про ГСК в рюкзаке, я сам, окажись в такой ситуации, молчал бы как партизан. Тут пахнет чем-то... чем-то. Опять мы с Лехой влезли в чужие игры. Может, и ОК не в курсе про ГСК, разве что начальник штаба. Мы же по его личному приказу в поиск ушли. Что получается? Наняли Пригоршню, чтобы доставить ГСК к Янтарию. Дали в сопровождение двух лбов-пулеметчиков. Конечно, теоретически эти двое и сами ГСК донести могли бы, но нужен был человек, который Зону знает и при этом вот такой — мало вопросов, ради денег, все просто, без затей. А в охрану — исполнителей, поменьше мыслей, побольше дела. ГСК могли и на вертолете к Янтарию добросить. Но!.. Я вспомнил, как однажды мы уже искали в Зоне борт, который «уронило» Осознание, а потом нас и вообще втянуло в такой круговорот... Вот, Лабус, ты и выстроил цепочку: Осознание что-то ищет, его «гвардейцы» рыскают по южной Зоне — возможно, Пригоршню с рюкзаком ищут. Или это только одна из ветвей чьей-то многоходовой комбинации. Пригоршня же, когда его сопровождающих убили, понял, что вляпался по наивности во что-то сильно опасное, и решил свалить, не донеся рюкзак с ГСК до Янтаря. Рюкзак спрятал... тут-то мы его и встретили. И еще этот странный лаборант, Кирилл, потерявший память.

Так, сведем воедино: ОК начало спецоперацию, Пригоршня несет на Янтари ГСК, чем ближе к озеру, тем активней монолитовцы, с лагерем ученых пропала связь. Янтари, вот где собака зарыта. Туда все ниточки ведут...

На ходу Курортник несколько раз пытался выйти в эфир. Тишина. Никто не отвечал, да и так понятно было, что никто не откликнется: до Периметра теперь не пара шагов, до ближайшего поста километров тридцать. К тому же рельеф местности разнородный, аномальные поля, в воздухе ионизированные облака и прочая гадость. Сигналы со спутника не всегда проходят. Будь у нас станция ротного звена, и то неизвестно, удался бы сеанс с кем-нибудь.

На пустошь соваться не стали — слишком резко начал расти фон, когда к ней приблизились. Да и монолитовский пост мог там находиться. Судя по всему, они пришли к Зеленке с пустоши, выставили грамотную засаду, притащив тяжелые пулеметы, а мы случайно в ход событий вмешались и помогли «Свободе». Я надеялся, что хоть кто-то смог уйти из сталкеров — мы стрельбой наделали много шума. Хотя... перекрестный огонь пулеметов наверняка многих на небеса отправил. А эти сектанты, которых мы завалили, — лишь малая часть групп заслона. Отряд «Свободы» ломанулся в лес — больше некуда, единственное укрытие от кинжального огня пулеметов, — тут их и встретили монолитовцы. Расчет на этом скорей всего строился.

Я отвернул вправо, обходя мерцающий холодец. Пискнул детектор. Впереди на ветках деревьев полно жгучего пуха, висит, словно марля. Я взял еще правой, глянул на сканер: сигнал за сигналом, аномалий — как грибов. Здравсьте, приехали.

— Ну, началось, — пробормотал я.

— Стой, Лабус. Привал, — скомандовал Курортник. — Пригоршня, с тебя обед.

— Ладно, — бодро сказал Никита.

Я сбросил рюкзак, обернулся — лес как лес. Ходим, бродим... Сколько можно?

— Сколько нужно, — произнес вслух Курортник, а я вздрогнул.

— Ты что, мысли читаешь?

— Нет, ты усы свои когда-нибудь открутишь. — Леха хлопнул меня по плечу.

Только сейчас я понял, что тяну себя за ус. Тьфу, неладная, вечно, когда задумаюсь, усы щиплю! Верно, у моего лица выражение было такое, что нетрудно мысли прочесть.

— Сколько нам еще? — спросил я.

— Навскидку — километров семь.

— Здесь всегда такая концентрация аномалий? Курортник нагнулся к сухпайку, взял галету и захрустел.

— Угу.

Я сглотнул — после такой беготни и длительного перехода есть хотелось невероятно — и

тоже достал галету. Пригоршня в это время собрал горелку, разжег таблетку сухого горючего и выставил банки с кашей на огонь.

— Это локальное поле, широкое по фронту, а в глубину метров сто. Пройдем. Мы как-то картографированием занимались с группой Отмеля. Юра еще отрядом не командовал. Так здесь все вдоль и поперек излазили. Лесник тогда, кстати, помог сильно. — Леха взял банку с кашей и сунул в нее ложку.

— А Кирилла-то как искать будем? — спросил я.

— Кирилла? — Леха налег на кашу. — Вот к Отмелю придем, он нас в курс дела и введет.

— Ага.

— Может, по пятьдесят? — Пригоршня встряхнул плоскую фляжку.

— Я те дам по пятьдесят! — Курортник аж поперхнулся.

Никита пожал плечами и спрятал флягу.

— Через сколько на заимке этого вашего Лесника будем? — спросил он.

— Если все хорошо, то к утру. Нам отдых нужен. Пройдем аномальное поле и встанем на дневку. А в ночь пойдем.

Пригоршня передернул плечами. Мне тоже стало не по себе: ночью ходить по Зоне — риск большой, да и скорость невысока. Но Курортник прав — нам не дойти засветло, силы восстановить надо.

— Ну все. — Леха достал платок из внутреннего кармана, протер ложку. — Двинули. Лабус, я поведу.

Никита подхватил рюкзак.

— Пригоршня, — Леха показал на мусор, оставшийся после обеда. — Дедовщину в армии никто не отменял.

Сталкер бросил рюкзак и пошел хоронить банки с коробками сухпайка.

Я воспользовался моментом и спросил Леху:

— Ты ему поверил?

— А ты? — Да.

Леха посмотрел на сталкера, копавшего ямку под деревом.

— Лабус, насчет змеи правда? Была?

— Хватит уже! — вспыхнул я. — Ты меня еще начни подозревать...

— Да не, — смутился Курортник. — Просто я подумал, ну... может, контролер где рядом был, галлюцинацию навел.

— Ага, значит, это галлюцинация у меня на роже и на рукаве? Что ты чушь мелешь? И не уходи от вопроса.

— Поверил, Костя, — сказал он после паузы. — Ну не сволочь же я распоследняя. Только таких романтиков, как этот Пригоршня, в Зоне... сам понимаешь.

— Понимаю. И что? Каждый свою жизнь устраивает как может.

— Ладно, идем. — Леха взял у меня сканер и встал.

* * *

Курортник провел нас через фронт аномалий легко. Я вспомнил, как осенью прошлого года мы шли через Пустошь к Доктору на болото с помощью одной девушки, Ани. Дурная история приключилась. Нас, когда мы вернулись из того похода, продержали в следственном изоляторе особого отдела почти полгода. Следствие на контроле у начальника штаба ОК висело. Всю кровь выпили, вменяя в вину терроризм, измену, убийство товарищей и сговор с Осознанием. Хорошо, что про монолитовцев мы оба молчали как партизаны. А то ведь такое вообще в голову не лезет: военсталы и цепные псы Осознания, бойцы группировки «Монолит», идут бок о бок в центр Зоны, проводят совместную операцию на ЧАЭС. Пока тянулось следствие, нас держали в разных камерах, меня так поначалу в тюремной больнице «Гуантанамо», я ж тогда нахватал осколков, плечо собирали, словно пазл, даже титановые микропротезы вставили в кости.

Я коснулся куртки там, где когда-то была дырень размером со сливу. Помассировал плечо, сжал и разжал кулак. Молодцы военные хирурги, сделали по высшему разряду.

Ближе к январю, перед празднованием Нового года, нас с Курортником неожиданно перевели в одну камеру. Похоже, дело пошло на лад. Может, вмешался кто. А может, действительно разобрались, что к чему. Что нашу группу подставило Осознание, столкнув со спецназовцами, заставив убивать друг друга. К середине февраля выпустили, сняв обвинения. Леха стал рядовым бойцом — на должность заместителя командира группы не вернулся, а предлагали. В отряд мы попали, когда началась спецоперация. Нам дали простенькую задачу и отправили на патрулирование. И во как все обернулось. Наверное, нельзя нам с Лехой вместе. Мы каким-то загадочным образом притягиваем неприятности себе на голову. Это в книжках приключения, а мне после того не то что в Зону возвращаться не хотелось, а вообще было желание сбежать на край Земли, в Сибирь, например. В глушь, чтоб не видеть ничего, кроме нормальной природы, и подальше от новостей, СМИ, суеты всякой — городской, армейской, какая там еще бывает суета? Не знаю. Видеть хочется только лица родных...

Курортник остановился. Впереди была поляна, по центру — дерево, похоже на дуб, но далековато, не разберешь. А под деревом — сгорбившийся человек.

Мы присели.

— Кто это там? — спросил Никита. — На сталкера, кажись, смахивает?

— Лабус, глянь.

Я поднял бинокль. Леха-то свой в монолитовца швырнул у реки.

Действительно, под деревом сидел сталкер: куртка анорак, капюшон на голове, рюкзак на земле, оружия не видно. Поза какая-то... будто куклу на веревочках опустили на землю, она сложилась и ждет, пока кукловод за ширмой проснется, продолжит представление.

— Ну что? — сказал Курортник.

— Сталкер. Оружия не вижу. Уснул, что ли. Или труп? Хреново выглядит.

— Дай мне посмотреть.

Я отдал Курортнику бинокль.

И тут сталкер поддеревом ожил. Поднялся, руки развел в стороны, сделал пару движений, присел, поболтал разведенными локтями и опять опустился на землю.

Курортник сплюнул.

— Кукловод. Вот, Лабус, Пригоршня, смотрите и запоминайте: дерево-кукловод выделяет сонный газ, так ученые говорят. Тот, кто слишком близко подходит, не замечает, как усталость накатывает — все происходит медленно, человек может не ощутить серьезных изменений в организме, просто отдохнуть хочет. Как только уснет, кукловод и присосется. На ветвях тоненькие иглы-ниточки, они протыкают кожу, проникают в организм. Не почувешь...

Пригоршня передернул плечами. Я сглотнул. Курортник поднял бинокль и продолжил:

— Может притянуть человека к стволу. После этого человек проживет еще день или два, пока кукловод жидкость сосет, а затем высохший мертвец отвалится от дерева. Это если повезет. Но может и не повезти, тогда, — Курортник указал биноклем на сталкера под деревом, — тогда он годами здесь будет отплясывать...

— А как определить, что это именно кукловод? — прошептал Пригоршня. Похоже, его сильно впечатлила картина.

Я слышал раньше от Лехи рассказы про эту растительную аномалию, но все равно стало не по себе. Захотелось убраться подальше от поляны.

— Видишь, листва на дереве... не зеленая, конечно, но присутствует. Это первый признак: кукловод никогда не сбрасывает листву. А второй — кукловоды обычно на полянках стоят, вот как здесь. Не может ужиться это дерево среди обычных. Еще кровянка кругом часто растет, у нее листья узкие, с красными прожилками, но сейчас зима, не разберешь. Ладно, двинули.

Леха пошел по краю поляны — видно, боялся, что надышимся сонного газа. Я задержал взгляд на дереве-мутанте — пойманный им сталкер издали казался живым. Просто шел человек, да уснул в тени ветвей, склонившихся к телу. Ветви толстые у ствола, а дальше тонкие. На таком расстоянии не видно ниточек, которые проникли в плечи, локти, голову, бока и колени жертвы. Крона зашелестела, ветки качнулись... Человек снова пустился в жуткий танец. В такт шелесту и треску он приседал, широко разводя колени, вскакивал, притопывал по мягкой земле, похлопывал ладонями по ягодицам и ляжкам, иногда даже складывал руки на груди — и тут же

безвольно опускал их...

Мы обогнули поляну, а кукловод трещал, шелестел, похрустывал ветвями вслед. Звуки механические, мертвые — но в то же время присутствовал в них едва уловимый оттенок жизни, хотя и слишком непонятной, чуждой людям и потому пугающей.

— Как-то я слышал спор Григоровича и Орлова, — тихо заговорил Курортник. — Григорович утверждал, что деревья эти имеют связь между собой. Через куклы или еще как-то, я не вникал. А Орлов говорил, что бред это.

— Ага, бред... — пробормотал Пригоршня. — Я теперь на поляны вообще не сунусь, буду всегда обходить.

Когда отошли от поляны на приличное расстояние, я с облегчением глубоко вдохнул пару раз, медленно выдыхая. Мы пересекли поросшую кустами и высокой травой узкоколейку. Стебли как солома сплелись поверх насыпи. Я ни одной шпалы не разглядел — все занесло землей, скрыло растениями.

За узкоколейкой начался хвойный лес. Сосны, прямые как мачты, но иногда попадались деревья причудливой формы, исковерканные выбросами аномальной энергии. А вот обычных аномалий что-то не видно. И зверья нет. Глухое местечко.

Леха остановился.

— Здесь на отдых встанем.

Пригоршня внимательно осмотрел крепкий многолетний кедр, ударил несколько раз стволом «Грозы» по ветке, потрогал гибкие зеленые иголки.

— Да не бойсь, Пригоршня, это не кукловод. Никита попятился к нам, с напряжением произнес:

— Я могу и не спать. Могу подежурить.

— Спать будем по графику. Двое дежурят, один отдыхает. Вопросы? Нет вопросов. — Курортник взглянул на часы. — Полтора часа на отдых каждому. Выступаем засветло. Бодрствующая смена чистит оружие отдыхающего. — Он протянул мне «Джи-36». — Я спать. Разбудите через полтора часа.

Взяв винтовку, я кивнул. Пригоршня отошел на пару шагов и уселся под сосной. Поставил между колен «Грозу», достал из кармана тубик со сгущенной, свинтив колпачок, выдавил в рот.

Я снял рюкзак, сел под кедр. Пулемет поставил справа. Из рюкзака вынул чистую тряпку, положил на нее Лехину винтовку. Достал кусок ветоши и масленку. Поднял глаза — Леха раскатал спальник и улегся под соседним деревом, голова на рюкзаке, в руке пистолет; проверил оружие, поворочался, выбирая удобное положение, и похоже, сразу уснул. Я посмотрел на Пригоршню — он обернулся, окинул взглядом Курортника и снова принялся за сгущенку.

Ладно. Я разобрал Лехину винтовку, начал чистить.

— Помочиться мне надо, — сказал Пригоршня.

— Давай. — Я отложил винтовку, взялся за пулемет. Пригоршня отошел, а я выпрямился, вгляделся в лес.

Шумит ветер, скрипят деревья... мирно, спокойно все. Будто и не Зона кругом.

Не успев подумать об этом, я обнаружил, что в грудь мне целят стволы охотничьего ружья, а за кустом впереди прячется человек.

— Не дергайся! — Незнакомый сталкер повел оружием в сторону.

Я повернул голову — позади стоял Никита с поднятыми руками.

— Ты чего, дядя?.. Свои мы, — произнес он.

— Кровосос те дядя! — хрипло бросил незнакомец. — Или вон, — стволы ружья качнулись в мою сторону, — он тебе дядя. А я те Лесник.

Пригоршня буркнул что-то нечленораздельное.

Ветки кустов раздвинулись, к нам шагнул крупный, ростом с Никиту, мужик. Клочковатая темно-русая борода, движения основательные, взгляд спокойный...

Спокойствие вдруг как ветром сдуло, стволы охотничьего ружья описали полукруг и вновь остановились на мне. Я скосил глаза — Лехи под кедром не было.

— Спокойно, дядя Василь! Спокойно, — долетел сбоку его голос. — Опустит ружье.

Леха раздвинул ветки, вышел из кустов за спиной Лесника и упер пистолет ему в затылок.

Глава 13

ЗАИМКА

Аты ведь меня сразу заметил, Курортник... — Лесник рылся в рюкзаке. — Я еще себя на мысли поймал: что это командир военсталов так спокойно спать залег, кругом не прошелся, только команду отдал — и на боковую?... Да куда ж я ее засунул?..

Я механически чистил винтовку и слушал разговор. Пригоршня сидел под сосной. Похоже, он и сам был не прочь, чтоб от него отстали. Отвернулся демонстративно и ни разу не глянул на нас.

— Я уже не командир.

Лесник прекратил копаться в рюкзаке и вопросительно уставился на Леху.

— Об этом долго рассказывать, — отмахнулся тот. — Так чего ты показать хотел?

Лесник снова запустил руку в рюкзак.

— Да вот.

Я отложил в сторону оружие и шомпол. Курортник с любопытством разглядывал прозрачный цилиндр. В длину сантиметров двадцать, напоминает гильзу от тридцатимиллиметрового снаряда, доньшко плоское, верх сплюснут. Внутри желеобразная субстанция. Светится, словно ХИС-трубка, — вроде и ярко, но глаза не режет. Свет мягкий, бело-голубой.

— Ну и?... — Курортник царапнул гильзу ногтем, постучал пальцем по доньшку. — Чего ты мне химический источник света показываешь? Или это контейнер какой-то необычный?

Лесник хмыкнул.

— Если дело в контейнере, то такой я действительно впервые вижу. — Леха нахмурился. — Слушай, как открыть?

— А никак, — заявил Лесник. — Я эту штуку в восточном Могильнике нашел. А потом узнал, что Григорович заказ на нее разместил. Случайно узнал от Отмеля. Я-то думал, барахло какое... Как ты сказал, химический источник света? А оказалось, что не он вовсе. Две недели назад я заходил на Янтарь, и начальник охраны мне шепнул, мол, к тем, кто в Могильниках бывал, у Григоровича разговор есть. Ну, я пошел с Григоровичем пообщаться, а он достает такой же цилиндр и говорит: «Заказ. Найдешь — неси, только надобно в Могильнике искать». А когда узнал, что у меня такой имеется, — Лесник усмехнулся, — прям вцепился. «Тащи, — говорит, — мне срочно. Немедленно!»

Леха покрутил цилиндр в руках, посмотрел на свет и вернул Леснику:

— На Янтарь, стало быть, идешь? Мы с командиром переглянулись.

— Ага. — Лесник спрятал контейнер и дернул шнур, затянув рюкзак. Запечатал клапан с помощью длинных ремешков, пропустив сквозь кольца, закрепленные снизу. Старый рюкзак, потертый такой, из брезентовой ткани, выгоревшей на солнце. Вместительный, несколько накладных карманов по бокам. Таких в продаже уже не найдешь — раритет.

Лесник сам как раритет. Человек эпохи социализма. На голове ушанка с торчащими наружу петельками завязок. Одет в брезентовый плащ — широкие полы, патронташ через грудь, коричневый свитер из верблюжьей шерсти с высоким воротом, в них водолазы раньше ходили. Сапоги болотные, завернуты ниже колен, тоже из советской эпохи. А вот брюки современные, такие же, как у нас, — как-то разжился вольный стрелок комплектом или подарил ему кто-то, Леха с Отмелем запросто могли так отблагодарить за какую-то услугу.

— А что это за желе внутри? — спросил Курортник.

— Не знаю. Григорович умные слова говорил, научные, я не запомнил.

— Точно? — Леха прищурился.

— Да правда не знаю. Нашел — рассказал Григоровичу. Не фонит оно. Трубка и трубка, запаяна, гладкая.

— Ладно, это ваши дела с Григоровичем. Ты стрельбу слышал?

— Да. У вас хочу спросить, кто это так шумел у моста? Ваши же спецоперацию какую-то

намечали.

Пригоршня по-прежнему сидел тихо, но я заметил, как дернулась его голова, когда про стрельбу и спецоперацию вспомнили.

— Погоди, ты на заимку идешь? — проигнорировал Курортник вопрос Лесника.

— Да, только через мост я редко хожу. Гиблое местечко, мародерничают там часто. И Зеленка его подмывает. — Лесник почесал бороду и добавил: — Я от Кордона топаю, между «Агропромом» и Свалкой прошел, а здесь у меня ловушки кое-где. Хвосты рыжих псевдособак пока еще в цене...

Курортник покивал. Я не выдержал:

— Откуда здесь псевдособаки? Лес же кругом, а они в основном у брошенных поселков, бывших военных объектов крутятся.

За Лесника ответил Курортник:

— Здесь хуторок есть. Лабус, ты винтовку-то чисть.

Я пожал плечами и опять взялся за «Джи-36».

Курортник быстро пересказал, что с нами произошло. Про пацана-лаборанта, Пригоршню, марево, «Свободу» и монолитовцев у переправы. Доверяет он Леснику, раз все выложил без утайки. Когда про змею упомянул, Лесник сказал, что и сам видел одну, но ловить не стал — побоялся.

— Они в спячке должны быть. Гадюки вообще мирные, людей не кусают, хоронятся в топях и прохладных местах летом. А тут... — Лесник хмыкнул. — Я драпанул, когда увидел. Зима ж на дворе. А если плюнет тва-рюга мутантная каким-нибудь ядом? Значится, надо на Янтаре рассказать, пусть «ветеринары» из блока «О» ловят или кого другого снаряжают из отчаянных одиночек, кому жизнь не дорога. Я если тварь не понимаю, неизвестна она мне, так не сунусь. Пущай себе ползает, мне жизнь дороже. — Он надолго замолчал.

Закончив с винтовкой, я отдал ее Курортнику, тот кивком поблагодарил.

— Меня на заимке Химик должен ждать, — сообщил Лесник. — Он мне «сборку» обещал.

— Химик? — влез Никита. — Слышал вроде... Говорят, он родом из Чернобыля...

— Говорят, что кур доят, а кровосос несется, — оборвал Лесник.

Пригоршня буркнул что-то и опять отвернулся.

— Химик... не помню, кто такой, — сказал Леха.

— Малый один. На Яantarь не ходит, ты не знаешь. В Зоне недавно. Местный как бы... — Лесник покосился на Пригоршню. — Большой знаток артефактов. Один ходит. Спор у нас вышел как-то про лозу волчью, кровь камня, слизняк, выверт и медузу. Химик говорил, что нужны бенгальский огонь и капля и что он из них соберет ночную звезду. Точнее, сделает «сборку» по свойствам, не уступающим ночной звезде, но она не радиоактивная будет.

— Во как, — удивился Курортник и почесал за ухом. — Костя, слышал? А мы не знаем об этом алхимике ничего...

Лесник вдруг скривился, схватился за грудь, поерзал на месте, кашлянул в кулак.

— Что? Сердце?

— Та не... — Он потянулся к рюкзаку, вынул флягу из бокового кармана. Жадно глотнув, утер бороду тыльной стороной ладони и сказал: — Не сердце, так, болячка какая-то новая прицепилась. Беспокоит, холера ее заberi. Что делать будем?

— Отдыхать. — Курортник глянул на часы. — Пригоршня, Лабус, график меняется. Спим теперь по два часа. Мы с Лесником первые, потом вы. Вопросы?

* * *

Проснулся я от легкого толчка в плечо. Кое-как разлепил глаза, сел, осмотрелся. Ночь, вокруг все темно-серое, туман висит низко над землей. Я втянул ноздрями холодный воздух, поежился, попытался вспомнить, что мне снилось, — мусть какая-то в голове. Растер щеки, похлопал себя по плечам, разгоняя кровь, помахал руками, несколько раз отжался на кулаках и встал.

Рядом на сошках стоял вычищенный Лехой «Мини-ми», сам командир сидел под деревом с

кружкой и незажженной сигаретой в руках. Рядом Лесник колдовал над примусом. Я скатал спальник, упрятал в чехол, подцепил пулеметный ремень и забросил оружие на плечо. Сбоку появился Пригоршня — рюкзак одной рукой волочит по земле за лямку, «Гроза» болтается на длинном ремне ниже пояса и бьет по ногам. Выглядел он не очень, глаза осоловелые.

— Держи, сталкер. — Леха протянул кружку. Никита взял ее, принялся. Отдернув голову, сморщился.

— Пей, говорю.

— Давай, парень, — хрипло подбодрил Лесник. — Полегчает. И сил прибавится.

Никита нехотя пригубил, потом отпустил лямку рюкзака, зажал двумя пальцами нос, выдохнул и опустошил кружку. Постоял с кислой миной, кашлянул, выпучил глаза и произнес:

— А хорошо, ух! — Он постучал себя кулаком в грудь.

— Держи, Константин. — Лесник вручил такую же кружку мне.

Я не стал принимать, сразу вылил содержимое в рот. Нёбо обожгло холодом, скулы свело, выступили слезы... а потом по жилам растеклось тепло. Я шумно выдохнул воздух.

— Вот такой живительный напиток с добавками волчьей лозы, — констатировал Леха и встал. Сигарету спрятал обратно в пачку. — Только сами экспериментировать не вздумайте. Пригоршня, тебя это в первую очередь касается. Тут дозировка важна, температура подогрева, время настоя и еще куча факторов. Лесник, ты потом, когда передышка будет, надиктуешь нам с Костей рецепт?

Лесник кивнул, затушив примус.

— Я прошелся по округе, пока вы спали. — Курортник потуже затянул поясной ремень. — Тихо. Нехожено.

Ставив с плеча пулемет, я присел. Разрядил, проверил исправность курка. Сделав контрольный спуск, снова зарядил ленту и, присоединив короб, перекинул ремень через голову.

— С рассветом на заимке будем, — произнес Лесник. Собрав мусор в целлофановый пакет, сунул его в заранее выкопанную ямку под деревом, присыпал землей и накрыл куском мха. Кружки и примус убрал в рюкзак.

— Ну что, все готовы? — Леха застегнул перемычку рюкзака, проверил, работает ли фонарь. Потом извлек пистолет из потайного кармана, выщелкнул магазин, оттянул затворную раму — из ствола выскочил патрон, Леха поймал его в ладонь. Щелкнул холостым выстрелом. Снова оттянул раму, вложил патрон и вставил магазин в рукоять. Повторил операцию с пистолетом из набедренной кобуры.

Я заметил, что с плеча Курортника исчезла повязка, и спросил:

— Как рана?

— А... Лесник вылечил, затянулась моментально, зудит, правда, сильно...

Он стал проверять фиксаторы армейских «сборок» на рюкзаке, я занялся детектором. Рядом щелкнул под-ствольником Пригоршня.

— Три гранаты осталось, одна в стволе. — Он поднял «Грозу».

Леха кивнул. Я закончил проверку детектора и доложил:

— Готов.

Лесник запахнулся, застегнул плащ. Подпоясался широким ремнем, поправил патронташ и сообщил, что тоже готов выступить.

— Попрыгали. — Курортник несколько раз подпрыгнул на месте.

Все подчинились. У Лесника звякнули кружки в рюкзаке.

— Перепаковать надо, — сказал командир. Лесник не стал спорить. Спустя две минуты мы покинули место ночлега.

Ветер усилился, небо затянули тучи. Зарядил то ли снег, то ли дождь — мелкие капли воды вперемешку с белой крупой. Мерзкая погода.

Я шел первым, за мной Лесник, следом Пригоршня, Курортник замыкал.

Иногда Лесник шепотом подсказывал направление, он хорошо знал местность. Меня пустили вперед просто потому, что охотник не слишком любил возиться с электронным оборудованием — ПДА с собой носил, но не включал. Когда он увидел армейский детектор, сразу отмахнулся, будто ему артефакт предлагали голыми руками взять.

Поначалу двигались на юг, сильно отдаляясь от намеченной цели. Я подумал: так мы аж к «Агропрому» выйдем. Но потом Лесник скомандовал поворачивать вправо, и мы взяли к западу.

Через два часа вышли к хутору на пологом холме, который упоминал Курортник. Дождь со снегом прекратился, тучи разорвало ветром, выглянул круглый диск луны, повис в небе, словно прожектор, — все предметы стали отбрасывать длинные четкие тени. Лесник отправился проверять одну из своих ловушек на опушке, оставив нас в шалаше между деревьями. Я сунул руку в мягкую стену из лапника, сдвинул ветки, выглянул — пологий холм, хутор как на ладони. Шалаш примыкал к дереву, на ствол были набиты брусочки лестницы, сучки подрублены так, что взбираться удобно. Подняв голову, я разглядел дощатый настил на высоте в два человеческих роста.

С хутора слышался вой псевдопсов.

— Почуяли? — спросил Пригоршня.

— Вряд ли, — ответил я. — Ветер с холма. Кстати, пованивает...

Курортник предположил:

— В ловушке сдох кто-то. Может, и не один. — Он поправил ветки, закрыв дыру, через которую я выглядывал наружу.

— Возвращается, — сказал сидевший у входа Пригоршня.

Мы тихо выбрались под тень деревьев. Показалась грузная фигура — Лесник нес ружье на плече, в левой руке качалось что-то пушистое.

— Вот. — Он поднял руку, показав хвосты. — Сука и переярок попались. Подошли сутки как, не больше. Стая, видать, покрутилась вокруг, да и не стала соваться, ушла на хутор. Вожака бы их выследить и заманить. Тогда можно на большой улов рассчитывать... — Скинул на землю рюкзак, вынул из бокового кармашка кусок мешковины, аккуратно обернул хвосты и спрятал в карман. — Жаль, трупы в ловушке остались. Времени нет подымать. Пошли, что ль?

— Куда теперь? — Я посмотрел на Лесника.

— А прежней дорогой топаем. Обойдем хутор по опушке. Когда журавль колодезный разглядишь на околице, скажешь мне. Дальше я поведу.

С холма лился унылый вой. Как бы стая не рванула в нашу сторону, подумал я, и тут он оборвался. Слышался скрежет металла, утробный рык вожака, потом — приглушенный плеск и снова вой.

Я бросил взгляд в сторону холма, где виднелись приземистый амбар с провалившейся крышей и мазанка. Лунный свет отражался от стен — как-то неестественно, резал глаза. Может быть, постройки пропитались аномальной энергией, а может, морозный воздух так преломлял лучи. Картинка казалась очень контрастной: черный остов амбара и ярко-белые стены дома.

Минут за десять миновали распадок между низкой порослью на опушке и молодым сосняком. Наконец из-за крыши мазанки выплыл длинный шест, похожий на тонкую стрелу башенного крана. С него свисала жердь, конец которой исчезал в колодезном срубе.

Шест дернулся и пополз вверх, тут же собаки затк-иулись, раздался скрежет. Из колодца вынырнуло ведро, подвешенное к жерди. Шест, достигнув высшей точки, замер на миг и резко опустился — раздался плеск. Вот так, вот и не верь потом рассказам сталкеров... Почему эта штука двигается сама по себе? Ясно, что здесь не обошлось без каких-то аномальных штучек, но вот каких?

Я остановился. Лесник молча обошел меня и махнул рукой:

— Не обращайтесь внимания, здесь всегда так было. На хутор я не ходил и не пойду. И вам не советую, мало ли чего...

Вот так буднично: «мало ли чего». Хотя чего я удивляюсь? Ведь привык, что есть псевдоплоть, зомби и прочая нечисть, аномалии и артефакты... В конце концов, сама Зона — вот она, и я в ней.

Я повернул за Лесником, который зашагал к лесу.

— Собаки не пойдут за нами, — бросил он, не оборачиваясь.

Ага. Охотнику можно верить, это его мир. Не удивлюсь, если он, как гидрометцентр, прогноз погоды может выдать на неделю.

Хотя гидрометцентр частенько ошибается...

За спиной хмыкнул Пригоршня, я обернулся — он пожал плечами. Нуда, что тут скажешь... Наверное, об одном и том же подумали.

Хорошо, что ночь лунная и звездная, а то поход через лес занял бы гораздо больше времени, чем планировалось. Лесник спокойно шагал впереди, без всяких приборов обходил деревья с наростами ржавых волос. Аномалии, как новогодние гирлянды, мигали голубоватыми сполохами. Пару раз попалась ведьмина паутина, непонятная и, на мой взгляд, безобидная штука. Паутиной эту аномалию прозвали за тонкие маслянистые нити. Они протянулись между ветвями, на них застыли так называемые слезы мрака: черные глянцевые шары, отражающие лунный свет.

Мне стало лень обходить очередные заросли паутины, я решил срезать путь, прыгнул через небольшую ямку между двумя молодыми елками. И пожалел об этом — с земли выстрелило облачко жгучего пуха. Приземлился я на колени с тихим воем. Схватившись ладонями между ног, ткнулся лбом в землю.

Когда кое-как распрямился, подошел Лесник. Недовольно покачал головой. Никита, ухмыляясь, помог подняться. Блин, и ведь знаю, что нужно идти след в след! А если б там жарка висела над ямкой или карусель — тогда что?

Курортник ничего не сказал, лишь дернул меня за воротник и скомандовал:

— Привал пять минут.

Он сел под деревом, Лесник устроился рядом с ним, сняв с плеча ружье. А я так и остался на месте в нелепой позе. Никита забрал у меня пулемет, я снял штаны и осмотрел обожженные ляжки. Как этот пух сквозь одежду жжется? Синтетика, нити огнеупорные и еще куча всяких элементов в ткань вплетены — а он жжет! Пришлось скинуть рюкзак, отцепить аптечку и найти пузырек с йодом. Ничего лучшего придумать было нельзя. Смазав ожоги, я быстро оделся, упаковался и забрал у Никиты пулемет.

— Совсем малость осталось, — негромко сказал Лесник, глядя на небо. — А погода-то странная стоит... — Он почесал клочковатую бороду.

Да, погодка действительно непонятная. Ведь снег был, а сейчас нет. Только тут до меня дошло: надо Лесника про снег спросить, Леха, когда ему все рассказывал, про это не упомянул и сам не поинтересовался. Я открыл рот...

Едва слышно треснула ветка. Лесник с Курортником вскочили. Охотник перехватил ружье, выставил стволы перед собой. Я развернулся, поднимая пулемет.

Может, кабаны через кусты ломятся. Опять затрещало, громче...

Лесник прошел мимо меня, я двинулся следом. Сделав несколько шагов, мы оказались на краю полянки. Слева, у кустов, стояли шесть кабанов, лунный свет облизывал мохнатые бока. Самый крупный повел мордой — сверкнули красные радужки глаз. Вожак всхрипнул, и стадо рвануло вправо, за секунду преодолев поляну, вломилось в лес.

Ерунда какая-то! Почему они не напали, почему не шарахнулись в кусты напротив, а кинулись в далекие заросли?..

Из тени кустов на поляну шагнул сталкер в пятнистом КЗС. Опять «Свобода». Значит, монолитовцы у моста не всех положили. Ну с каким же упорством нужно двигаться к цели? Невзирая на потери и препятствия...

По краю поляны двигались уже трое.

Ну, трое — это не сотня. Я глянул на Леху. он показал рукой: двигаемся следом, Пригоршня замыкающий. Лесник посторонился, пропуская нас вперед.

У меня на руке завибрировал счетчик радиации. Фон нарастал. Свободовцы на ходу натягивали противогазы. Нас разделяло метров пятьдесят, сталкеры шли налегке, без рюкзаков, только подсумки на поясе.

Курортник остановился, вопросительно посмотрел на Лесника. Тот отмахнулся. Я не понял, что означает этот жест. Курортник, кажется, тоже. Лесник прошипел: «Быстро», — и зашагал дальше, возглавив группу.

Что я не люблю, так это такие вот непонятки. И ведь ситуация сложилась — особо не поговоришь, чужие услышать могут, да и нет времени на объяснения. Решив, что Лесник знает, почему не нужно надевать средства противорадиационной защиты, мы с Курортником по-

следовали за ним.

Начало светать. Я оглянулся — сзади бесшумно шел Пригоршня.

Лесник увел нас в сторону от поляны, свободовцы исчезли из виду. Зайдя в глубь леса, мы встали. Мерцающие студни преградили путь. Я насчитал семь холодцов, вдалеке еще несколько — черт, как не вовремя, уйдут анархисты! Лесник взял левой, удаляясь от поляны, обошел бледно-зеленое поле аномалий — но на пути выросли нити ведьминой паутины. Лесник пошел совсем медленно, то и дело замирая, осматривался, запуская пятерню в бороду, думал, потом снова делал шаг и опять глядел по сторонам.

Леха нервничал, тоже понимал: уйдет «Свобода» — ищи потом.

Наконец охотник нашел проход между аномалиями и дальше повел нас без задержек. Браслет на руке перестал вибрировать — что это, интересно, было такое, поле аномалий фонило или какой-то другой источник? Хватанули мы дозу, теперь жрать таблетки придется. Не люблю я эту гадость противорадиационную...

Лесник вывел нас к глубокому оврагу, лес здесь совсем поредел, по склону рос пышный кустарник. Приходилось держаться подальше от веток, чтобы не зацепить, не зашуршать, не выдать себя. Когда кустарник кончился, мы перешли на бег, спустившись на дно оврага, проскочили метров двадцать и вынырнули к пологой ложбине. Взобрались по склону — и тут же попадали на землю, отползли назад и вниз.

В пяти шагах возле густых зарослей спиной к нам стояли двое. Я переглянулся с Лехой — те самые сталкеры из «Свободы», точно. Они нас не могли слышать, противогазы старой модели плотно обтягивали голову и уши. Кажется, сталкеры отдыхали, пытались унять тяжелое дыхание, плечи их вздымались и опадали. Я вспомнил, как сам бегал марш-броски в противогазах еще по срочной, ночью — сквозь запотевшие стекла маски почти ничего не видишь, а в уши словно ваты напихали.

Где ж еще один? А вдруг их все-таки больше? Может, тройка — только передовой дозор?..

Леха стянул рюкзак и показал Пригоршне, чтобы тот тоже сбросил. Лесник с озабоченным видом держал сталкеров на мушке. Не нравилось ему что-то. Ну да. Леснику со «Свободой» ссориться не с руки. Он ведь охотник-одиночка, вольный сталкер, если ввяжется в историю и об этом узнают в группировке... Не простят. Могут и на него охоту объявить, разбираться не станут.

Курортник с Пригоршной обменивались знаками: командир берет левого, Пригоршня правого, нам с Лесником страховать. Только Никита и Леха хотели направиться к сталкерам, как из кустов появился третий. Махнул рукой, двое пошли к нему.

Курортник показал «отбой» и взялся за рюкзак.

— Разделяемся, — прошептал Леха. — Лабус с Лесником, Никита за мной.

Я понял, что мы у цели, когда пробрался к зарослям и раздвинул ветки. Взгляду открылась полянка, на другой стороне стоял приземистый дом, не то хлев, не то сарай. В дверях рядом с лежащей у стены железной ванной двое... Кирилл! — чуть не вырвалось у меня. Нашего ученого за локоть держал какой-то мужик. Потрепанный, в камуфлированном свитере с изодранными рукавами и старой кожаной жилетке с кучей карманов. Когда он повернулся, я увидел «М4», притороченную сбоку к рюкзаку, а над клапаном блестящий тубус.

Я внимательно оглядел поляну, пытаюсь определить, где же могут появиться Курортник с Пригоршной и куда подевались трое из «Свободы». Посреди поляны между холодцом и белым искрящим шаром электры лежал мертвец.

Твою мать!

Лесник дернулся — я прошептал это вслух.

В утреннем свете и отблесках аномалий я разглядел ежи, разбросанные по всей поляне, — взведенные ежи! Какой-то резкий звук, хлопок или сотрясение почвы... Рука сама потянулась к «сборке», висящей на рюкзаке.

Зашуршали ветки кустов, и на поляну выбрались двое в противогазах. Сжимая «калаши» в боевом положении, сделали несколько шагов и остановились. Раздался гнусавый голос:

— Хенде хох, Химик!

Вот он, эффект внезапности, когда все становится с ног на голову!

Мертвец посреди поляны шевельнулся. Лесник рухнул на землю. Я рванул «сборку» с липучек, большой палец вдавил крышку, рука распрямилась в броске.

Активация наступит через пять секунд.

Время тянулось словно резина. Алюминиевый цилиндр аномальной гранаты с мигающим алым диодом на крышке, казалось, завис в воздухе. Мужик в дверях толкнул Кирилла за ванну, подбил ему ноги, завалился следом, пытаясь укрыться между ванной и стеной.

Я упал рядом с Лесником — ладони на затылок, голова между локтями. С поляны послышались шлепки, словно несколько мокрых тряпок швырнули в дощатую стену. Над головой, пробив кусты, что-то пронеслось. Кто-то ахнул, крик оборвался. Тренькнула активированная «сборка», и потом треск электры заглушила очередь «калаша».

Часть третья **ВСПОМНИТЬ ВСЁ** **[Кирилл Войтковский]**

Глава 14 **ВИВИСЕКТОР**

Я нырнул за ванну, проехался щекой по стене, отдернув голову, треснулся макушкой о чугунный бок. Из глаз брызнули слезы. Пальцы скользнули по шершавым доскам сарая. В голове мелькнула мысль: кругом смерть, Кирилл, все хотят тебя убить! Химик больно надавил на поясницу, протискиваясь сверху, громко ругаясь. Прижал к земле.

В стену сарая дважды что-то врезалось с хлюпающим звуком. Потом раздался скрежет, будто столкнулись две шестеренки.

С поляны прозвучала автоматная очередь, несколько пуль с визгом срикошетили от ванны. В ушах зазвенело. Ноги по-прежнему оставались снаружи, никак не получалось протиснуться под ванну полностью. Химик дернулся, взвыл у меня над ухом. Крик резко оборвался.

Наступила тишина — неестественная тишина, словно все вокруг напиталось нервным напряжением, ожиданием развязки.

Раздался топот — кто-то бежал в нашу сторону.

Я попытался протиснуться глубже, Химик задержался, не позволив мне поджать ноги.

Опять хлюпающие удары в стену. За домом затрещали кусты, на краю поляны жахнул сдвоенный выстрел. Повторился скрежет, потом прозвучал возглас:

— Лабус, это Давыдов! Прикро... — Фраза оборвалась.

Совсем рядом послышалась возня, глухие удары, шлепки. Кажется, кто-то упал, и тут же неподалеку началась драка.

Химик дернулся, зарычал, локтем больно надавил мне на позвоночник. Хрустнули суставы — Химик спиной отвалил накрывавшую нас ванну. Вскочил. Я перевернулся на спину. В нескольких шагах стоял Вивисектор: на голову наброшен капюшон, лицо в густой тени. У его ног лежал человек в одежде военсталя...

Вивисектор вытянутой рукой сжимал горло Пригоршни, тот хрипел и дергался. Попытался ударить кулаком, но Вивисектор легко отмахнулся.

Химик выдернул из-за голенища нож. Штанина над ботинком была разодрана, из икры вырван клочок мяса. Не обращая внимания на рану, сталкер пригнулся и прыгнул на Вивисектора, который сразу выпустил Никиту, развернулся, вскинув руки ладонями навстречу, растопырил пальцы и...

Меня оглушило. Вот только как, чем? Я не знаю, что это было. Будто с размаху отвесили

оплеуху — в глазах поплыло, челюсти свело судорогой. Я увидел, как Химик скрючился в шаге от воскресшего мертвеца, пытаясь заслониться рукой от невидимой силы. Отчаянным движением он все-таки достал Вивисектора — нож полоснул по кисти.

Боль и головокружение схлынули. Лишь резь в глазах осталась — но могу поклясться, что видел, как с пальцев Вивисектора сорвались сияющие нити. Они сразу растаяли. В сознании колыхнулось что-то, какое-то воспоминание... и пропало.

Вивисектор пнул Химику ногой в живот, сталкер осел рядом с Никитой и военсталом.

Из кустов на дальнем конце поляны с протяжным «А-а-а!» выскочил Лабус и начал стрелять.

Вивисектор, пригнувшись, кинулся за угол сарая.

Лабус повел стволом, не отпуская спусковой крючок. Пули врезались в электру посреди поляны, аномалия взорвалась, искры ударили в холодец по соседству, взметнув сноп ярко-зеленых брызг. Холодец вскипел, набух, разрастаясь, — и начал срачиваться с белыми молниями бледнеющего шара электры.

Лабус продолжал стрелять. Пули, пронзая мешанину из студня и электры, врезались в стену сарая, оставляя в воздухе яркий инверсионный след.

Я, кажется, заорал, когда над головой вжикнули несколько кусочков свинца. В лицо ударила щепка из пробитых досок. Со звоном и лязгом внутри помещения что-то падало, взрывалось. Лабус выстрелил еще несколько раз, чудом не зацепив меня, и тут у него кончились патроны.

— А-а-а! — Крик превратился в сиплый хрип.

Костя опустил пулемет, сбросил пустой короб, сорвал с жилета магазин, зарядил и вскинул оружие, быстро водя стволом из стороны в сторону.

Из кустов на поляну выбрался дед с клочковатой бородой, в шапке-ушанке и длинном плаще. В руках двустволка.

— Ушел, — сказал он.

— Сука! — Лабус сплюнул. — Лесник, гляди в оба! — И бросился к сараю.

Я силился вспомнить, ухватить тот самый миг, что подарил мне пси-удар Вивисектора — и не мог. Воскресший мертвец, которого ненавидит Химик, которого хочет убить Лабус и все остальные, знает способ, как сделать так, чтобы я все вспомнил... Нельзя его убивать, он поможет вспомнить все!

Лабус подбежал к стене, перехватив пулемет под левую руку, собрался нырнуть за угол.

Но я успел подняться, опираясь на здоровую ногу, и толкнул его. Чертыхнувшись, он припал на колено, резко обернулся.

— Ты чего?! — Удивление на лице сменилось злостью. — Твою мать, Кирилл! Мапула тебя раздери!!!

Костя в сердцах врезал кулаком по стене сарая. Широкая, почерневшая от времени доска треснула, рука застряла в проломе. Лабус дернулся, пулемет бряцнул на ремне, и военстал, не сумев удержать равновесие, свалился на бок.

Я съехал спиной по стене постройки. Почему я его толкнул, зачем? Словно и не я это был, кто-то другой на миг завладел моим телом. А ведь я что-то вспомнил — вспомнил и тут же забыл. И еще вдруг стало понятно: я знаю, как называются аномалии, сросшиеся в центре поляны, чувствую их энергию. Лиловые нити электры сплетались с кислотной жижей холодца. Мысленно я потянулся к ним — и отшатнулся, сознание обожгла боль. Именно сознание, не тело. Будто ядовитой щелочью плеснули на мозг. Из глаз брызнули слезы. Я сдавил виски, тихо взыв, отчаянным усилием воли выбросил яркие образы вон из головы. Процесс слияния аномалий завершился. Срослись два локальных поля, создав новый очаг энергии с силой вдвое большей, чем электра и холодец вместе взятые, и с другими свойствами. Я знаю, что произведет на свет новая аномалия, когда разрядится! Но я не могу сказать, откуда эти знания. И что со мной случилось на Янтаре, откуда амнезия?..

Я сидел, прислонившись к стене сарая, рядом лежал рюкзак с ГСК, в двух шагах Химик бинтовал рану на ноге. Совсем рассвело. За стеной ходил Лесник, при каждом шаге раздавался хруст стекла — видимо, Лабус покрошил очередью банки и колбы на стеллажах. Дед постоянно

бурчал что-то. Лязгнул инструмент, послышался удар молотка, хлопнула дверца сейфа. Хруст смолк — дед стоял напротив открытой дверцы несгораемого шкафа. Я дернулся, сознание словно в пелену тумана провалилось. Я видел размытый образ Лесника, его бледно-желтую ауру с багровым пятном в груди. Лесник потянулся к этому пятну, будто помассировать грудь хочет, аура пошла фиолетовыми сполохами боли. Он пытался заглушить ее...

У меня в ушах гудело, в горле першило, под ребрами набирали силу дрожь и жжение — но я видел, видел его! Потом гул исчез, унялась дрожь, только в висках слабо колело.

Так не бывает, не могу я видеть сквозь стены. Да что же это происходит?! Закусив губу, я подумал: не нужно быть Пинкертоном, в такой ситуации и Химик сопоставит шаги, хлопанье дверцы и поймет, где сейчас стоит старик и что он делает. Это все мои выдумки, будто я вижу сквозь предметы. Хотя... у старика в груди опухоль. Вскоре она начнет разрастаться, поедать тело. Я это знаю, я это вижу! Как?!

Химик забинтовал ногу, встал. Сунув нож за голенище, посмотрел на меня:

— Чего дергаешься, лаборант? Вроде привидение увидел. Бледный как смерть.

— Нужно повязку снять, артефакт все отдал, всю энергию, — сказал я.

Он поднял брови, но не стал ничего говорить. Присел, вынул нож и спорол волчью лозу у меня с колена.

Я чувствовал, что кость почти срослась. И я знал, что артефакты под названием улитка, закрепленные на голове Химика повязкой, способны снять головную боль и повысить общий тонус. В течение нескольких часов улитки не позволяют отмирать клеткам мозга, стимулируют нервную систему, выравнивая кровяное давление... А еще — Химику удалось достать Вивисектора ножом потому, что улитки противостоят ментальным импульсам.

Сталкер с прищуром глядел на меня.

— Дальше я сам, спасибо.

За стенкой раздался хруст битого стекла, и Лесник вышел из сарая.

— Химик, «сборка» цела? Та, о которой спорили когда-то, помнишь?

— Не успел. — Химик похлопал по блестящему тубусу на клапане рюкзака и поднялся. — Собрать не успел. Вивисектор, паскуда...

Я старался не смотреть на сталкеров. Насупился и думал: как же так, откуда я столько знаю, как могу видеть и чувствовать энергию аномалий, ауру людей? И Химик меня в чем-то подозревает. Догадывается о моих способностях...

Под коленом покалывало. Я устоял на раздувшийся до размеров небольшой дыни артефакт. Кровь камня — руками трогать не желательно. Под действием аномальной энергии отрезь ткани, которыми Химик примотал артефакт, спеклись с красно-бурой поверхностью, похожей на губку. Ком сморщился.

Уши слегка заложило, я ощутил, что ком внутри иссох, как картофельный клубень, пролежавший целое лето на солнцепеке. Теперь следует его спрятать, закопать в землю. Почва со временем расплющит комок и вытянет гниль, как я обозвал про себя мертвые клетки и осколки кости. Их артефакт вобрал в себя из моего организма. Влага в земле и корни растенийпитают полезными компонентами коричневый шмат, похожий на кусок вяленого мяса. А потом, когда случится выброс, артефакт возродится вновь.

— Рукой не вздумай трогать, — сказал дед, шагнув ко мне.

Хотя на самом деле никакой он не дед — не такой уж и старый, просто в возрасте мужик. Но из-за бороды и ушанки хотелось называть его именно так. Он прислонил ружье к рюкзаку с ГСК, достал рукавицы из плотной мешковины, надел. Большими пальцами легко продавил потемневшую массу вокруг колена, осторожно разделил на две дольки и отнял от ноги.

— Вот так. Теперь закопать надо.

Я повернулся, встретившись взглядом с Химиком, не выдержал и опустил голову. Попробовал согнуть ногу в колене. Получилось неожиданно легко. Я не произвольно улыбнулся, согнул еще раз, разогнул, опять согнул. Легкая боль, словно мышцы задеревенели, ослабли — так бывает, если долго сидеть с поджатой ногой.

— Разработаешь, — сказал Лесник, и Химик хмыкнул.

— Отойдем за угол, батя, — кивнул он Леснику. — Артефакт закопаем.

Они скрылись за сараем.

Ну и черт с вами! Химик эгоистичная натура все-таки — вон как меня использовал, чтобы Вивисектора завалить. Если бы не медблок от костюма, если бы я не воткнул шприцы ему в шею...

Я поднялся, опираясь на стену, по-прежнему боясь ступить на недавно сломанную ногу. Осторожно подвигал стопой — нормальные ощущения. Аккуратно перенес на нее вес тела. Ха! Это фантастика, как еще назвать? Я даже рискнул слегка подпрыгнуть. Легкая, совсем легкая боль...

Странный тип Химик. Помог ведь мне, вылечил, не бросил. А сейчас шепчется за углом со стариком. Видимо, они давно знакомы. Ладно...

Зашуршали ветки кустов — на поляну один за другим вышли Курортник, Лабус и Пригоршня. Курортник осунувшийся, бледный. Его пошатывало, да и Пригоршня выглядел не лучше — стычка с Вивисектором не прошла для них даром. Бодрый, с румянцем на скулах был только Лабус.

— Где Лесник? — спросил Курортник. Я мотнул головой в сторону сарая.

— Тут мы, — отозвался дед из-за угла.

— И чего там прячетесь?

Лабус подобрал алюминиевые цилиндры отработанных армейских «сборок» и остановился в двух шагах от новой аномалии возле погребка. Из пузырящегося пятна на земле иногда выстреливали зеленые молнии, по поляне стелился запах озона. Лабус погладил усы и пошел к сараю, на ходу убирая бесполезные контейнеры «сборок» в жилет.

— Закопали кой-чего. Кровь камня у щегла сняли..., — Лесник выглянул из-за угла, посмотрел, на месте ли я. — Разбрасывать такие вещи негоже. Ну, чего у вас?

— Ушел Давыдов! — Курортник вынул из подсумка флягу. Сделав несколько глотков, передал ее Пригоршне. Тот тяжело сел, выдохнул и стал жадно пить. — Ушел, тварь! — зло добавил военстал. — Лабус, Пригоршня... — Он замер, не договорив, уставился на рюкзак с ГСК. — Так!..

Никита оторвался от фляжки, тоже взглянул на рюкзак:

— Вот он, родимый! — и обрадованно вскочил. Командир поймал его за рукав.

— Теперь ты с этой штукой от меня ни на шаг. Понял?

— Угу, — кивнул Никита, облизнув губы.

— Ваш, что ли? — спросил Химик.

— Смотрел, что внутри? — Курортник недобро прищурился.

Химик качнул головой:

— Ночью не разберешь, что за штука...

— Теперь забудь, — оборвал военстал. — Лабус, ты на север, помнишь, там кусты перед ложбиной? Наблюдай, пойдет кто — свисти. Пригоршня, ты к оврагу, там заляжешь. А мы пока трупы уберем и решим, что дальше делать. Вопросы? Нет вопросов.

Химик усмехнулся. Никита отдал флягу Курортнику, медленно поднялся и побрел на пост. Лабус скрылся в кустах.

Лесник и Химик приблизились к Курортнику, который, хмурясь, возился с настройками ПДА.

— Давыдов... — медленно повторил Химик. Повязки у него на голове уже не было — наверное, зарыл улитки вместе с кровью камня.

Курортник поднял на него взгляд.

— Говори, Алексей, что считаешь нужным, не стесняйся, — сказал Лесник.

— Сначала — кто ты такой? — Военстал продолжил возиться с ПДА.

Химик пожал плечами:

— В Зоне недавно. Ну, относительно. Дел с контрабандой не имею. С группировками тоже. Сталкер я... — Он повернулся к Леснику, будто ища поддержки.

Дед молчал.

— Ты продолжай, — спокойно произнес Курортник, — и побыстрей.

— А чего мне продолжать? Ты мне не духовный наставник, чтобы покаяние принимать.

Нечего мне больше добавить. Лесник за меня поручится.

Дед кашлянул в кулак. Возникла неловкая пауза. Лесник погладил бороду, еще раз кашлянул. Сказал:

— Да. Курортник...

— Лепите мне тут сказку! — Курортник вскинул голову. — Это вы Пригоршне сочиняйте, он любит истории про честных сталкеров. Ты еще скажи, что у тебя на ствол разрешение имеется, охотничий билет, как у Лесника...

— Лексей, ну меня-то ты знаешь, — перебил Лесник.

— Знаю, а его вот, — Курортник ткнул пальцем в Химика, — впервые вижу. А ты? — развернулся он ко мне. — Ты, смотрю, выздоровел. Щечки порозовели. Нога не болит?!

И чего он так завелся? Я чувствовал, как напряжен Курортник, как жаждет, чтобы хоть кто-то сказал ему гадость, и тогда он сорвется, выпустит пар.

— Что произошло на Янтаре?! Что? Говори! Я помотал головой:

— Не помню. По-прежнему не помню...

— С лагерем нет связи больше двух суток! Что с Отмелем, что с Янтарем?..

— Остынь! — вдруг резко произнес скрипучим голосом Лесник. — Ты очумел совсем, парень? Эти люди тебе ничего не сделали, так и умерь тон. Химик этого... Давыдова остановил, когда ты кулем под ногами его лежал. Щегол тебе чего сделал? Ты, Лексей, злой стал до людей.

Курортник уставился на него блестящими глазами. Дед возвышался над ним, широко расставив ноги, выпятив бороду.

— Поменялся ты. Что-то сильно внутри тебя мучает. Что?

— Не время сейчас. Потом. Потом... — Курортник вдруг сник. Медленно убрал ПДА, поморщился, помассировал шею.

— Ладно, я отвар сготовлю. И поговорим заодно. — Лесник стянул рюкзак со спины.

— Давай. — Курортник явно нуждался в передышке и сам пока не хотел продолжать разговор. — Химик, пошли трупы уберем.

Они вдвоем направились к убитым сталкерам, лежащим у края поляны. Дед подошел ко мне, поставил под ноги рюкзак.

— Подсоби. Тебя, кажется, Кириллом зовут?

— Да. А вас?

— Лесником кличут. — Он присел у рюкзака и открыл клапан. Порылся, дал мне примус. — Обращаться умеешь?

— Разберусь. Дело нехитрое.

— Тогда давай, вот тебе фляга с кружкой. А вот спички. — Дед протянул коробок, встал, подхватил ружье. — Я пройду, соберу кое-что на местном огороде.

Он скрылся за сараем. Я поколдовал с примусом, разжег. Залил воды в кружку и поставил на горелку.

Курортник и Химик убрали одно тело с поляны, потащили второе к кустам. Я передернул плечами — трупы меня не пугали, я просто почувствовал, что стало с человеком, которого атаквали ежи. Военстал и сталкер с трудом удерживали мертвеца на весу. С виду тело как тело, но я точно знал, что кости сломаны, будто человек упал с большой высоты, поэтому труп трудно поднять и перенести, он словно кукла, набитая ватой, без каркаса внутри. Не повезло этим ребятам. Не повезло...

Вернулся Лесник с небольшим свертком, положил на землю, развернул — я увидел на мешковине порубленные стебли молодых побегов волчьей лозы.

— Ну что, — сказал дед, — сейчас заварим. Людям в себя прийти необходимо. Поможем. Видал, — он кивнул то ли на хромавшего к нам Химика, то ли на кусты, куда только что оттащили трупы, — что ежи с человеком могут сделать? Зона породила разных тварей. От мутаций этих обычная свинья стала псевдоплотью, да к тому же болтает, что твой попугай в клетке, звуки всякие коверкает, слова повторяет. Зомби — тут объяснять долго не нужно, с псевдособаками тоже, думаю, понятно, а вот кровосос откуда взялся? Чей отпрыск? Или контролер — от человека произошел или... И ежи эти — загадка. Не знаю, как лучше их обозвать. Химик утверждает, что ежи навроде живых аномалий...

— Ежи — как аномальная граната, оружие, — сказал подошедший Химик. Он попробовал пошатать ванну, но та стояла на боку мертво. Сталкер присел на краешек со сбитой эмалью, рядом пристроился Курортник, положил оружие на колени. Химик продолжил: — Еж перенял свойства аномальной энергии, но при этом он живой. Ну, слово «организм» тут не слишком уместно, но если хотите, то можно и организмом назвать. Еще ежей называют «морскими», с виду похожи, а еще — артефактами, но тут мнения разделяются. Я предпочитаю называть ежей живыми аномалиями, Лесник — артефактами. В спокойном состоянии еж не опасен, его можно взять в руку, только сначала надеть специальную рукавицу или перчатку. Иголки острые, крепкие, но не ядовитые.

Я заметил, что Курортник с любопытством наблюдает за Химиком. И еще вспомнил, как Григорович рассказывал мне о живых аномалиях под названием «глю-онный субстрат». Из них какое-то вещество выработали в лаборатории, которая в восточном Могильнике была...

С мысли сбил голос Химики, который вещал, будто лекцию в институте читал:

— Еж не выделяет никаких отравляющих веществ и нерадиоактивен. Если его взвести, — Химик щелкнул пальцами, — сжать, бросить в преграду, на землю, громко хлопнуть в ладоши рядом — он, как граната, встанет на боевой взвод. Дальше уже достаточно дунуть на иголки, плюнуть, зацепить, чихнуть, слово сказать — еж рванется с места, причем внутри у него включится что-то типа радара, распознающего крупные биологические объекты, которые он сразу начнет атаковать. Рикошетит еж как каучуковый мяч от препятствий. Энергии хватает на то, чтобы с минуту скакать в замкнутом пространстве. Если в помещении находятся живые существа, еж превратит их в губку. Иглы при такой силе удара дробят кости, как бы измельчают их, поэтому тело становится как пакет с желе. Скорость в полете у ежа фантастическая, не как у пули, но близко. Он способен пробить доску в полсантиметра с расстояния в несколько метров.

Я покосился на Курортника, потом снова взглянул на Химики. Тот наблюдал, как Лесник добавляет в воду стебли лозы.

— Еще один брось, — посоветовал Химик. Лесник нахмурился. — Брось, брось, не повредит. Я серьезно.

Дед добавил в кружку стебель. Неожиданно лекцию продолжил Курортник:

— Ученые на Янтаре выяснили, что, столкнувшись с преградой, еж как бы трансформируется, иглы втягиваются внутрь, закручиваются и выстреливают наподобие бура, локатор внутри определяет, способен ли артефакт преодолеть преграду или нет. Затем происходит перераспределение масс и энергии, это влечет за собой новый «старт» и поиск биологического объекта в пространстве. — Военстал отлепил от рюкзака цилиндр армейской «сборки», продемонстрировал, держа пальцами за донышко. — Вот эта штука спасла нам жизнь.

Химик жадным взглядом впился в аномальную гранату.

А я вдруг осознал: мне достаточно увидеть аномалию — и в голове всплывают знания о ней, словно раскрывается файл на компьютере, главное увидеть близко, мысленно дотянуться, почувствовать...

Курортник покрутил цилиндр, произнес:

— Давыдов, Давыдов... — Его взгляд стал отсутствующим.

А я все думал о ежах. Они атакуют живые организмы, потому что те выделяют тепло...

— Ну так что за Давыдов? — не вытерпел Химик. Курортник тихо заговорил, уставившись перед собой:

— Давыдов командовал группой военсталов. Я знал его лично. Не друзья, не товарищи, просто соседи по отряду. Полгода назад мы выполняли специальное задание штаба ОК-Десантировались в Зону тремя группами в разных районах с задачей найти упавший вертолет. Группы спецов начали работать против нас — открыли огонь на поражение. В живых остались я и Лабус. Мы всех спецов потом положили, не сразу — полдня воевали, но нам счастливый билет выпал... После боя хотели похоронить тела — и товарищей, и тех, кто против нас воевал, — гон помешал. Мы еле ноги унесли с Костей. Когда волна мутантов схлынула, хоронить было почти нечего, тела превратились в отбивные, кто где — не разберешь... — Курортник поднял винтовку, сжал рукоять, хрустнули пальцы. — Уже практически стемнело, мы в убежище решили укрыться. А утром оказалось, что одного тела не хватает. Мы тогда значения не придали. А вон

как все обернулось... — Курортник опустил винтовку. Встал. Спросил, не глядя на Химика: — Почему ты Давыдова Вивисектором назвал?

Я хотел было ответить, но сталкер бросил на меня взгляд, и я промолчал.

— Как-то так, к слову пришлось, ассоциации с рассказом одним возникли. А ты откуда знаешь, что я его так называл?

— Слышал, — обронил Курортник.

— Давыдов ваш... — Химик тоже поднялся с края ванны. — У него пси-способности большие. Но он не умеет ими пользоваться. И мне показалось, что...

— Что? — резко спросил военстал. — Что тебе показалось?

— Вивисектор не знает, куда направить свои способности. Будто нет у него граней между плохим и хорошим, черным и белым, добром и злом. Как-то так...

Последовала пауза. Наконец Курортник сказал:

— Лесник, ты отвар сготовил? Долго еще?

Все посмотрели на деда. Он застыл, зажав клочок бороды в щепотку, другая рука замерла над кружкой. Брякнулась ложка, выпущенная из пальцев. Примус качнулся, дед опомнился.

— Да, все готово. Передержал слегка, горчить будет, но это ничего.

— Тогда собирайтесь. Идем к Янтарию, надо наконец выяснить, что там за дела творятся. — Курортник поправил оружие на груди. — Есть будем на ходу.

— Добре.

Глава 15 ИНФЕКЦИЯ

Ясный выдался денек. На небе ни облачка, щебетания птиц только не хватает. Мало их в Зоне, лучше всего к аномальной среде приспосабливаются тараканы, крысы, растения и люди.

Я шагал за Пригоршней, на спине у него висел рюкзак с ГСК, а новый, непонятно откуда взявшийся, он отдал Химику. Поначалу я опирался на костыль, который смастерил Химик — загогулина из арматуры, — но потом перестал, нога практически не беспокоила. Изредка я бросал взгляд по сторонам, отмечая места, где висят аномалии. Мысленно то и дело возвращался к утренней схватке Вивисектора и сталкеров. Я пытался понять, в чем кроется разгадка моих новых знаний о Зоне, вспоминал последовательно все события, которые привели меня в компанию этих людей.

Курортник шел первым, за ним Лесник, Никита, я — трудно было удержаться за высоким парнем, у которого шаг с аршин, — следом Химик, замыкал Лабус.

Я чувствовал спиной колющий взгляд сталкера. Он, когда мы сидели в погребке, упомянул о способностях, которые вскрывает Зона в человеке. У меня тогда хорошо получалось справиться с болью. А потом вообще будто таинственная книга открылась в голове. Чем глубже продвигались в Зону, тем больше я познавал ее. Не просто видел аномалии, а ощущал их энергию, определял, какая слабая, какая посильнее. А как объяснить то, что я у Лесника разглядел растущую опухоль в груди? Как такое вообще может быть? И Химик этот непрост, сразу заметил, что я веду себя неестественно. Теперь надо стараться не показывать, что у меня открылись способности. Новый знакомый не такой, как Никита, как Лабус. Эти двое хоть и подрались на складе в рабочем городке, и Лабус слегка злился на Пригоршню, но это так, для порядка. Ну, подрались — зато они обычные мужики, простые, правильные. И лица у них открытые, и эмоции они не прячут, говорят что думают. А Химик скрытный, что-то общее есть в поведении его и Курортника. Военстал тоже странно себя ведет, злой, как мой отец, который бросил семью. Тот приезжал нечасто, каждая встреча начиналась обычным разговором о жизни, но не проходило и пяти минут, как закипала ссора с матерью. Отец кричал, что мы виноваты, мол, сломали ему жизнь. В такие моменты хотелось забиться в угол комнаты, зажать уши руками, отгородиться от мира и исчезнуть...

Пригоршня резко остановился, вскинув руку, присел. Я чуть не налетел на его широкую

спину, меня дернули сзади за капюшон, ладонью надавили на плечо — я опустился на колено. Обернувшись, встретился взглядом с Химиком. Лабус развернулся с пулеметом на изготовку, замер под тонкой березой, глядя назад по тропе, туда, откуда мы пришли. Химик слегка подтолкнул меня под локоть и поднялся. Я понял: отбой тревоге, можно продолжать движение. Лабус едва слышно кашлянул, я представил, как он разглаживает усы и поправляет пулеметный ремень. А может, я увидел это, как тогда с Лесником, который бродил за стеной сарая по битому стеклу? Нет, наверное, все-таки представил...

Интересно, сколько нам еще шагать до Янтара? И как мы в лагерь проберемся? Курортник говорил, что пройдем какую-то усадьбу с выгоревшим селом, оттуда до озера всего пара километров.

Я помассировал виски и сосредоточил внимание на Пригоршне... Во дела! Вокруг него растекалась желтая аура, не такая бледная, как у Лесника, молодая, пышущая здоровьем. У меня в ушах зашумело, в горле появилась сухость, закололо в висках, но на этот раз совсем слабо, не как у сарая. Никиту почти ничего не беспокоило, лишь иногда проскакивала искорка напряженности в ореоле, импульс, пси-ниточка — и все. Я понял, что могу мысленно ухватить нить, только не решился, не стал тянуть.

Пригоршня внимательно следил за шагавшим впереди Лесником, иногда кидал взгляд на лес по правую руку, готов был в любую секунду упасть на землю, открыть огонь из автомата.

Мне определенно начинали нравиться новые способности. Улыбнувшись, я вытянул шею и попытался прощупать Лесника. Дед шел уверенно, уклонялся от веток. Шума шагов не слышно, ничем не бряцает, не шуршит, хотя одет не по-военному, а как-то по старинке. Аура у него бледная, и в центре, на уровне груди, алое сияние — непонятная для меня болезнь, опухоль. А он и не знает. Чувствует болячку, но не придает ей пока значения, а надо бы. Опухоль еще редко беспокоит. Как же ему рассказать о ней, не выдавая своих способностей? Может, Лесник сумеет победить заразу, если вовремя обратится к врачам.

Курортник шел первым, и на нем никак не удавалось сосредоточить внимание. Далеко, шагов десять — ауру уловить или хоть что-то почувствовать я не мог. Словно голова Курортника была покрыта непроницаемым панцирем. Я попробовал погрузить сознание глубже в пелену тумана, как уже делал, когда сканировал Лесника и Пригоршню, но заслон выстоял. Только боль в висках усилилась, а увидеть хоть какую-то ниточку или распознать настроение Курортника не удалось.

Пару раз военстал останавливал группу, приседал, клал ладонь на затылок, зачем-то просовывал пальцы под шлем. Водил стволом оружия, что-то высматривая среди деревьев.

Лес поредел. Мы вышли к усадьбе, точнее, к ее границе. Я каким-то образом сам определил, что впереди по правую руку находятся развалины. От них веяло пустотой, заброшенностью. Люди здесь давно не бывали.

Мы шли вдоль заросшей высоким кустарником решетчатой ограды. Приземистые, сложенные из кирпича столбы через каждые десять шагов были соединены чугунными прутьями. Ржавые, в палец толщиной, с элементамиковки, прутья продержатся здесь еще лет сто, пока основания столбов не подмоет вода и ограда не станет разваливаться на секции. Замысловатый узор на решетке сливался с ветками высокого кустарника. Кое-где ограда уже начала рушиться; поглядев в такой пролом, я различил поросший бурьяном сад. То, что это именно сад, я понял по высоким многолетним яблоням, посаженным квадратом. Стволы деревьев покрыл лишайник, нижние ветки тонули в бурьяне. Яблони ведь должны плодоносить, только что-то не хочется пробовать их плоды, даже если бы сейчас было время урожая.

Я обошел большой трухлявый пенек, еще раз кинул взгляд в пролом, на яблони, заметил висящую у куста аномалию — жарка. И не пролезешь быстро в дыру, может зацепить. Легче перемахнуть через забор, чем рисковать, пытаясь проскочить между аномалией и плотными зарослями.

Шагов через двадцать ограда под прямым углом поворачивала влево, там виднелась еще одна прореха. По краям высокие столбы, между ними пророс пышный куст в человеческий рост. Не пройти, надо ветки рубить. Курортник повернул, следуя вдоль ограды. Может, в прорехе когда-то были ворота? Судя по всему, так и есть — два железных столба вместо кирпичных. Вот

только куда делись створки?

Хм, странно все выходит. Как там в древности говорили?.. Не было полушки, да вдруг алтын. Ну откуда у меня дар видеть аномалии и столько знаний сразу? И зачем они мне?..

Впереди прогремела очередь. Я упал на землю, накрыл голову руками. Бабахнуло ружье Лесника, потом еще раз. Дед выругался. Я приподнял голову, рядом присел Химик и выстрелил несколько раз. Ему вторил автомат Пригоршни. Я привстал. Курортник, пятясь, выпустил остаток магазина, крикнул: «Заряжаю!» — и кинулся назад.

— Никита, подсоби. Это для нас работенка. — Лабус перепрыгнул через меня. — Все назад!

Химик дернул меня за капюшон, крикнул:

— Поднимайся, драпаем! Псевдогигант!

Я вскочил, глядя вперед — Курортник с Лесником разбежались в стороны, освобождая дорогу Пригоршне и Лабусу, те присели на одно колено, вскинули оружие. Из прорехи, где когда-то были ворота, проломив куст, на нас выдвинулась туша. Кривые толстые лапы, лобастая морда, чем-то отдаленно похожая на рожу псевдоплоти, только втрое крупнее. Голова низко посажена, шеи нет, общие очертания — какая-то помесь буйвола и медведя. Мутант с треском проломил кусты. Замер, разглядывая нас выпуклыми глазами с куриное яйцо. Утробно зарычал, присел на задние лапы, фыркнул и прыгнул. Лабус дал длинную очередь. Пригоршня выстрелил из подствольника, попал в холку твари, граната разорвалась, окутав мутанта облаком едкого дыма. Но псевдогигант и не думал останавливаться, он пер на нас, как паровоз. Пригоршня зарядил вторую гранату, выстрелил. Она то ли пролетела мимо, то ли попала в тушу и застряла, но взрыва не последовало.

— Назад! — Передо мной возник Курортник, толкнул.

Я бросился бежать. Опередивший меня Лесник пыхтел в двух шагах слева. Я обогнул трухлявый пенек.

— Черт! — ругнулся Лесник.

Я краем глаза заметил, как он чуть не влетел в колыхавшийся сгусток разгоряченного воздуха. Жарка загудела, Лесник потерял равновесие, провалился в плотные кусты и запутался в ветках по другую сторону забора. Я остановился, повернулся к нему, чтобы помочь, и на меня наткнулся Курортник, рефлекторно выставивший вперед винтовку. Въехал мне по скуле, и мы рухнули на землю.

— Химик, огонь! — Курортник вскочил первым. Сталкер выстрелил несколько раз, в оружии что-то

клацнуло, он хлопнул ладонью по кожуху, выкрикнул:

— Заело!

Я кинулся к Леснику, который пытался высвободить запутавшийся в ветках ремень ружья. Длинные полы плаща и рюкзак за спиной сильно мешали ему — Лесник почти висел на кустах рядом с жаркой. Резких движений не сделаешь — зацепишь аномалию, разрядишь на себя.

Кинув сквозь ограду костыль из арматурины, я взобрался наверх, разодрав штанину об острый прут, спрыгнул в сад рядом с дедом. Подобрал арматурины, загреб в охапку ветки, сколько смог, используя костыль как рогатину, отжал в сторону...

— Ружье! — прохрипел Лесник и развернул ко мне стволы, насколько позволили плотные заросли.

Я потянулся к нему, ладонь уперлась в мушку.

— Тяни!

Пальцы сжались на стволах, я дернул на себя — ремень ружья выдрался из кустов, и я повалился на спину. Тут же вскочил, оглянулся.

Пулемет замолчал. Никита, выстрелив третью гранату, побежал за Лабусом вдоль ограды. Грохнул взрыв.

Химик, сгорбившись, лупил ладонью по кожуху винтовки, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Курортник не мог стрелять, ему мешали Лабус и Никита, а сместившись в нашу сторону, военстал вляпается в жарку. Нужно лезть через ограду, как я. Курортника и Химику разделяло

шагов десять, они стояли на одной линии со мной и Лесником. Курортник дожидался, пока мимо пробегут Лабус и Пригоршня, а Химик, ругаясь, все возился с отказавшим оружием.

— Лабус, Пригоршня! Гранатой — огонь! — крикнул Курортник, замахиваясь.

Захлопали запалы-замедлители...

— Ложись!

Псевдогигант был в считанных метрах. Я лихорадочно соображал: куда лечь? Где укрытие?

Лесник толкнул меня — я чуть не вмазался головой в прутья ограды — и придавил к земле. Грохнули взрывы, надрывно взвизгнули осколки, зазвенело в ушах.

— Все в сад! — заорал Курортник.

Лесник со стоном отвалился в сторону, я встал на колено. Дым взрывов за оградой поднимался в небо, туша псевдогиганта оседала, лапы подломились. Он завалился на землю, раздался низкий рык — а может, это был отчаянный предсмертный стон — и смолк.

Лесник все еще постанывал сквозь сжатые зубы, я повернулся к нему.

— Кровососово вымя! — прохрипел он. — Плечо... беги... Я справлюсь!

Дед перевернулся на живот. Рюкзак и плащ на плече изодраны осколками, из ран сочится кровь. Лесник подтянул ружье, подняв ствол, оперся на локти. — куда он целится?

На ограду взмахнул Курортник, за ним лезли Пригоршня и Лабус.

— Химик! — закричал я. — Слева!

Сталкер наконец оторвался от сломавшейся винтовки, поднял голову... и рванул, как спринтер, — я не видел прежде, чтобы люди так быстро бегали. Лесник жажнул с двух стволов и взвыл от боли в раненом плече, потревоженном отдачей.

Еще один псевдогигант прыжками приближался к ограде со стороны леса. Не предупреди я Химику, мутант подмял бы его, переломил хребет.

Химик споткнулся и растянулся на земле.

Рядом со мной прыгнул с ограды Курортник, крикнул:

— Беги вперед, нужно укрытие. Мы разворошили логово! — и склонился над Лесником, обхватил за бока.

— Держи. — Я протянул костыль. — Пригодится. Лабус был уже рядом и стал помогать Курортнику

поднимать деда.

Никита соскочил не в сад, а назад и в два прыжка оказался рядом с Химиком. Тот ковылял к ограде, сильно прихрамывая на забинтованную ногу. Не успеют...

— Они не успеют! — крикнул я.

— Лабус! — перекидывая через плечо руку Лесника, бросил Курортник.

Шагнув к ограде, Костя просунул сквозь прутья ствол пулемета.

— Пригнись!

Как только Химик и Никита повалились на землю, он открыл огонь. Пули вязли в теле мутанта, кровь брызгала из ран. Военстал стрелял в туловище и ноги. Псевдогигант заревел, повел мордой из стороны в сторону. Деревья редкие, такому монстру негде укрыться. Он повернулся, Лабус продолжал стрелять ему в бок. Псевдогигант рыкнул так, что заглушил звук выстрелов, и кинулся к ограде.

— Вперед, я сказал! — Курортник толкнул меня. Лесник повис на его плече. Лицо бледное, он был на грани потери сознания. Я побежал в глубь сада.

* * *

Сад казался огромным, в нем легко было потеряться. Куда ни глянь — яблони, яблони, яблони... За спиной гремели выстрелы. Я продирался сквозь бурьян, жесткие ветки хлестали по лицу. Хорошо, что сейчас не лето, нет листвы, и такие аномалии, как холодец и Электра, видны невооруженным взглядом. Хотя в саду были и другие — ржавые волосы, жгучий пух. Их становилось все больше, белые и рыжие наросты свисали с веток, скрывая собой бурьян. Кое-где заросли искрились, переливались мягким свечением.

Когда я пробежал между двумя растительными аномалиями, нога подвернулась. Я взмахнул рукой, пытаюсь удержать равновесие, — ладонь обожгло, будто зацепился ею за куст крапивы. Я прыгнул, упал на живот, перевернулся — ко мне, выстреливая в воздух белыми спиралями, тянулся жгучий пух. Я пополз на спине, отталкиваясь пятками и локтями. По аномалии пробежалась волна, белые язычки столкнулись с наростами ржавых волос, раздался треск. В нос ударил резкий запах паленого, будто рядом циркуляркой распилили лист железа и металл нагрелся, а края покрылись окалиной. Рыжие капли брызнули в воздух.

В лопатку что-то больно ткнуло, словно я напоролся на жердь. Я перекатился на живот, встал на колени. Возле груди щелкнула клешня псевдоплоти. Я отбил рукой повторный выпад, рванулся вперед, целя кулаком мутанту в глаз, но попал во влажный бурый пятак. Псевдоплоть взвизгнула и отскочила. На ветках за спиной твари колыхнулись ржавые волосы. Запах паленого нарастал, я оглянулся — жгучий пух, как ртутная пленка, струился по земле, вот-вот волна раскаленных брызг докатится до моих ног.

— А фигльи! — завопила псевдоплоть. — Ванзай! Нахауй!

Тварь кинулась на меня. Ее сознание размером с рыхлый комочек земли источало серую волну страха и отчаяния. Я выбросил вперед руки и представил, как крошу комок пальцами. Затылок пронзила боль, грудь ошпарило кипятком.

— Архгуеть, — проямлила псевдоплоть, уставившись на меня помертвевшим взглядом.

Я пнул ее башку, как футбольный мяч. Мутант опрокинулся в заросли ржавых волос, по веткам прокатилась бело-голубая волна, а я ринулся в открывшийся на короткий миг проход.

Жгучий пух и ржавые волосы превратят в пепел труп мутанта, пожгут друг друга, расширив проход для тех, кто бежит за мной. Выгоревшие кусты укажут безопасный путь.

Не оглядываясь, я бежал, огибая деревья, чуть не угодил в жарку — запалил аномалию, кинув в нее толстый сук. С треском занялось дерево по соседству, в лицо ударил горячий воздух. Еще несколько шагов — и сад неожиданно кончился. Я застыл на краю пологого склона, ведущего к небольшому пруду. Берег порос осокой. Пруд явно когда-то был куда больших размеров — там, где отступила вода, виднелись пучки грязных водорослей и тины, серые валуны, вросшие в песок.

На другом берегу росли две плакучие ивы, между ними торчал покосившийся кусок настила со сломанными перилами — все, что осталось от мостков. Ветки нависли над водной гладью, казалось, стоит немного надавить на деревья, и они упадут в пруд. Серый настил с черными прогалинами на месте сгнивших досок упирался в беседку, стоящую в нескольких шагах от берега. Издали строение казалась совсем новым, не тронутым временем. Белые перильца с узором окаймляли четыре столба, накрытых аккуратным куполом. От беседки тянулась длинная аллея, в конце ее виднелся дом, издали похожий на помещичью усадьбу.

В доме можно укрыться. Хотя там могут быть твари, а у меня ни оружия, ни... Но только что я справился с псевдоплотью!

Я оглянулся. Послышалась длинная очередь. Пулемет Лабуса я уже научился определять по звуку. Скорее всего Костя прикрывает отход отряда. Хлопнул взрыв. Еще один. Все стихло.

Я не знал, что мне делать — вернуться или бежать к усадьбе. Схватка с псевдоплотью и пробежка по саду отняли слишком много сил, меня качало, дрожали руки. А Курортник приказал идти вперед. Я опять посмотрел на усадьбу, оглянулся. Тишина. Черт! Что делать?! В сердцах ударил рукой по ветке яблони и скривился от тянущей боли в груди. Присел, схватился за ворот костюма — дыхание сбилось. Бока, живот, грудь — все вдруг нестерпимо заныло. Я опустился на четвереньки и отполз под дерево. Медленно, осторожно выдохнул, пытаюсь унять нахлынувшую боль. Что это? Что такое, почему болит? Может, псевдоплоть все-таки меня зацепила клешней?..

Я рванул клеванты воротника, расстегнул молнию. Пощупал флисовую подкладку — теплая, мокрая. Положил ладонь на грудь, поднес к лицу — кровь! Футболка, когда-то белая, теперь буро-красная. Возникло ощущение, будто я в кошмарном сне, мне все это снится, все вокруг стало нереальным. Осторожно, боясь зацепить пока еще невидимую мне рану, я стал выбирать ткань из-под пояса, складка за складкой заворачивать кверху.

С трудом удалось пересилить отвращение, не зажмуриться. От пупа вверх шла извилистая

алая полоса. Грубые стежки швов стягивали глубокий надрез на коже.

В области диафрагмы он разветвлялся. Кровящие полосы покрывали грудь, исчезали под мышками. Это не работа псевдоплоти...

Я сглотнул. Опять нахлынуло чувство нереальности происходящего. Да что же это такое?! Неужели это происходит со мной, с Кириллом Войтковским — нет, не может такого быть! Ужас накатывал волнами откуда-то из-за края мира, и каждый раз спазм перехватывал горло, а тяжело бухающее сердце проваливалось куда-то в серую бездну. Я вспомнил, как лежал на чем-то твердом, обзор закрывало безобразное узкое лицо с паутиной порезов. Они бугрятся, шевелятся... Накатила тошнота, я почувствовал горечь во рту. Страшное лицо отодвинулось — одного глаза нет, вместо него сросшиеся ломти век дергаются в ритме ударов сердца. Другой глаз налит кровью, сосуды лопнули, видна лишь черная точка зрачка, очень узкого, будто его обладатель находится в трансе или под действием сильного наркотика.

Я хотел зажмуриться и закричать, но векам что-то мешало, какие-то распорки не позволяли им сомкнуться. Появилась нестерпимая резь, глаза заслезились. Из горла вырвался слабый хрип, я осознал, что рот мне заткнули кляпом. Я не мог пошевелиться, даже моргнуть.

Шевеление под кожей на лице Вивисектора прекратилось. Сросшиеся ломти век перестали пульсировать. Порезы начали вздуться, потом блеснул скальпель — и брызнула кровь. Моя.

Я силился зажмуриться, но не мог. Лишь мутная пелена слез выстроила слабую преграду между мной и этим кошмаром. Внутри тела копался кто-то склизкий, мерзкий. Он не давал отключиться сознанию, провалиться в бездну и забыть происходящее...

...Я очнулся, стоя по пояс в мутной воде на середине пруда. До мостков между ивами оставалось несколько шагов. Тело от холода била мелкая дрожь, мысли в голове скакали, перед глазами все еще стояло жуткое лицо Вивисектора, испещренное пульсирующей паутиной разрезв.

Загребая руками воду и клацая зубами, я побрел к мосткам. Ноги вязли в илистом дне. Горло раз за разом сдавливали спазмы, я задыхался. Хотел скорее выбраться на берег, но быстро двигаться в воде не получалось, и я брел, тихо постанывая.

Наконец ухватился за край прогнившей доски — пальцы сорвались, с треском отлетела щепа, посыпалась труха, ладонь шлепнула по воде, подняв брызги. Холодный душ, окативший лицо, отрезвил. Я стал зачерпывать воду на ходу, поливать голову, шею. Потер лицо, проверяя, нет ли на коже бугрящихся шрамов и порезов, которые двигаются, как тонкие черви.

Во мне есть кто-то другой, он ждет часа, он спит...

Инфекция! — неожиданно в сознании всплыли Вивисектор и рассуждения Химики в погребке...

Выбравшись на берег, я побрел вдоль мостков к беседке. Хлюпая ботинками, оставляя мокрый след, достиг ее и увидел: вблизи то, что раньше казалось аккуратным, нетронутым временем символом помещичьего пруда из классической литературы, выглядит куда хуже. Доски пола сгнили, в куполе дыра. Белая краска потрескалась, облупилась.

Я сел на ступеньку, привалился спиной к столбу и закрыл глаза.

Неужели и Химик... неужели Химик тоже инфицирован Вивисектором? Или только я?.. Это не простая инфекция — какое-то создание Зоны поселилось во мне, пси-мутант или что-то еще, о чем никто никогда не слышал. Он во мне и перестраивает, меняет меня. Я становлюсь кем-то другим... Кто я теперь?

Кто я?

Глава 16 ДРУГОЙ

Боль исчезла, страх и растерянность пропали, их сменили опустошенность, апатия... Отрешенность. Я будто отгородился от происходящего, осталась одна мысль: теперь все равно, наплевать на всех — на Зону, на военсталов, на Химику, Лесника, Пригоршню.

Дрожь стихла, по телу растеклось тепло. Я оттянул футболку — вода смыла с кожи кровь, обнажившиеся шрамы набухли. Больше они не кровили, лишь пульсировали.

Да, это не галлюцинации. Одно не могу понять: почему я так долго не замечал эти раны?

Теперь я как Вивисектор. Химик говорил, он в растерянности, не понимает, где находится и что ему делать. Так и я. Не знаю, что делать. Что внутри меня? Или кто? Одно понятно: это другой. Чужак.

А ведь Химик вспоминал в погребке старый ужастик с похожим названием. В Зоне есть много мутантов, полно всяких тварей, их истребляют, их исследуют... Но кто сказал, что люди изучили всех? Да что там изучили — откуда известно, что мы хотя бы видели все до одной формы жизни в Зоне? Сколько неведомых тварей хоронится по подвалам и дальним, скрытым полями аномалий, прячется в лесах? Сколько их живет на ЧАЭС? Какие мелкие гады могут обитать в руслах ручьев, в подлеске, в коре деревьев?..

В биологии есть такое понятие: паразит. Эти паразиты — полноправные обитатели нашей планеты, они ничем не хуже волков, летучих мышей, кузнечиков или мокриц. И так же, как волки или свиньи, они могут мутировать.

Внутри меня поселился какой-то паразит Зоны. Мутант-симбионт. Мозговой слизень, влияющий на сознание.

Я вздрогнул: мои ли это мысли? Может, слепок другого сознания сейчас поглощает мое? Паразит внедрился в мозг, как-то влияет на клетки, на нейронные связи, перестраивает их — я начинаю понимать аномалии, определяю их на расстоянии, вижу ауры. Я ментальным ударом раздавил сознание псевдоплоти, убил ее. И с людьми, возможно, тоже так могу? Но если он способен на такое, ему ничего не стоит изменить мою память. А память — это и есть я, моя личность.

Он способен изменить меня. Сделать вторым Вивисектором.

По спине пробежал холодок. Я сжал кулаки.

На берегу пруда появился Химик, огляделся, помахал мне, обернувшись, сказал что-то. Следом к воде вышли Никита и Курортник, Лесник висел у них на плечах, еле-еле переставляя ноги.

Химик захромал вдоль берега.

Непослушными пальцами я заправил футболку, с трудом застегнул молнию, наглухо запечатав высокий ворот, поднялся.

К пруду выскочил Лабус, застыл вполборота, всматриваясь в сад. Убрал оружие за спину и побежал за остальными.

Химик, доковыляв до беседки, оглядел меня и спросил:

— Ты что, купался?

— Случайно получилось, умыться хотел, поскользнулся, — сказал я.

Он опустился на ступеньку, вытянул ноги. Закрыл глаза, точно так же, как я несколько минут назад. Лицо у него было усталым, под глазами мешки. Химик сглотнул, взялся за винтовку и начал ее разбирать.

— Лихо ты сад прошел. Дорожку нам приметную оставил... я уж думал — все, сгинул лаборант. — Он поднял голову, прищурился. — Дерево ты запалил?

Не ответив, я встал и быстро пошел навстречу Пригоршне с Курортником. Но не сделав и нескольких шагов, подумал: куда спешу, зачем? Помочь им... Для чего мне это? Я же решил на все наплевать...

Я остановился, растерянно обернулся. Химик копался в винтовке, искоса поглядывая на меня со странным выражением.

Чудные мысли в голове. Будто и не я, не мое сознание их породило, но кто-то другой, угнездившийся там. Нет, нельзя подчиняться ему. Пойду дальше с военста-лами, Химиком и Пригоршной, какими бы они ни были, плохими или хорошими, злыми или добрыми. Они помогли мне, я помогу им. Это будет... будет по-человечески.

Сжав зубы, я поспешил к военста-лам. Курортник, не останавливаясь, сбросил с плеча рюкзак Лесника. Я поднял его, просунул руки в лямки и пошел следом.

— Пригоршня, давай за беседку, — сказал Курортник. — Химик, что с оружием?

— Патрон бракованный попался, пуля в канале ствола застряла. Теперь порядок. — Сталкер встал.

Лесника уложили на землю. Он был без сознания.

— Лабус, это по твоей части.

— И по моей, — вмешался Химик. — Сколько у нас времени?

— Пять минут. Пусть он в себя придет, иначе мы надолго здесь зависнем.

Курортник достал сигарету из пачки, помял пальцами и прикурил. Выпустив струю дыма, ладонью потер щеку, тряхнул головой.

— Пригоршня, прогуляйся, осмотришься. Но близко к развалинам не подходи.

Никита скинул рюкзак, перезарядил оружие и направился к аллее.

— Подожди. — Я, тоже освободившись от рюкзака, двинулся следом.

Курортник проводил меня взглядом, но промолчал. Присев на ступеньку под столбом, положил оружие рядом и уставился на мостки.

Пригоршня шагал вдоль высоких кленов, мягко ступая по сгнившим листьям. Я на ходу посмотрел на небо. Сощурился от яркого солнца. Наверное, раньше здесь было очень красиво. Похоже на пансионат какой-то небольшой... Здесь отдыхали люди, наслаждались природой...

— Лаборант, помощи, — позвал Химик.

Я обернулся. Лесника уложили животом на плащ. Лабус скальпелем распорол свитер охотника, откинул крышку медицинского бокса и подставил ладони под бутылек со спиртом, который держал Химик. Тщательно вымыв руки, протер их тампоном, взял пинцет и начал извлекать осколки из спины раненого.

— Мне полей. — Химик поставил бутылек на землю и сдвинул крышку контейнера с артефактами. В ячейках лежали клубок волчьей лозы, кровь камня, мамины бусы, выверт и лопухи зеленухи.

Я взял склянку.

— Давай скорей, — сталкер подставил ладони. — Все не выливай.

— Тампоны готовы, — бросил Лабус.

Химик вымыл руки, достал из медицинского бокса пузырек с перекисью, вскрыл пакеты с тампонами.

— Лаборант, рукавицы найди. — Он отвернулся, стал помогать Лабусу.

Спину Лесника залило алым, кровь сворачивалась, пузырилась.

— Да-а... — Лабус швырнул пинцет в пустое отделение медбокса, растопырил окровавленные пальцы. — Повезло мужику. Семь осколков: два в плечо и пять в спину, а в голову ни одного. Везучий. И ты, Кирилл, ему должен, по гроб жизни обязан.

Я кивнул.

— Нашел? — спросил у меня Химик. — Чего сидишь?

Я распечатал изорванный клапан дедова рюкзака, ослабил узел. Так, примус, портянки, коробка с патронами... ага, вот они, рукавицы. Взгляд уперся в цилиндр из прозрачного пластика, сплюснутый с одного конца. Внутри мягко светилась желеобразная масса.

А это откуда у Лесника?!

— Ну! — шикнул Химик.

Я не глядя протянул ему рукавицы. Потом тронул пальцами цилиндр.

Григорович называл эту штуку с желе «пуля-квант». Воспоминания нахлынули, как цунами. Я зажмурился. «Пуля», зарядник, лагерь на Янтаре, надувной модуль... Хаотичные образы переполнили сознание. Есть «пуля-квант», а есть зарядник, два этих элемента были необходимы Григоровичу, чтобы его установка заработала. Я дернулся, по спине побежал холодок, а память продолжала выдавать картинку за картинкой: Орлов и Отмель, скачет виляющий хвостом пес Арден. Отмель раздраженно выплевывает слово за словом: «...Установка Григоровича должна погасить всплески аномальной энергии. Потому что есть задача создать непробиваемый энергетический периметр вокруг станции. Нейтрализовав часть аномалий, установка проложит тем самым коридоры в Зоне, откроет проходы. Зону можно будет как бы расчленить на части, окруженные безопасными коридорами, и тогда попытаться...» Меня толкнули в плечо.

— Очнись, Кирилл! Привидение увидел? — Лабус еще раз двинул локтем. Ладони он держал на весу, рукава были засучены. — Полей спиртом.

Химик, натянув рукавицы, разделил кровь камня на несколько маленьких частей. Обернул листьями зеленухи, обмотал стеблями волчьей лозы.

— Сколько еще? — Из беседки выглянул Курортник.

— Пара минут, — отозвался Химик. — Лаборант, давай скорей.

Я бросил «пулю-квант» в рюкзак, схватил бутылку со спиртом. Лабус, смыв кровь, взял рулон медицинского пластыря и отделил край липкой ленты.

— Готов.

— Готов, — подтвердил и Химик. — Начали.

Сталкер приложил один сверток к ране. Лесник дернулся и застонал. Химик надавил коленом ему на поясницу. Лабус прижал артефакт двумя полосками крест-накрест. Операция повторилась несколько раз, легкие царапины Костя обработал спиртом и заклеил. Достал из бокса одноразовый шприц.

— Постой, — сказал Химик, снимая рукавицы. — Что это у тебя?

— Обычный стимулятор.

Химик завел глаза к небу, пошевелил губами. Потом покачал головой:

— Давай обойдемся. Не нужно. Я не знаю реакции. Кровь камня пришлось делить на семь мелких частей, ее действие быстро прекратится. Тогда и вколешь свою аптеку.

Лабус пожал плечами и спрятал шприц. Взял пинцет и скальпель, быстро протер их и полил остатками спирта. Проворчал, что на ближайшей стоянке надо прокалить инструмент на огне, и захлопнул бокс.

Из разведки вернулся Никита. Они с Курортником засели в беседке и начали что-то тихо обсуждать.

Из сада донесся слабый вой псевдособак, потом знакомый рык псевдогиганта. Все подняли головы и некоторое время вслушивались. Курортник с Пригоршней выскочили из беседки. Командир сказал нам, чтоб заканчивали, и побежал к воде по мосткам.

Химик с Лабусом усадили деда. Тот приоткрыл глаза, что-то прошептал неразборчиво.

— Бинтуем. — Костя разорвал упаковку индивидуального пакета. — Кирилл, придержи его.

Я перебрался за спину Лесника, ухватил его за локти, развел руки в стороны.

Никита не получил указаний от Курортника и мялся на месте в двух шагах от нас.

Химик и Лабус ловко накладывали бинт, передавая друг другу рулон. Сначала наложили крестообразную повязку, затем Костя вскрыл еще один пакет. Они стали обматывать деду торс, спускаясь к пояснице.

— Бла... благодарю, — прохрипел Лесник.

— Тихо, батя, — сказал Химик. — Молчи. Главное, не отключайся, слышишь? Сейчас легче станет. Тебе бы отлежаться пару дней...

— Все. Пакуемся, — произнес Лабус.

Поддерживая Лесника, я наблюдал, как военстал собирает аптечку, а Химик складывает артефакты. На все про все ушло чуть больше минуты.

Снова донесся вой псевдособак, уже громче. Подбежал Курортник:

— Готовы?

— Да, — ответил Лабус.

— Двигаем. С севера обойдем церквушку. Черт, плохо все. В деревне собаки... Плохо. Чего им надо? Там такой обед валяется, мы же псевдогиганта для них завалили.

— Может, второй их не подпускает, — предположил Химик.

— Да в него столько свинца всадили! — Курортник сплюнул, оглянулся на пруд.

— Так и третий мог появиться. У Янтара этих тварей хватает. По-моему, они любят возле воды пастись, — заметил Костя.

— Все, поднимаемся.

Химик порылся в рюкзаке Лесника, достал широкую байковую рубашу. Я помог натянуть ее на охотника, затем мы накинули на него плащ.

— Химик, ты бывал здесь раньше с Лесником? — спросил Курортник.

— Да.

— Тогда ты первый, за тобой пацан. — Командир протянул мне патронташ и двустволку. — Рюкзак Лесника тоже твой. Справишься?

Я кивнул, взял оружие.

— Для всех: направление — запад. За усадьбой ложбина, в полукилометре церковь, за ней выгоревшее село. Обойдем церковь по опушке, пересечем проселок...

— Я знаю это место, — вставил Химик.

— ...оттуда по прямой на север, в двух километрах Янтарь. — Курортник обвел всех взглядом. — Мы с Никитой тащим Лесника. Лабус замыкает. Проверить и подготовить оружие к бою. Через минуту выступаем.

* * *

Следуя за Химиком, я все никак не мог нормально пристроить на плече ружье. Перехвачу ремень — приклад по ноге саданет, перевешу стволами вниз — тоже цепляются. Пробовал класть на плечо — рука занята, постоянно напряжена и устает быстро.

— Ремень перекинь через голову, — посоветовал Курортник.

Я так и сделал — стало легче, но оружию за спиной мешал рюкзак, а ремень резал шею. Зато руки свободны. С ружьем я управлюсь не так ловко, как остальные, если стрелять придется. Я начал понимать, что не все так просто, как в книгах и кино показывают, что умение нужно не только для того, чтобы обращаться с оружием, но даже чтобы правильно его носить.

Химик иногда оглядывался, стараясь подобрать нужный темп и не отрываться от группы. Он прихрамывал — ноту себе не перебинтовывал, не лечил на стоянке, дедом занимался. Пригоршня и Курортник, поддерживая Лесника, сопели у меня за спиной. Каково это — тащить раненого человека? Мне с рюкзаком и ружьем тяжело, а им... Мужская работа — есть чему поучиться. Терпению хотя бы. Когда все закончится, когда выберусь из Зоны, буду поступать в институт. Пойду по стопам Григоровича, погружусь с головой в науку, в исследования Зоны. Вернусь — и тогда по-настоящему смогу отблагодарить Лабуса, Пригоршню, Химику... Пусть он со странностями, но он сталкер, настоящий мужик, спец по аномалиям, одиночка.

Курортник... Я мало что понял из его рассказа про Давыдова, но видел: горько ему, душа болит за погибших товарищей, казнит себя... Потому он такой злой.

А Леснику обязательно надо рассказать про его болезнь — может, успеет вылечиться.

Я сбился с шага, вдруг сообразив, какие человеческие мысли крутятся сейчас в моей голове. Незаметно для других потрогал грудь, живот... Стянутый суровой нитью извилистый разрез никуда не делся, и тот, кто проник в меня, этот странный обитатель Зоны, до сих пор во мне. Хотя сейчас я не ощущаю его влияния на свою психику, может, сумел перебороть, подавить это влияние? Или он просто затаился на время, осваиваясь в новом психическом пространстве...

Слева тянулись развалины усадьбы. Стены в копоти, проломленные или прогоревшие крыши. Видимо, здесь не раз бушевал пожар — сталкеры, что ли, баловались или что-то другое... Да чего я гадаю, какая мне разница.

Химик стал углубляться в лес. Вой собак слабел — наверное, стая заняла новую территорию, добила второго псевдогиганта и теперь пирует.

Солнце достигло зенита. Воздух бодрил, дышалось легко и свободно, щеки горели на морозце, на них выступил румянец.

Химик остановился и бросил через плечо:

— Надо посмотреть, что у дороги.

— Давай, — разрешил Курортник.

Я призывно посмотрел на командира, и он добавил:

— Лаборанта возьми.

— Ну, идем, лаборант. Рюкзак только оставь.

Я избавился от ноши, перехватил ружье за цевье, пригнулся и побежал за сталкером. Догнав, пристроился за спиной.

Мы шли минут пять. Когда между деревьями впереди показался просвет, Химик вдруг встал как вкопанный, потом развернулся ко мне:

— Надо поговорить.

Я кивнул. В принципе я увязался за ним с той же целью.

Сталкер молча ждал, пока я начну. А я не знал с чего.

— Долго в гляделки будем играть? — Он присел на корточки у куста.

Я тоже сел, поставил ружье между колен. Химик произнес:

— Я не сказал тебе спасибо. За яму и Вивисектора. Сдох бы я там, точно.

— Да... ладно.

— Но что-то не так, я вижу. Ты какой-то странный стал. — Химик прищурился. — В артефактах сечешь, а в яме тогда сидел — дурак дураком. И когда шли к усадьбе, я видел, как ты подмечаешь, что и где висит. Чувствуешь, да? И Леснику помог у ограды.

Когда он столько успел заметить, пока остальные ушами хлопали, даже Курортник? С винтовкой ведь возился, заело у него там патрон, потом Лесником был занят...

— И потом еще раз я не сказал спасибо — псевдогиганта не засек, тогда ты меня во второй раз спас, — неожиданно добавил Химик. — С формальностями разобрались, теперь давай начистоту...

Он привстал, поглядел в просвет между деревьями, вслушиваясь. Я вытянул шею — вроде тихо. Сталкер снова сел.

— Что с тобой сделал Вивисектор? Я ответил почти сразу:

— Не знаю.

Химик, похоже, уловил мое короткое замешательство. Но не стал давить, лишь спросил:

— Что помнишь?

— Рожу противную. Мерзкую. — Я сморщился. — Как лежу на твердом — ни слова сказать не могу, ни пошевелиться. — Я замолчал, по спине вновь побежал холодок, как тогда. Будто я снова увидел узкое серое лицо в разрезах, склонившееся надо мной.

— И это все?

— Вроде да.

— Ладно. — Он выпрямился. — Идем дальше дорогу смотреть.

Обогнув кусты, мы вышли к ложбине и забрались в молодой ельник. На пологом холме стояли останки церквушки. Даже с большого расстояния видно было дыру в куполе. Креста на вершине нет, зато под куполом в проеме висит колокол.

Химик посмотрел в сторону опушки. Между деревьями светлела просека, где раньше был проселок, теперь поросший высокими кустами. Было тихо.

— Дуй за остальными, я здесь подожду. Скажи Курортнику, что чисто на дороге. Церковь не изменилась, все как было.

Я молча развернулся и побежал в лес.

На душе стало как-то лучше после разговора со сталкером. Хотя видно, что Химик не такой простой, как Лабус с Никитой... Я опять подумал: он ближе к Курортнику нравом, но только у военстала больше развито чувство ответственности за других, а Химик — себе на уме. Но при этом он не предатель и не трус, не дрянь человек, просто даже если сталкер помогает кому-то — то обдуманно и учитывая свою выгоду.

Откуда такие мысли? Это я их думаю или мозговой слизень в моей голове? Что это — обычные рассуждения или подобие телепатии, глубокое проникновение в характер другого человека? Да нет, какая телепатия, что за ерунда... Но ведь видел я человеческие ауры, видел!

Смешанные чувства и противоречивые мысли разрывали меня на части. Нужно спешить, нужно на Янтарь скорее. Курортник сказал, что связи с лагерем нет больше двух суток. Что же там произошло? До Янтара теперь недалеко, там ключ ко всему: к моему прошлому, ко всем этим диким событиям. Скоро все выяснится.

Меня встретил Курортник, я передал то, что сказал Химик, и военстал кивнул:

— Веди. Лабус, Пригоршня, подъем.

Лесник выглядел лучше. На щеках проступил румянец, взгляд стал живой, хотя без поддержки дед идти все равно пока не мог.

Когда я вывел компанию к Химику, Курортник с Пригоршней усадили старика под елкой. Командир приказал оставаться на месте и отправился с Химиком на разведку вдоль опушки. Лабус занялся Лесником, прощупал пульс, оттянул веки — старик заворчал, и Костя отметил, что брюзжание — верный знак: дело к поправке.

Никита попросил у него бинокль и долго разглядывал церковь на холме.

Лабус рассказал пошлый анекдот про Семяцкого и химеру. Мне он не показался особо смешным, но Пригоршня от смеха чуть не выронил бинокль, а Лесник укоризненно пробормотал:

— Ох... Ну нельзя ж так... Плохо раненого человека смешить. Заплатки отскочат, потом кровь не остановишь...

Вернулись Курортник и Химик, командир смерил всех суровым взглядом. Лабус пояснил, в чем причина веселья, — Курортник скупно улыбнулся.

— Так, шутки отставить. Химик, нога как?

— Хромаю. — Сталкер нагнулся, помассировал колено.

— Перебинтовывайся. Пятиминутный привал. Химик уселся на землю, стянул рюкзак. Лабус достал медбокс и кинул сталкеру бинт.

— Все слушайте. — Курортник сделал паузу. — Проселок чистый, нехоженный. Есть вероятность, что опять столкнемся с псевдогигантами. Лабус, что у тебя с патронами?

— Два короба и пять магазинов, цинк рассыпью.

— Держи. — Курортник вынул из подсумка два прозрачных снаряженных магазина. — Если опять ввяжемся, вся нагрузка на тебя. Химик?

Сталкер ответил, занимаясь повязкой:

— Один полный. Еще есть три пустых и граната. Курортник скинул рюкзак, распаковав, выудил из отделения несколько пачек с патронами и бросил на землю.

— Пригоршня.

— Я.

— Снаряди Химику. И вот еще пара пачек на всякий случай.

Никита взял упаковки.

— А у тебя-то как с патронами? — спросил его Курортник.

— Цинк в рюкзаке, а магазины я еще в беседке все забил. Жаль, для подствольника нет ничего, а так порядок...

Химик отложил бинт, извлек из кармашков жилетки три пустых магазина и отдал Пригоршне.

— У тебя? — обратился ко мне Курортник. Занятый своими мыслями, я вопросительно уставился на него. За меня ответил Лесник:

— Десять с согласованной картечью, красная гильза, в патронташе и шесть с пулями — черная оболочка. И еще коробка на пятьдесят с пулями в рюкзаке.

— Хорошо, плюс гранаты. Никита, дай Химику пару наступательных, а мы с Лабусом скинемся «эфка-ми». — Курортник снова полез в подсумок.

— Лесник, ты как?

— Лучше. Константин анекдот рассказал, легшее стало.

Лабус важно покивал и сказал:

— Было как-то дело, псевдоплоть и контролер нашли двустволку. Контролер крутит в ручонках оружие — приклад осмотрел, курки стал щупать. Псевдоплоть своими глазенками выпученными в стволы заглянула и как замурлычет. Контролер дернулся, двустволка как выстрелит. Дымище... Псевдоплоти башку оторвало. Туша лежит на земле, клешни дергаются, тело судорога бьет. Контролер стоит, трет уши: «Ну, свинья, тебе смешно, а мне знаешь как уши заложило!»

— Отставить разговоры, — велел Курортник. — Идем следующим порядком: я веду, за мной Лабус. Химик и Пригоршня, помогаете Леснику. Ты, — Курортник указал на меня оружием, — замыкающий. Пересыпь из пачки с десятков патронов в карманы и свободные ячейки забей в патронташе.

— Ага, — кивнул я.

Лабус достал крупные белые таблетки и раздал всем по две штуки.

— От радиации, — пояснил он. — Водой запивать не рекомендую, меня, если запью, мутит сильно.

Я быстро проглотил таблетки, но горечь успела осесть на языке — пожевав губами, сплюнул. Химик в это время, окинув взглядом Никиту, сказал:

— Пригоршня, значит... Не слыхал раньше.

— А я о тебе слыхал.

— Надеюсь, плохое?

Пригоршня нейтрально хмыкнул, а Химик продолжал:

— У меня хоть кликуха понятная, я с артефактами химичу. А ты-то почему Пригоршня?

Никита выпрямился, потянулся.

— Расскажу, если доживем.

— Ну, надеюсь, доживем. — Закончив с перевязкой ноги, Химик тоже встал.

И тут с холма долетел раскатистый звон колокола.

Глава 17

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Лабус вырвал у Никиты бинокль, вскинул к лицу. Все замерли.

«Дон-дин-дон» — доносилось с холма.

— По ком звонит колокол? — произнес Химик с неопределенным выражением.

В перезвон вплелась автоматная очередь.

— К дороге, быстро! — скомандовал Курортник. — По опушке.

К стуку автомата присоединились щелчки одиночных выстрелов. Будто огрызался кто-то.

— Не дают высунуться... — бросил Никита на ходу. — Попал бродяга.

Колокольный звон сбился с ритма, стал затухать. Химик с Пригоршной подняли Лесника.

— Лабус, давай в хвост, — приказал Курортник. — Кирилл, ты за мной и смотри в оба!

Словно финальным аккордом на высоких нотах тренькнули пули, угодившие в колокол на излете, и грохнул взрыв гранаты.

Потом наступила тишина.

Курортник кинул взгляд через плечо, желая убедиться, что все на месте и идут установленным порядком, споткнулся, выругался и больше не оборачивался.

Вскоре выбрались к проселку. Одно название — если бы командир не упомянул, что здесь раньше была дорога, я бы не догадался, решил бы, что передо мной просека, поросшая кустами и травой.

В груди колело, шрамы саднили. Меня вдруг бросило в жар, я прокусил до крови губу, уши заложило.

— Стой! — хрипло выдавил я. — Стой... Курортник замер. Оглянулся, подняв руку, скользнул взглядом вокруг. Я сглотнул. Язык распух, дыхание сбилось. Вытянув шею, покрутил головой — отпустило. Но тут же защипало в ноздрях, то ли воздух морознее стал, то ли все еще последствия стресса сказывались...

— Что? — прошептал Курортник.

— Впереди что-то есть...

— Да, есть. Сгоревший бэтээр.

— Нет, кто-то там прячется.

В голове возник посторонний звук, так гудит турбина самолета, набирая обороты. Я оторопело посмотрел на военстала и прошептал:

— Вы слышите?

— Нет... все тихо.

Командир подозвал Лабуса, остальные залегли. Мне передышка тоже была нужна, но Курортник велел идти за ним. Может, он стал больше на меня полагаться, догадавшись, как и

Химик, о моих новых способностях?

Или успел обсудить со сталкером этот вопрос? Они же шли по моим следам через яблоневый сад...

— Теперь ты первый. Только очень тихо и под ноги смотри, — шепнул Курортник.

Несколько секунд я двигался впереди, а военсталы за мной, но потом гул в голове превратился в рев, я сбился с шага, прижал ладони к вискам и упал. Мир поплыл, сизая дымка окутала меня...

Сильные руки подхватили, усадили. Пелена исчезла, рев оборвался. Лабус ощупывал мое лицо, хлопал по щекам. Оттянул веко, отпустил, поводит пальцем у меня перед глазами из стороны в сторону. Повернувшись к Курортнику, кивнул.

Командир хмурился. А меня трясло.

Лабус присел под кустом, пулемет положил на локтевой сгиб, палец — на спусковом крючке, и при этом он ухитрялся левой рукой теребить усы. Курортник, насторожившись, плавно лег на спину с гранатой в руке. Разомкнул усики кольца, вытянул его, скосил взгляд на куст, за которым была дорога. Лабус, подавшись вперед, изготовился к стрельбе.

В моей груди будто разгорался костер, пот струился по лицу. Я посмотрел на Костю: окруженный ярко-красной аурой военстал напряженно вглядывается в просеку. Меня накрыло вязкой пеленой, сквозь туман я различил, как командир заерзал, повернул голову и сжал гранату так, что пальцы хрустнули. Громко так — словно воздушный шарик над ухом лопнул. Звук отозвался в голове 1улким эхом. Я услышал шелест травы, свист ветра в кронах, как хрустит кора качнувшихся деревьев и трещит мерзлая почва под подошвам чужих сапог...

По просеке кто-то двигался. Плыли два черных сгустка — чужие сознания, два темных облака, две тени.

Я мысленно потянулся к ним, коснулся угольных пси-ниточек, скользнул навстречу. Позвоночник прострелила судорога. Внутренним взглядом я увидел просеку, пожухлые, покрытые инеем стебли травы. Я словно подключился к камере видеонаблюдения. Медленно наплывала картинка. Перед глазами мелькнул закопченный остов бэтэра, пятна ржавчины на скошенном листе брони — каркас машины просел на один борт, открывая взгляду продолговатые дыры от сорванных с петель люков. Картина подернулась дымкой, прыгнула навстречу... Я смотрел на просеку двумя парами чужих глаз. Как в схватке с псевдоплотью, ощущал сознание синхронов, их единый разум, только он напоминал кусок черного мрамора, в отличие от сознания «свиньи», больше похожего на рыхлый ком земли. Я коснулся гладкой поверхности мрамора... и увидел бездну. Бескрайняя ночь притягивала, звала, мерно гудела. Я мысленно попытался сжать черный монолит — холод, холод из бездны влился в меня, ледяными щупальцами пробрался внутрь. Сектанты остановились. Я завладел мыслями близнецов, их волей, я уже знал их имена, повадки, склонности. И тогда я приказал — тихо, вкрадчиво, так, чтобы они не ощутили вмешательства в объединенное сознание, управляющее двумя телами, решили, что это их собственная мысль, — приказал: Идите к церкви, встречайте отряд... нужна ваша помощь... Генрих, Герман, вас ждут на холме...

И потом я провалился в ночь. Вой черного ветра вокруг, ураганный рев. Монолит держал меня, тянул за синхронами. Я не хочу прятаться, я хочу идти дальше с

бушующей силой, стать мусором, пылью, унести вместе с ветром. Я побежал — полетел и ударился о ледяную стену. Обжигающий холод сковал мысли, впился осколками в сердце... Нет. Пусти, пусти...

— Пусти... — прошептал я пересохшими губами.

Тело трясло, холодный пот заливал лицо, капли стекали по переносице и падали на перчатки обхватившего меня Лабуса.

Я задержался. Военстал отпустил меня, и я повалился на бок, попробовал встать на четвереньки, жадно хватая ртом воздух. Руки подломились в локтях, и я врезался в промерзшую землю лицом.

Меня перевернули на спину, склонившийся Лабус напряженно всматривался в мое лицо. Вдруг его передернуло, в глазах мелькнули удивление и растерянность. Они сменились испугом.

— Как ты это сделал? — Около меня на колени опустился Курортник. Вставив кольцо в

гранату, убрал ее в подсумок и снова прошептал: — Как?

Я с трудом сел. Лицо горело огнем, будто наждачкой прошлись по щекам. Костя отодвинулся подальше, вид у него был оторопелый. Я вдруг понял, что рядом находятся Пригоршня, Химик и раненый Лесник, которого сталкеры поддерживают за плечи. И все они пристально смотрят на меня. Что такое? Что случилось, почему они так уставились?

— Я...

— Тихо, — остановил меня Курортник. — Говори тише.

— Я видел глазами синхронов. Я... — Я хотел сказать, что владел их мыслями, их сознанием, но сказал другое: — Они ушли...

— Куда? — Курортник сделал знак, и Костя исчез за кустами.

— К церкви. — Я сглотнул и хрипло выдавил: — Янтарь... Они идут на Янтарь.

— Осознание... Но зачем им Янтарь?

— Кто они? — с трудом произнес я.

— Синхроны? Сектанты, монолитовцы. Они подчиняются Осознанию.

— О-со-зна-ни-е, — по слогам произнес я, пробуя слово на вкус...

Вернувшийся Лабус спрятал бинокль в футляр и доложил:

— Ушли к подножию холма. У церкви движение.

— Идем через проселок. — Курортник повернулся ко мне. — Идти сможешь?

Я слабо кивнул.

— Тогда быстро. — Он взял ремень ружья, перекинул через мою голову. Схватив меня за плечи, рывком поставил на ноги.

Я пошатнулся. Командир пристально посмотрел мне в глаза — я ощущал такой же взгляд Химики, стоящего сбоку, — и сказал:

— За мной. Лабус — замыкающий.

* * *

Курортник пытался идти быстро, но нас тормозил раненый Лесник. Меня часто пускали вперед, указав направление, — я легко определял, где зависли аномалии, проводил через опасные участки. Такое доверие радовало — я нужен военсталам, — но и слегка пугало.

Командир делал частые остановки, тогда я ложился на землю, закрывал глаза и глубоко дышал. Лабус с Курортником исчезали в лесу, уходили в разные стороны — контролировали окрестности. Никита и Химик в это время перебрасывались короткими фразами, а Лесник лежал на животе с закрытыми глазами и молчал. Тяжело сталкерам — в охотнике килограммов девяносто, а у Химики из ноги кусок мяса вырван, он все сильнее хромотает с каждым переходом, да и Пригоршня вымотался.

В этот раз передышка затянулась. Курортник обычно командовал привал в глухом месте, вот и сейчас встали посреди разлапистого ельника. Солнечные лучи с трудом пробивались к земле, устланной мягким слоем опавших иголок; воздух был морозный, свежий.

Никита срезал и накидал на землю лапника, помог Химику устроить Лесника на ветках и подошел ко мне, протягивая плоскую фляжку:

— Глотни, лаборант.

Я медленно свинтил крышку, глядя то на Химику, то на Никиту. Они по очереди отвели глаза, Пригоршня даже голову опустил. Что такое, почему у них такой вид? Будто они смущены и одновременно слегка напуганы чем-то — я что, прокаженный?

Сделав маленький глоток, я уставился на мохнатые ветки. Иголки кололи шею, от дерева шел густой запах смолы. Странно — в прошлый раз, когда Никита подсунул мне спирт, я чуть не задохнулся, а сейчас горло даже не обожгло.

— Пригоршня, подсоби, — позвал Химик.

Стоявший надо мной сталкер замешкался, будто хотел поговорить, но потом направился к Химику. Тот, перебинтовав ногу, решил заняться Лесником. И хорошо — мне не хотелось сейчас разговаривать. Шок от вторжения в чужое сознание не отпускал. Страх шевельнулся внутри. Я сделал еще глоток, и в этот раз спирт подействовал — я подавился, закашлялся. Подняв фляжку

на уровень глаз, разглядел на полированной стали следы от пальцев, подышал, протер рукавом и заметил под горлышком гравировку. Три маленькие прописные буквы: «Н.И.Н» — наверно, инициалы Никиты. На гладком боку фляги я вдруг увидел отражение своего лица. Пальцы дрогнули, я отшвырнул флягу, едва не вскрикнув. Вскочил. Пригоршня рванул за ремень автомат и застыл — Химик не дал ему повернуться, схватившись за ствол оружия. Оба смотрели на меня.

— Что это?! — прошептал я.

Навернулись слезы. Я положил ладони на лицо, медленно провел по паутине мелких порезов. Вот почему они так на меня смотрели! Вот почему никого не удивил мой рассказ о монолитовцах-синхронах. Я стал похож на Вивисектора — теперь не только внутренне, но и внешне! Ведь есть морфология, а есть внутренняя физиология, и одно связано с другим...

— Да что же это такое?! — Вместе с испугом во мне пробудилась злость, я помимо воли оскалился.

Лесник приподнял голову, мутным взглядом посмотрел на меня и упал лицом на еловые лапы. Никита все пытался прицелиться, но Химик держался за ствол. Я отступил на шаг.

— Стой, — сказал Пригоршня. — Не шуми. Давай поговорим.

Я отошел еще немного.

— Стой!.. — Химик поднял руку. — Я могу тебе объяснить.

Нет. Не нужны мне ваши объяснения. И сочувствие с жалостью мне не нужно. Вы все здесь мерзавцы. Пожалели лаборанта, не стали пугать, что я в тварь превращаюсь... А на самом деле как новый артефакт к Янтарию потащили — сам в лагерь приду, решили за меня. А вот хрен вам! Пошли вы все! Я вам не отмычка, чтоб мимо аномалий проводить! Курортник — сволочь, и Химик — не меньшая! Никита — на его простодушном лице было замешательство, — о тебе-то я иначе думал... А Лабус? Он тоже отводил взгляд, отмалчивался...

Я продолжал пятиться. Химик отпустил ствол автомата, Пригоршня медленно повернулся, наводя на меня оружие.

Лесник, вновь оторвав голову от лапника, прохрипел:

— Не дури, пацан...

Никита упер приклад в плечо. Я вскинул руки, растопыбив пальцы, потянулся к алой напряженной ауре. Пальцы сжались, будто схватили невидимые вожжи, — пси-нити свернулись восьмеркой, сталкер поперхнулся, колени у него подкосились, ствол автомата прыгнул вверх. Я потянул вожжи на себя и резко разжал пальцы... Пригоршня вскрикнул и упал на колени, наклонился вперед, упершись стволом в землю, чтоб не упасть.

У меня горело лицо, кожа бугрилась, я чувствовал вздувшиеся на животе шрамы — будто змея ползала под курткой.

Все они предатели, все пятеро. Использовали меня...

— Я ухожу.

Химик оставался в прежней позе, только руку положил на крышку контейнера с артефактами.

— Не нужно, Химик, — сказал я. — Не успеешь.

Сталкер медленно убрал руку.

Я набросил на голову капюшон. Все, вы мне больше не нужны. Дойду до Янтаря один, а вы доберетесь туда сами и Лесника дотащите.

Никита с усилием выпрямился. Я повернулся к ним спиной и нырнул под ветку ели. Сзади донеслось:

— Пригоршня, стой! Пусть идет...

Обогнув куст орешника, я перепрыгнул яму с талой водой, перешагнул через вылезший из земли корень и поспешил в сторону Янтаря.

Глава 18

ЯНТАРЬ

Злоба и ненависть душили меня. Янтарь... А почему туда? Зачем? Вспомнить что-то очень важное. Но с чего я взял, что там вспомню?

Ремень рюкзака зацепился за ветку, приклад бухнул о дерево, и я остановился. Впереди поросль, усыпанная ржавыми волосами... подойдет. Я снял ружье, взявшись за стволы, размахнулся и швырнул в аномалию. Оружие утонуло в бурой массе, всколыхнув бледно-голубую волну, будто подожгли тополиный пух. Тогда я стянул рюкзак и, держа его за лямку, шагнул вперед. Но в последний момент передумал бросать в аномалию — сорвал узел, перевернул и вытряхнул содержимое на землю. Раскидав барахло ногой, отыскал пластиковый цилиндр, полный желеобразной светящейся массы. Поднял. Вот она, «пуля-квант». В голове светящимися линиями вспыхнула схема зарядника, электрические цепи устройства смыкались в массивном коробе. Нужно набрать простой код на панели, сдвинуть фиксатор крышки в виде флажка, бокс раскроется, обнажив два отделения...

Я подбросил контейнер, поймал за сплюснутый конец — легкий. Прикинул размер первого отделения... Да, никаких сомнений, контейнер войдет в нишу приемника на коробе. Второе отделение задраено свинцовым стеклом. И зачем оно надо... Будто при пуске ГСК кто-то будет наблюдать за процессом, стоя перед установкой. Даже помешанный на успехе предприятия Григорович не стал бы этого делать. Вполне возможно, спектр излучения желеобразной массы как-то влияет на процессы в ГСК. Направляет скрученную в пучок энергию в тело установки. Да, точно! Не зря руководитель сектора обозвал ГСК зарядником. Сплюснутый кончик — я пригляделся — имеет слабый выступ, зацеп, по схеме его захватит пластина, которая при включении установки раскалится до нескольких тысяч градусов. Под действием температуры узкая полоска пластика растает, содержимое контейнера перетечет во вторую камеру и... А дальше я не знаю. А может, не помню?

Я сунул «пулю-квант» во внутренний, из огнеупорной ткани карман куртки и окинул взглядом лес.

Скоро все выяснится. Курортник говорил, что осталось спуститься в ложбину, где сохранились хилые постройки молочной фермы, а там до лагеря рукой подать. Я видел ферму раньше, с холма — Григорович отрядил меня туда в сопровождении патруля военсталов в первый же день после моего прибытия. На возвышенности было зарыто какое-то оборудование, людей не хватало, эвакуация шла полным ходом, вот меня и отправили. Ферма — одно название. Каркасы двух коровников с прогнившими стенами и провалившейся крышей да металлическая конструкция с остатками какого-то агрегата и бункером наверху. Может, силос там мешали или еще что, не знаю. От коровников к подножию холма бежала бетонка. Ветер и солнце выбелили плиты дорожного полотна, стыков не видно. Издалека кажется, что дорога белой лентой стелется под холмом и убегает в лес. Почему сорняки не смогли взломать бетон, пробиться на поверхность за такое длительное время?.. Если подняться на холм, то с вершины откроется пологая равнина, окаймленная хвойным лесом. В низине озеро, вокруг которого лагерь ученых.

Я пошел по опушке, оставив ферму слева. Спустился в ложбину, откуда предстояло взобраться по крутому склону. До подножия метров триста открытого пространства; я остановился, рассматривая коровники и бетонку. И понял, что дорога покрыта слоем жгучего пуха, вот почему не видно растений на стыках. От построек тянуло озоном, все вокруг пропиталось аномальной энергией. Я припомнил разговоры про ионизированные облака, аномальные области, где детектор бессилен, где могут разрядиться вмиг и отключиться любые источники питания. Или, наоборот, взорваться и сгореть от резкого скачка напряжения. Может быть, оборудование на вершине холма как раз и предназначалось для мониторинга аномального излучения в низине.

«Пуля» в кармане заметно нагрелась, сквозь подкладку просачивалось тепло, будто грелку к груди приложили. Нужно скорее добраться до склона. Присутствия мутантов и людей я не ощущал, а может, в ионизированном облаке мои способности не работали. Я, присев под деревом, выждал минуту, выдохнул и побежал к подножию, поросшему кустарником. Дальше, на склоне, деревья. Какие? Я никак не мог понять. Наверное, аномальная область изменила их облик. Стволы прямые, как у сибирской лиственницы, толстые, на растопыренных ветках ни хвои, ни листочков. Растут плотно, перемежаясь с кустарником в человеческий рост.

Из коровников донесся вой, низкий звук перерос в пронзительный визг, я чуть не упал, взмахнув руками, пытаясь зажать уши. Визг резко оборвался, до меня долетел слабый хохот. Полтергейст. Я побежал дальше. Запах озона улетучился, я выскочил из аномального облака, выставив перед собой локти, с треском вломился в кусты. Тонкие прутики хлестнули по костюму, сорвали с головы капюшон, царапнули уши. Я выскочил на пяточок перед деревьями и повалился на спину. В груди пекло. Рванув клапан кармана, выудил горячий цилиндр — желе внутри будто затвердело, сменило цвет на темно-синий. Пальцы свело судорогой. Пластик нагрелся до такой температуры, что на коже появились волдыри. «Пуля» упала на пожухлые стебли травы, запахло горелым. Сердце бухало в груди, я никак не мог отдышаться.

Через пару минут поднялся, осторожно тронул контейнер — чуть теплый. Удивительно! Я царапнул ногтем прозрачную поверхность, потом взялся за замок молнии на куртке, поднес к нему цилиндр и с силой провел. Еще раз, еще — никаких следов, а замок-то металлический. С виду «пуля» из пластика, хотя нагрелась так, что трава почернела, а он не потек. И металл на нем следов не оставляет. Я качнул головой и спрятал контейнер в карман.

Нужно торопиться. Курортник наверняка тоже спешит. В погоню не пойдет, но постарается к лагерю успеть первым. Химик и Лесник места вокруг Янтаря знают, хотя Лесник сейчас не в счет, он ранен. Но Химик выведет группу к лагерю ученых.

Я карабкался по склону. Несколько раз цеплялся за крепкие, как железная проволока, ветки. Что же тут за деревья такие?.. Ткань костюма не разодрал, но заметные следы остались.

С вершины равнина и лагерь как на ладони. Я прикинул расстояние — с километр будет. Водная гладь золотилась в солнечных лучах — вот, наверное, откуда пошло название Янтарь. Я даже залюбовался. Опомился, когда вдоль ограждения из колючей проволоки рокоча пронесся квадроцикл с небольшой тележкой на прицепе. Машина повернула, не доехав до наблюдательной вышки нескольких метров, и скрылась за приземистым научным модулем. Надувные конструкции из серебристой ткани выстроились в три линии — лаборатории и складские помещения, издали похожие на игрушечный макет. Квадроцикл вынырнул на площадке приземления, где застыли два транспортных вертолета. Вокруг машин суетились фигурки людей, шла погрузка оборудования. Справа от озера небольшая сосновая роща скрывала от взгляда четырнадцатую лабораторию. Мне туда. Нужно спуститься вдоль леса и отыскать люк подземного хода. Отмель инструктировал нас с Григоровичем лично, а потом показал, как попасть в туннель, провел внутрь и объяснил, что нужно сделать, чтобы выбраться на поверхность. Зачем вообще нужны были этот инструктаж и демонстрация?.. Сощурившись, я посмотрел в чистое небо... Нет, не могу вспомнить.

Только сейчас я оценил масштаб строительства. Сверху лагерь смахивал на военную базу. Впрочем, так оно и было. Вблизи наблюдательных постов, научных модулей, складов и жилых палаток прятались ходы сообщений или траншеи. Они вели к искусственным возвышенностям, зачастую правильной формы: сверху земля, мох, даже кусты кое-где растут, а под землей бункер или капонир. Я как-то поинтересовался у Григоровича: зачем все это? И услышал простой ответ: периодические выбросы аномальной энергии откуда-то с АЭС лучше всего пережидать под землей. Но подойдут и наземные строения с толстыми стенами. Если там есть окна, их надо закрыть железными листами. Выброс по-разному влияет на обитателей Зоны. Если на открытом пространстве попадешь под него — либо психом станешь, либо умрешь. Пока не было людей, переживших выброс на открытом пространстве и сохранивших здравый рассудок. Отдельная группа в лагере занималась изучением и мониторингом всплесков аномальной энергии. На территории даже туалеты имели глухую монолитную конструкцию с тяжелой железной дверью — смешно говорить, но нескольким ученым это спасло жизнь.

Как мне объяснил Григорович, большинство выбросов предсказуемы, это как воду в чайнике греть — закипит в определенное время, если постепенно повышать температуру до нужного уровня. Но иногда температура растет стремительно, будто под чайником врубили мощную горелку, и тогда выброс происходит неожиданно. Вся надежда на оборудование постов мониторинга и сигнал оповещения. Выбросу может предшествовать гон — неведомая сила толкает мутантов в одном направлении и губит тех, кто не успел спрятаться. Однажды под гон попал и лагерь ученых, Григорович рассказал, что все палатки и оборудование как волной

смыло, словно из озера поднялось цунами и прокатилось по территории базы.

Недалеко от вертолетной площадки высилась круглая железная башня, на вершине — локационная станция, под ней шарообразный модуль с каким-то оборудованием. Теперь я понял, за что двадцатиметровую вертикальную железяку военстала обозвали «минаретом», уж больно похожа издали.

Что-то не давало мне покоя, и вдруг я осознал что. В лагере люди, а Курортник говорил, связь пропала. Но что я вижу? Эвакуацию, которая идет полным ходом... Хотя она должна была давно закончиться! Мысли путались, я никак не мог уловить логику событий. Нужно пробраться на территорию, тогда станет ясно.

В лагерь не вели никакие дороги, ворота в ограждении отсутствовали. Сюда попадали в основном по воздуху. Только сталкеры приходили пешком, и обязательно с равнины, чтобы их видели наблюдатели на вышках и пропускали через лабиринт заграждений.

Я решил забраться поглубже в лес, припомнив, что опушка вокруг равнины заминирована — не везде, правда, но испытывать судьбу не хотелось. Дойти до Янтаря и подорваться на mine... Нет уж, я сильно повзрослел за последние двое суток. Но главный урок еще впереди.

* * *

Спускался с холма через лес, километр прошел минут за пятнадцать. Чем ближе к Янтарю, тем ниже аномальная активность, место такое, потому-то и построили здесь лагерь.

Люк в подземный ход отыскался быстро. Я осмотрел подходы со всех сторон — никаких следов того, что недавно кто-то выходил через туннель на поверхность или спускался в него.

Предстояло еще незаметно подобраться к территории сектора «В». Я опять вспомнил о минах... Нет, вряд ли саперы установили их здесь — рядом подземный ход, а в критической ситуации им могут воспользоваться не только военные. Значит, если минировали, то только пространство между забором и лесом. Я осторожно двинулся вперед, ориентируясь на высокие рыжие кусты акации. Цвет в самый раз, поможет оставаться незамеченным, хорошо бы высмотреть, что сейчас творится около установки Григоровича. Может, даже смогу увидеть его самого.

Внимательно глядя под ноги, я крался вперед. Шаг за шагом, стараясь не наступать на сухие ветки и не прозевать какой-нибудь скрытый датчик сигнализации, не зацепить растяжку. До ночи было далеко, но лес тонул в сумраке.

Осталось пройти всего ничего, каких-то десять шагов, и тут сдавило грудь. Стало холодно. Воздух загустел, я привалился к дереву, дернул клеванту на воротнике, скинул капюшон, и все равно воздуха не хватало. Сердце быстро стучало, я запустил руку под куртку, прижал ладонь к груди. Шрамы вздулись, я ощутил через ткань футболки частую пульсацию. Дернул плечами, сглотнул, наглухо застегнулся и накинул капюшон.

Сейчас все выяснится...

Я отошел от дерева и увидел пехотную мину возле куста. С виду как старая немецкая граната на деревянной ручке. Наверное, саперы поставили ее в расчете, что человек заметит, а мутант подорвется на растяжке. Я долго осматривался, но других ловушек не обнаружил. Ребристый набалдашник торчал над землей так, что можно было просунуть под него ладонь и выдернуть деревянную ручку. Из набалдашника выступал тоненький штырь взрывателя с кольцом, от него в разные стороны тянулись две проволоочки. Одна — к сосне в трех шагах, другая — к вбитому в землю неприметному колышку. Мина-граната перекрывала подступы к кустам. Я двинулся вперед, осторожно перешагнул проволоку и чуть не выколол веткой глаз. Дернулся. Взмахнул руками, тело потянуло назад, я представил, как пяткой цепляю проволоку, как бухает взрыв, мне отрывает ноги, осколки дырявят тело... Я сумел удержать равновесие, присел на корточки. Кожа на лице горела, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Ладони вспотели.

Постепенно жжение под ребрами прекратилось, я привстал, осторожно раздвинул ветки. В сотне шагов вышка, на площадке пулеметчик боком ко мне. Дальше сосновая роща. Слева от вышки модули четырнадцатой лаборатории, среди деревьев установка Григоровича высотой с

двухэтажный дом. Хромированные трубы каркаса отбрасывают блики, видны площадки из арматуры, переходные мостики и короткие лесенки между уровнями. Внутри конструкции в специальных емкостях покоится оборудование, часть принаитована к хромированным решеткам. На втором уровне над перилами выступает массивный кожух, обрамленный ровно уложенными пучками проводов и гофрированными патрубками, ведущими к двум раструбам в основании. Узел, собранный Григоровичем прямо на месте из подручных средств.

Мысли заскакали, как яблоки, упавшие на пол из бумажного куля. Никита нес ГСК в лагерь, но задержался, Григорович не мог больше ждать и изготовил замену. Мы провели бессонную ночь, провозившись с настройкой программ, сделав несколько пробных пусков, но Григоровичу все равно что-то не нравилось, смущало что-то... А может, пугало то, что ГСК не доставят в срок и придется на свой страх и риск включить установку по команде из штаба, используя самодельный узел? Что, если он где-то ошибся в расчетах?..

Территория блока «В» прилегала к опушке. Деревья неровной линией отчеркнули берег. Уязвимое место. Пространство за ограждением усеяно головешками пней, изрыто воронками. Рядом с наблюдательной вышкой должна быть траншея в полный рост, стенки залиты фортификационным бетоном. По ней можно проникнуть в капонир, я там не был, но с виду это — серьезная позиция с тяжелым вооружением, то ли скорострельной пушкой, то ли крупнокалиберным пулеметом. Массивная бронированная дверь всегда заперта, крыша из широченной плиты толщиной в полметра. Таковую, наверное, авиационной бомбой не прошибешь...

Мне нужно отыскать Григоровича и рассказать, что ГСК скоро будет в лагере, что Пригоршня несет его в сопровождении военсталов. Нельзя включать установку, используя вместо ГСК самодельный узел, будет большая беда, я чувствовал это, хотя не знал, что именно произойдет.

Послышались голоса, пулеметчик повернулся ко мне спиной. К установке приближались две фигуры в рыжих костюмах; похоже, они вышли из надувного серебристого модуля. Понять, о чем говорят, было невозможно, но один голос принадлежал Григоровичу. А второй...

Я напрягся, сжал кулаки, ногти больно впились в ладони, заныли мышцы.

Я уже видел все это! Видел эту сцену, хотя и с другого ракурса, я уже был здесь! Григорович — на нем поверх комбеца был ватник — подошел к установке первым, вынул из карманов рукавицы и полез по узкой лесенке на второй уровень. Замер, хлопнул ладонью по лбу и стал быстро спускаться.

Второй повернулся — я узнал себя! Другой я стоял, подставив лицо лучам солнца, и любовался рощей. Вот нагнулся и что-то искал в траве...

Дальше я не смотрел, отпустил ветки и присел.

Этого не может быть! Как?!

От воспоминаний закружилась голова. Я бессмысленно пялился перед собой, из глаз текли слезы. Я понял все. Все до мельчайших подробностей. Стало страшно.

Не помню, как очутился у люка в подземный туннель. Как исхитрился не зацепить растяжку, как набрал код цифрового замка...

Я стоял перед откинутой крышкой, втягивая ноздрями морозный воздух. Я знал, что меньше чем через час начнется выброс. Что Григорович опоздает с запуском установки. Что в схему самодельного узла, смонтированного на втором ярусе, вкралась маленькая ошибка.

Я зажмурился. Глубоко вдохнул, задержал дыхание, прислушавшись к биению сердца. Выдохнул и сквозь ткань костюма нащупал цилиндр во внутреннем кармане.

Энергия выброса и частицы вырожденного вещества, которое выплеснет «пуля-квант» в камеру зарядника, вызовут необратимую реакцию. Пространственно-временной континуум раздвоится, как... как дорога на развилке. Аномальное облако поглотит часть Зоны, накроет ее колпаком. Возникнет пространственно-временная петля. Излишек энергии, как вода из сливного бачка, выплеснется за пределы колпака, разрывая цепочки атомарных связей в слабых местах, увлекая за собой тех, кто не успел укрыться, зашвыривая их в разные участки Зоны, проносясь сквозь время и пространство. Но реакция не остановится. Петля будет сбрасывать излишки энергии, как сильфонный клапан, стравливать давление. По континууму покатятся волны ряби,

удерживающие время под колпаком, будто в петле Мебиуса.

Нужно заменить самодельный узел тем зарядником, что тащит Пригоршня. Нужно проникнуть в лагерь, переговорить с Григоровичем, объяснить... Но есть ли время? Сколько осталось до того момента, как все начнется?

Я оперся ладонями о край люка и, спустив вниз ноги, упер ступни в железную скобу, вмонтированную в бетонную стенку колодца. Ухватился за ручку гермоза-твора и нырнул вниз, потянув за собой крышку. Люк бесшумно лег на резиновые уплотнители, я повернул ручку замка. Тихий щелчок — из туннеле зажглось тусклое освещение.

Часть четвертая МОРЕ ОГНЯ [Лабус]

Глава 19 БЕГ ПО КРУГУ

Лабус, не молчи! — с досадой произнес Курортник. — Слышь? Как пацану сказать? Леха сидел на трухлявом пне, я — рядом на поваленном дереве. Кору скрывал светло-серый лишайник, причудливые узоры напоминали застывший иней.

Если бы я знал, как ему сказать... Если бы толком знал, что творится с парнем. Но ничего путного в голову не лезло. Возраст у него такой, что сначала делаешь, потом думаешь — максимализм прет из всех щелей. А вдобавок... Почему он стал похож на Давыдова? Леха с Пригоршней видели вблизи бывшего командира спецов и говорили, что его лицо покрывала паутина разрезов. Вот то же самое и с Кириллом. Причем раньше, когда мы только ушли от сарая, у которого столкнулись с Давыдовым, ничего такого не было, разрезы появились позже, проступая на коже постепенно, как изображение на фотобумаге. Химик успел сказать о каком-то симбионте, да только я в этих био-физико-нано-гамма-вещах не очень. Я ведь поначалу чуть не ляпнул Кириллу про порезы, Курортник остановил. Позже сказал — не стоит. А теперь что? Как ему скажешь: мол, Кирюша, стал ты мутантом, который слышит чужие мысли, видит аномалии... Чего доброго, разозлится и прибьет на хрен. Поди разбери, какие у него там возможности и силы открылись. А ведь был парень как парень, симпатичный, неглупый, в меру наивный и неопытный — как раз по возрасту. Человек, в общем, был. А стал...

— Что-то страшновато мне, Леха, — признался я.

— Да отпусти ты свои усы! — Курортник встал и отвернулся.

Я опустил руку.

На каждой стоянке мы оставляли сталкеров и Кирилла отдыхать, сами по-быстрому осматривали окрестности и потом встречались, как сейчас. Обсуждали, строили догадки, что случилось с Кириллом. Я еще в первый раз предложил спросить парня напрямую. Но Леха не хотел — опасался. А сейчас так запросто не спросишь. И чем ближе мы подбирались к Янтарию, тем больше нервничал Курортник.

Он обернулся. В пальцах сигарета, сейчас разомнет ее и сунет обратно в пачку.

— Бросай курить, — сказал я и поднялся.

Леха спрятал сигарету. Поправил оружие, произнес:

— Нам минут сорок осталось до Янтаря топать. И знаешь... — Пожевал губами. — Знаешь, мне перед пацаном стыдно. Я ж использую его как отмычку. В Зоне хрень какая-то творится...

Я заключил:

— И ты испугался.

— Да. В Зоне давно не был, арест, следствие... Расслабился я, Лабус. Контракт через месяц закончится...

— Не стоит. Зря себя винишь. Леха кивнул.

— Связь качни.

Он щелкнул переключателем и начал бубнить в микрофон позывные.

Я тоже включил портативную станцию, услышал шелест эфира и слова Курортника. Отошел в сторону. Позывные удавалось разобрать с трудом, плохо дело — аккумуляторы на холоде быстро разряжаются. Я поправил наушник. Хорошо, что по дороге не вляпались в ионизированное облако, а то бы все отрубилось в момент.

Неожиданно ответил Карп, заместитель Отмеля. Мы с Лехой переглянулись. Связь работала паршиво. Карп передал, что пеленгует Нас. На волну вышел Отмель. По голосу не разобрать, некоторые фразы съедали помехи, но мне показалось, что Юра удивлен и злится. Он велел не засорять эфир, выйти к лагерю в секторе «В», со стороны четырнадцатой лаборатории. Сказал, что встретит нас у подземного хода, и дал отбой.

— Ты чего-нибудь понял? — спросил Курортник. Я хотел дернуть ус, но передумал.

— Не все. Помехи. Злой какой-то он или мне показалось?

— Не показалось. Говорить не стал. Почему-то к четырнадцатой приказал выходить. Зачем? Почему не через равнину? — Леха шмыгнул носом, потер его. — Не помнишь, возле люка саперы минировали?

Я нахмурился, припоминая.

— Там между лесом и ограждением противопехотки прыгающие, в паре мест — направленного действия с дистанционным подрывом. Море огня — пуф-ф, — я растопырил пальцы, изображая взрывы, — ближе к лесу, где головешки пней. А у люка Карп ставил две растяжки со старыми ПОМЗами, на длинном кольшке...

— Ага, знаю, что за мина.

— Там кусты акации здоровенные, их не вырубili, они люк прикрывают, вот Карп и ставил на всякий случай, а я помогал. Схема минирования у начальника смены... А так — кажись, все.

— Да... Значит, растяжки... Думаешь, на подходе к люку за полгода ничего не изменилось?

— А чего менять-то? Растяжки только подрывом снять можно, взрыватели не извлекаемые. Мины ставили на мутантов, ближе к ограждению, у кустов... — Я пожал плечами. — Значит, для острастки. Если и подорвался кто, то новые там же поставили.

— Ну ладно. Давай вперед, возвращаемся. Юрка же не будет нас на мины заводить, — подвел итог Курортник.

Я кивнул неуверенно. Конечно, не будет, зачем ему?..

* * *

А погода славная, на небе солнышко и тянет легкий ветерок...

Резкий толчок в шею, удар по ногам — я воткнулся локтем в землю, дернулся и застыл в неудобной позе.

— Лабус, ты чё! О бабах размечтался?! Леха навис сбоку, протягивая руку.

Я глянул на него, Курортник мотнул головой, и только тогда я заметил ржавые волосы, периной накрывшие низкую поросль над землей.

— Блин... — пробормотал я и с завистью подумал: у Лехи срок контракта истекает, а мне еще топтать эти места до посинения. Можно разорвать договор раньше, но тогда не то что выплаты премиальных лишишься — еще должен останешься.

Я ухватился за протянутую руку и кряхтя поднялся.

Только Леха новый контракт подпишет, вот в чем дело...

— Старый становлюсь, — сказал я, потеряв ушибленную шею.

А может, ну ее, эту Зону, вернусь домой да...

Так, Лабус, стоп! Сейчас снова задумаешься, Курортник не заметит дрянью какую-нибудь за твоими широкими плечами — и домой ты уже точно не вернешься.

— Лабус, давай за мной, — словно прочитав мои мысли, приказал Курортник. — Лучше я поведу.

— Да тут идти-то... — попытался возразить я, но без напора.

Леха обошел заросли с аномалией, и я поплелся следом.

Тихо подобрались к ельнику, где оставили сталкеров, и услышали голос Никиты. Он громко ругался. Дальше прятаться не было смысла.

— В чем дело, Никита? Орешь на всю округу, будто у тебя мопед сперли.

Мы вышли на пятачок между деревьями. Пригоршня притих, голову опустил, понурый стал.

— Как Лесник? — обратился Курортник к Химику. С лица командира сползла улыбка. Что-то было не

так, я пока не мог понять что.

— Я нормально, — сказал Лесник. Он с трудом поднялся, одной рукой оперся на плечо Химика, другая повисла на перевязи. — Ходули держат.

— Где пацан? — спросил Леха напряженно.

— Ушел, — ответил Химик.

— Как — ушел? Куда? — не понял я.

— Да тут... — невнятно произнес Никита и начал что-то сбивчиво говорить. Химик перебил его, коротко описал случившееся.

Мы с Курортником уставились друг на друга. События будто бежали по кругу. Опять искать Кирилла? Где?

— К Янтарию малец пошел, — подал голос Лесник. — И нам поторопиться стоит. Чую, выброс будет, кости ломит.

— Так! Слушай меня, — приказал Курортник. — Поднялись и двигаем к лагерю. Лабус, дай детектор.

Я отстегнул планшет, Курортник стал прилаживать его на предплечье.

— ПДА всем включить. В лагере нас ждут, охранение в курсе, не пристрелят на подходе. Лесник...

Леха перестал возиться с ремешками сканера, и я шагнул к нему:

— Давай застегну.

— ...Лесник, — Леха вытянул руку, — если св лишься, оставлю тебе ствол и поведу группу к лагер;

Никита вскинул голову, Химик напрягся. Я на ошупь тыкал ремешок в петлю из пластика и никак не мог попасть.

— Я не брошу деда! — запротестовал Никита.

я...

— Пойдешь, — перебил скрипучим голосом Лесник. — Пойдешь, куда он прикажет.

Ремешок наконец-то проскочил в петлю, я резко з тянул крепление. Леха сморщился, но промолчал. До стал «файв-севен» из потайной кобуры, проверил магазин и протянул Леснику.

Тот молча взял пистолет, сунул в широкий карман плаща и спросил:

— Ну так чего ждем?

— За мной. Лабус замьгающийся.

Тут идти-то... но Лесник не выдержит темп — каждый это понимал. Я видел, как ссутулился и поник Пригоршня. Нутром я чуял: не прав Леха, нельзя так взять и бросить деда. Потянул носом — морозный воздух начал густеть. Лесник вряд ли ошибается, будет выброс, нужно спешить. Сейчас не до поисков пацана. Если у него способности, как у мутанта какого, то он раньше нас определит смертельную опасность и постарается укрыться на Янтаре. И Леха погнал группу. Понятно, что Пригоршня с Химиком готовы волочить брата-сталкера, но Курортнику боевого опыта не занимать, он не станет рисковать жизнью нескольких людей из-за одного, как бы к сталкерам ни относился. Командир сделал выбор, а Лесник поддержал.

Лесник сбился с шага, захрипел. Пригоршня подскочил к нему, ухватил за локоть, но бродяга зло отмахнулся, буркнул: «Я сам, шагай». Пригоршня оглянулся, ища поддержки, я промолчал. Лесник сильнее сгорбился, но темпа не снизил, только хрипы стали громче, дыхание

тяжелей.

Курортник впереди выкрикнул:

— Не останавливаемся!

Я заметил, как Пригоршня замедлил шаг, повернул голову вправо. Опа! Рюкзак Лесника, вещи разбросаны, упаковка патронов... В двух шагах — заросли с ржавыми волосами. Странно. Патроны Кирилл бросил, а ружье? И не переговоришь на ходу с командиром, а надо бы. Что пацан в вещах искал? Еду? Да вроде бы перекусывали недавно. У Лесника с собой не было контейнера для артефактов. Я вытянул шею, глянул в спину Химику — у того под рюкзаком обрезиненный бокс привязан. Хм, контейнер с артефактами на месте, тогда что же Кирилл взял? Или не взял...

Я быстро оглянулся. Разбросанных вещей отсюда уже не видно, постарался припомнить картинку: портянки на земле, примус, кружки, коробок спичек с яркой рекламной наклейкой, пачка патронов, пакет целлофановый, пластиковая зеленая коробка сухпайка, тряпки белые — наверно, смена белья — и рукавицы. Всё. Что Кирилл искал?

Еще раз оглянулся, потом посмотрел на Пригоршню. Тоже все оборачивается на ходу, рюкзак с тяжелым ГСК тащит так, будто пенопласт внутри — силен парень.

Тихо в лесу. Только сиплое дыхание и хрип Лесника слышатся. Пригоршня опять замедлил шаг: Лесник чуть не упал, схватился здоровой рукой за сучок на сосне. Прислонился к дереву, прижался щекой к коре и надрывно прокашлялся.

— Курортник! — Пригоршня замер возле охотника. Все остановились.

— Вперед, Никита.

Лесник с закрытыми глазами несколько раз махнул рукой, мол, идите. Химик нахмурился, мы встретились взглядами.

Пригоршня сплюнул, зло бросил:

— Хрен вам! — Поймал руку Лесника и потащил его за собой.

Раненый едва успевал переставлять ноги.

— Лабус, помоги! Химик, в хвост! — скомандовал Курортник.

Я догнал парочку, ухватил Лесника за пояс — теперь не упадет. Пулемет пришлось сдвинуть за спину, а то тыкал стволом в бок охотнику. Быстро оружие применить не удастся в случае чего, но до лагеря недалеко, главное — темп держать.

Так и шли. Курортник взял направление строго на север, к равнине нам незачем. Отмель приказал сразу топать к роще, где четырнадцатая лаборатория развернута.

А воздух тяжелеет, дышать становилось трудней. Химик за спиной несколько раз прокашлялся, я же пыхтел, как паровоз.

Когда Лесник окончательно выбился из сил, мы вновь остановились. Охотник не упал лишь потому, что я крепко держал его за широкий кожаный пояс. Никита быстро скинул рюкзак с ГСК, присел, забрасывая руку раненого себе на плечо. Лесник застонал, я подсадил его парню на спину, тот сделал несколько неуверенных шагов, а я забежал вперед. Никита, поджав губы, тихо мычал в такт шагам. Ох и тяжело же ему — Лесник мужик крупный, грузный. Я почему-то вспомнил, как однажды в молодости во время срочной службы пришлось так же тащить на себе товарища через лес. Нас тогда пятеро было, один ноги сбил до мяса на переходе. И мы по очереди, на закорках, как сейчас Пригоршня, несли пятнадцать километров до лагеря этого олуха, который портянки не умел мотать. Умаялись, но к вечеру дошли. Я тогда понял, за что женщинам-санинструкторам во время войны с фашистами давали Золотую Звезду Героя. Вытащить несколько десятков бойцов с поля боя — адова работа!

Я переглянулся с Химиком, который приладил рюкзак Пригоршни на груди и стал похож на вьетнамского крестьянина — они, вьетнамцы, так же таскают в корзинах за спиной и на груди кучу барахла. Круглую плетеную шляпу ему на голову нацепить — и на рисовое поле... Сталкер морщился — тяжелоат груз.

— Пригоршня, давай Лесника мне!

Никита только громче замычал и плотней сжал губы.

— Давай! — повторил я, скинув рюкзак на землю. Парень остановился. Пока пересаживали раненого,

я увидел, что Леха возится с детектором. Только поля аномалий нам не хватает сейчас.

Пошли дальше. Никита, подобрав мой рюкзак, держался рядом, пытался подстроиться под шаг, как-то подсобить рукой, но я отогнал его. Только мешает.

Минут через пять плечи занемели, пот стал заливать глаза, я выдохся, пальцы сами разжимались, я еле удерживал Лесника, чтобы не сполз со спины. Когда сил совсем не осталось, прохрипел:

— Меняй.

Никита подставил спину, кое-как пересадили охотника. Я подобрал свой рюкзак, обогнал их.

Так и плелись, часто меняясь. Я потерял счет времени, но казалось, что до лагеря еще очень далеко, топать и топать. В уши будто ваты набили, еще одна смена — и я не выдержу...

— Да стой ты, Лабус!

Видимо, я не сразу услышал голос Химики.

— Стой! — повторил он, загораживая дорогу.

Пальцы разжались, я опустился на колени — Никита успел подхватить Лесника, Химик помог ему, а я упал на живот. Пулемет выступом ствольной коробки больно вдавился в ребра, я перекатился на спину, раскинул руки.

Небо розовеет — солнце заходит. Я закрыл глаза. Холод, идущий от земли, вытягивал тепло, по мне это нравилось. Освежало. Я стянул перчатки и ладонями коснулся травы, растопырив пальцы. Вот гак и лежать долго-долго, а потом в баньку да с веничком... Сердце билось часто-часто. Я открыл глаза. Рядом присел Химик и протянул флягу:

— Глотни.

Я сделал несколько глотков, вода стекла по подбородку на шею, за воротник. Я стянул шлем и вылил остатки воды на голову. Фыркнул. Вернув флягу Химику, вопросительно посмотрел на него.

— Дошли, — пояснил сталкер.

В небе пророкотал вертолет. За деревьями было не разглядеть, но машина прошла где-то близко, похоже, зависла над Янтарем — десант высадила? Через пару минут шум двигателя стал затухать. Я поднялся на ноги, огляделся.

Растущие кругом сосны отбрасывали длинные тени. Неподалеку Леха сидел на корточках и курил. Лесник лежал на земле лицом вниз, Пригоршня склонился над ним. Дошли. Вот и рыжие кусты акации... А ход в туннель — между двумя молодыми елочками. Леха, наверно, Отмеля ждет, тот должен на поверхность нам навстречу выйти.

На Янтаре щелкнул одиночный выстрел, и тут же пискнул мой ПДА- Я прикинул, где стреляли — выходило, что на равнине в секторе «А». Достал ПДА, раскрыл сообщение и озадаченно прочел его.

Дела...

— Что? — Химик, упаковывавший флягу в рюкзак, поднял на меня взгляд.

Потерев шею, я зачитал:

— «Семецкий убит военным сталкером возле Янтаря. Смерть наступила в четырнадцать часов пятьдесят одну минуту вследствие огнестрельного ранения». — Я глянул на часы. То есть сейчас. Мотнув головой, я стер сообщение.

Потянувшись, взмахнул руками, сделал несколько наклонов и подпрыгнул. Как там Лесник? Теперь им занимались оба сталкера. Переложили на плащ лицом вниз, Химик принялся снимать со спины раненого артефакты.

Пригоршня отошел от них, уселся под сосной и закрыл глаза.

— Пора ему укол сделать, — сказал я Химику. — Где рюкзак мой?.. Пригоршня!

Никита рукой толкнул ко мне рюкзак. Глаз даже не открыл, лицо бледное. Надо бы и ему вколоть стимулятор.

Я отстегнул от рюкзака аптечку, откинул крышку и спросил у Химики:

— Как он?

— Бредит, слабость... не пойму. Коли стимуляторы, я закончил.

Химик сложил куски раздувшихся артефактов в заранее приготовленный пакет, обернул

его фольгой, отошел к кустам и начал ковырять носком ботинка ямку. Хоронить кровь камня будет. Я бы выкинул эти штуки, хотя что я понимаю в круговороте веществ и энергии в природе, точнее в Зоне, тут свои неписанные законы. Раз он зарывает артефакты, значит, так надо.

Вколов Леснику стимулятор, я подкрался к Пригоршне. Дыхание у него было ровное, такое впечатление, что уснул. Я склонился к его уху и сказал:

— Уколов боишься?

Парень дернулся, вытарашил глаза. Я поводит шприцем перед его лицом.

— Это чего? Наркотик?

— Наркотик, наркотик... Снимай куртку, я бы и так уколол, да у тебя она слишком толстая. Никита неохотно начал раздеваться.

— Лабус...

— Чего?

— Правда наркотик? — с серьезным видом повторил он.

Я вонзил иглу ему в руку.

— Стимулятор.

Никита посмотрел на Лесника и вдруг ухмыльнулся:

— Дотащили же, а! Блин, такого борова дотащили! И даже время еще осталось...

— Да.

Я посмотрел на Леху. Командир не произнес ни слова с момента остановки. Интересно, за сколько минут мы дошли до Янтаря?

Между елок откинулась крышка люка, сверху замаскированная под кочку, поросшую мхом. Сначала показался ствол, за ним голова. Отмель высунулся едва-едва, только чтобы оглядеть окрестности. Выставив оружие, заслонился крышкой, как щитом.

Леха поднялся и сказал:

— Нас пятеро. Все здесь. Арден с тобой?

Юра выбрался на поверхность, люк закрывать не стал.

— В туннеле ждет. Как он по колодцу, по скобам влезет?..

Я услышал звук скребущих по бетону ногтей и пошел к люку.

— А что это за две аномалии с вами? — Отмель кивнул на Химику и Пригоршню. — А на земле... Лесник, да?

— Лесник, А с этими... — Курортник обернулся, — с этими потом...

Они обнялись, Отмель пару раз хлопнул Курортника по спине, отстранился, смерил взглядом. Шикнул на Ардена. Пес хорошо выдрессирован, лишь скребется, голоса не подает.

— Здоров, Лабус! — Отмель протянул мне руку.

Я сжал его ладонь. Он еще раз смерил нас с Лехой взглядом, будто оценивал. Улыбка исчезла, лицо стало серьезным.

— А теперь быстро и начистоту. За вами уже группа прибыла. — Мы с Лехой кивнули, вертолет оба слышали. — Вы что, из «Гуантанамо» сбежали?

Глава 20

ШТУРМ

Я всего ожидал, но такого вопроса... — При чем тут «Гуантанамо»? — оторопело спросил Курортник.

— Какое еще «Гуантанамо»? — одновременно сказал я и добавил после паузы, кивнув на Лесника: — Раненый у нас, спешим.

Отмель кивнул, неуверенно произнес:

— Что происходит? — Он напряженно и растерянно смотрел то на меня, то на Леху.

— Что! — передразнил Курортник, начиная злиться. — Это мы хотим спросить, что происходит?! И где Кирилл?

Пригоршня шагнул вперед, собираясь что-то сказать, но Курортник жестом остановил его.

— Тихо, Леша, тихо. — Отмель слегка отступил к люку, приподняв ствол.

— Юра! Мы шесть суток в Зоне, двое в поиске!.. — Курортник, не обращая внимания на оружие, шагнул следом со сжатыми кулаками.

— Подожди, подожди, — перебил Отмель, опуская ствол. — Как шесть суток? Какой еще Кирилл?

— Так! Лабус, может, ты ему объяснишь?

— Стоп! — сказал вконец растерявшийся Отмель, глубоко вдохнул и выдохнул. — Что ты несешь? Это вообще ерунда... Что вообще происходит сегодня?

Я хотел открыть рот, но Отмель не дал.

— Карп Семеновский пристрелил на подходе к лагерю. Снял из СВД — призрак Зоны, блин! Его ж никто не видел никогда, а он пер как зомби, требование остановиться не выполнил.

— О как, — вырвалось у меня.

— Да, потом в секторе «Б» твари в клетках взбесились. Псевдоплоть башкой решетку вышибла и сдохла сразу, шею сломав. Слепые псы зубы крошат о прутья. Гон, что ли, будет?..

— Аппаратура не засекала приближение выброса? — быстро уточнил Курортник.

— Какой выброс? Тьфу, давай сначала! Говори ты, Леха.

Подошел Химик, и Юра недоверчиво покосился на него.

— Мы были в патруле у Периметра, в южном секторе, подобрали ученого. — Курортник говорил, Отмель внимательно слушал, и брови его медленно ползли вверх. — Молодого совсем. И он ни хрена не помнил. Начали выходить из Зоны... Пригоршню вот, —

Леха указал на Никиту, — приняли. Потом ученого прошляпили, попали в какую-то охрененную аномалию, которая черт-те куда нас забросила. Встретили Лесника, на заимке у него отыскался наш ученый вот с этим, — Леха указал на Химику, — и Давыдов...

— Давыдов?!

— Про него потом. Мы пошли к Янтарию, так как ближе ничего не было. Связи нет. А Кирилл свинтил у самого Янтаря...

— Да что же это за Кирилл такой, объясни?

— Войтковский, — вставил я. Отмель нахмурился, бормоча фамилию.

— Войтковский! Так он с Григоровичем на установке сейчас. У нас пуск скоро, ждем подтверждение из ОК.

— А у тебя есть связь со штабом? — удивился Леха.

— Ну ясно. Карп вас запеленговал, шифрограмма ушла час назад. За вами группу выслали, мне вас задержать приказано, применить оружие, если вдруг окажете сопротивление.

Мы с Лехой переглянулись.

— Вы зачем из «Гуантанамо» сбежали? Я специально узнавал у комбата — следствие закрыли за неимением против вас улик. Приказано было поддерживать еще пару суток под замком для профилактики, и все. Мы с Карпом коньяк припасли для встречи. А вы... — Юра развел руками.

— Постой, постой... — тихо сказал Леха.

А у меня в голове будто пазл начал складываться — кусочки мозаики срастались в пусть и фантастическую, но понятную, объясняющую все картину...

— Какое сегодня число? — спросил Леха.

Я переглянулся с Пригоршной и кивнул сам себе. Да, вот оно! Точно... Отмель открыл рот, но не успел ответить. В лагере взвыла сирена — оповещение о близком выбросе. Юра отвернулся, присев, запросил по радио данные.

— Расчетное время до выброса тридцать минут, — сказал он, резко выпрямляясь. — Быстро в туннель!

Химик с Пригоршной стали подымать Лесника. Я запустил обратный таймер на часах.

— Что с группой захвата? — бросил Курортник.

— Черт! — Отмель замер над люком. — Леша, я не знаю, что происходит и как все сложится, но...

Слова утонули в грохоте взрывов. Земля дрогнула, с вышек застрекотали пулеметы. Вновь

взвывла сирена. Сквозь какофонию долетела команда Отмеля:

— В люк!!!

Он «солдатиком» спрыгнул в зев колодца.

Пригоршня замешкался, не зная, хватать ему рюкзак с ГСК или помогать Химику тащить Лесника к люку. Я присел, озираясь, пытаюсь определить, откуда атакуют лагерь и что может угрожать нам.

Монолитовцы, это они — они шли к Янтарю!

Никита схватил за лямку рюкзака, подставил охотнику плечо.

— Лабус, прикрываешь! — крикнул Леха.

Я кивнул. Курортник скрылся за крышкой люка, Пригоршня с Химиком начали спускать Лесника в колодец. Я напряженно вгляделся в лес. К звуку пулеметных очередей добавилось буханье ЗУ-23, скорострельной спаренной пушки, установленной в капонире рядом с четырнадцатой лабораторией. Плохо дело. Атаковали лагерь явно со стороны сектора «В», ударили в самое уязвимое место у озера. Лес близко. Высунувшийся из люка Химик крикнул:

— Лабус, давай!

Я уже собрался выпрямиться, но среди деревьев мелькнула полупрозрачная фигура. В морозном воздухе ее очертания переливались радужными разводами, как пузырь жидкого геля в человеческий рост. Я вскинул пулемет, дал длинную очередь, целя в голову кровососа, и попал. Показалось, будто взорвался воздух, красные ошметки брызнули на кору деревьев. Тело мутанта налилось красками — пули, пробив череп, повредили мозг, и мне повезло, что первым они вырубili часть, ведающую мимикрией. Армейский лектор, посещавший когда-то нашу часть на Периметре, рассказывал, что в голове кровососа расположен узел нервной системы, позволяющий монстру быстро регенерировать поврежденные ткани и переходить в режим «стеле».

Я водил стволом пулемета из стороны в сторону, выискивая новые цели. Из колодца донесся гулкий голос Курортника: «Лабус!» — но я не обратил внимания, разглядев еще три призрачные фигуры. Первый кровосос упал на землю, а эти заходили с разных сторон — брали в клещи. Не успею добежать и спрыгнуть, догонят. Одна цель на одиннадцать часов, две на три часа...

— Лабус! — Голос Курортника прозвучал чисто, уже с поверхности — видимо, высунулся из люка.

Я крикнул, не оборачиваясь:

— На одиннадцать часов, прикрой! — и открыл огонь по кровососам. Они перебежали от дерева к дереву, ныряли под ветки, перепрыгивали кусты.

За спиной застрекотала штурмовая винтовка. Леха, как и я, не жалел патронов. Кровососы двигаются быстро, лучший способ их остановить — бить длинными очередями. Одного я зацепил, монстр замигал и проявился, пуля угодила ему в башку, но не убила. Я перенес огонь на второго, когда Леха сзади крикнул:

— Граната!

Боек в пулемете сухо щелкнул. Я откатился за дерево, поднял оружие, на грудь ссыпались разделившиеся звенья ленты. Я сбросил короб, воткнул магазин в приемник, перезарядил пулемет.

Бухнул взрыв, земля дрогнула, свистнули осколки. Выглянув из-за дерева, я выставил ствол пулемета.

На одиннадцать часов пусто. А на три?

Ветерок разорвал сизые клочья дыма. Оба мутанта потеряли невидимость. Один совсем как человек сидел под деревом, раскинув ноги, и взмахивал рукой, будто подгонял другого. Если бы не синюшная башка с распавшимися звездой щупальцами, я бы и вправду решил, что это человек. Второй бежал ко мне, пригнувшись, помогая себе длинными руками, как африканская горилла.

Леха первым открыл огонь, трассера вспороли воздух. Я вдавил спусковой крючок.

Мутант распрямился, встав на задние лапы. Брызгами крови взорвалось его колено, за ним бедро. Пули прошили широкую грудь, оставляя красные разрывы на теле. Кровосос

поскользнулся, инерция закрутила его, но он оперся на руки. Пули врезались в локтевые сгибы, монстр просел, подставляя под выстрелы голову, дернулся — в стороны разлетелась серая каша вперемежку с кусками затылочной кости. Кровосос рухнул под дерево в трех шагах от меня. Снова сухо щелкнул боек. Черт, я же магазин зарядил! Повезло, могло и не хватить патронов...

Я громко выдохнул. Оглянулся.

— Лабус, в люк! — скомандовал Леха. Я вскочил и в три прыжка оказался у колодца. Леха уже был в туннеле. Развернув пулемет стволом вниз, присел, ухватил рукоять гермозатвора, крикнул: «Спускаюсь!» — и прыгнул, потянув за собой крышку.

Люк бесшумно лег на уплотнители, я повернул руку. Щелкнул замок.

Я пригнулся и побежал за Курортником, на ходу вставляя новый магазин. Сквозь толщу бетона почти ничего не было слышно. Мерцал тусклый свет в редких лампах на стенах. Туннель выводил в траншею у кап нира, откуда работала ЗУ-23. Он слегка изгибался вправо и был в длину метров двести по моим прикидкам. Я лишь однажды пользовался туннелем, когда Карпом ставил те самые растяжки...

Почти над головой бухнул взрыв. Стены дрогнули, воздухе заколыхалась цементная взвесь. Я присел на одно колено, задрал голову, уставился в потолок. Хот подняться, но сверху опять рвануло.

Так, на растяжках кто-то подорвался...

— Лабус? — Курортник замер в проходе.

— Уже бегу.

— Скорей. Растяжки сработали, сейчас будет те море огня...

Я поднажал. Если Карп подорвет мины, то, чего доброго, ход обрушится.

Непрерывное мерцание ламп действовало на нервы. Видимо, от взрывов там что-то замкнуло.

Ближе к выходу стала слышна стрельба. Кто-то копошился возле двери, но я не мог его толком разглядеть, Курортник мешал. Туннель узкий, двое с трудом разминутся.

Леха выключил фонарь и присел. Под стеной, согнув колени, сидели Химик и Пригоршня, Лесник ничком лежал на полу.

— Где Отмель?

— Ушел. — Химик кивнул на дверь. — Сказал вас ждать.

— Черт! И как теперь...

Дверь распахнулась. Я успел привыкнуть к сумраку и зажмурился от дневного света.

— Все живы? — Юра пригнувшись держался за створку.

Грохот стрельбы ворвался в туннель. С пронзительным свистом на лагерь начали падать мины, и я втянул голову в плечи. Близкий взрыв потряснул землю. Отмель нырнул в дверной проем, в траншею за его спиной посыпались комья глины и песок. Опустив голову и высунув язык, в туннель влетел Арден. Он чуть не сшиб Леху, развернулся и прижался к ноге хозяина. Отмель схватил пса за холку, скомандовал: «Лежать!» — Арден тут же выполнил команду.

Что же это выходит, монолитовцы минометы для штурма лагеря подтащили? Ничего себе они развернулись...

— Отмель, на какой частоте сейчас работаете? — крикнул Леха.

Юра назвал цифры.

Я настроил радио. В ухо ворвались взволнованные голоса. По докладам я понял, что был прав — основной удар атакующих пришелся на сектор «В», с равнины не полезли. В других секторах по большей части наседали мутанты, псевдогиганты, кровососы и слепые псы с тушканами. Командиры групп доложили о потерях: в секторе «А» два тяжелораненых, один в завале после попадания мины в крышу убежища. Убитых пока нет. Пока...

Люди из группы Карпа в секторе «С» завалили десяток зомби, которые, выстроившись цепью, с оружием наперевес шли в психическую атаку. Доклад дослушать не удалось, радиосвязь исчезла, на ПДА упало короткое сообщение: атакующие подорвали «сборку» с какой-то хитрой электронной начинкой, эфир забило помехами. Кто же это делает? Действуют грамотно, разрушают цепочки управления, выводят из строя средства связи. Даже безмозглых зомби привели... Кто же их гонит сюда?

Ответ напрашивался сам собой: Осознание.

— Лесника здесь оставьте, — сказал Отмель. — Пригоршня, и ты тоже с этим... — он задержал взгляд на Химике.

— Химик я, — буркнул тот.

— С Химиком остаешься. Гранат много? Вместо ответа Пригоршня спросил:

— Ас этим что делать? — Он указал на рюкзак с ГСК под стеной.

Мы с Курортником посмотрели на Отмеля, который недоуменно нахмурился:

— Что это?

— Посылка для Григоровича, — ответил Курортник.

— Блин, так чего ж вы молчали?!

Где-то у ограждения жажнуло, с треском повалилось дерево. Я по губам разобрал, что Отмель матерится. Наконец он с трудом перекричал шум боя:

— Надо найти Григоровича! Он узел этот ждет уже неделю! — Одновременно Отмель отстукивал сообщение на ПДА. — Пригоршня, сделай связку из гранат и, если что, подрывай, к матери, туннель.

— Понял. А Лесник?

— Вытащите в траншею, дальше по обстановке. Вы, — Отмель повернулся ко мне и Лехе, — найдите Григоровича. Карп не может...

Все вокруг содрогнулось от близкого разрыва.

— Карп не может покинуть КП, но с вашей группой разобрались. Вас включили в общую сеть, з суматохе не пристрелят. А вы двое, — Юра переключился на Химику и Пригоршню, — лучше вам тут пересидеть. За своих не ручаюсь...

Сталкеры кивнули. Тут «зушка» в капонире затихла — стволы меняют, перегрелись.

— Где искать Григоровича? — спросил Леха. — Почему по радио не свяжешься?

— Прямое попадание в узел связи, полевой телефон молчит, наверняка провод оборвало. Григорович на установке был, проверь убежища в четырнадцатой. Как найдешь, передай приказ на запуск... Передай, пусть разбирает свою самоделку, а эту бандуру, — Отмель ткнул носком ботинка в рюкзак, — монтирует — быстро!

— Как найти установку?

— Не перепутаешь. Там такая громада из хромированных труб, с двухэтажный дом... Спросят, чей приказ, скажешь — мой. Ответственность на мне. Ну все...

Новый минометный залп заставил всех присесть, мины со свистом падали и рвались на поверхности, но в этот раз не так близко. Похоже, батарея монолитовцев обрабатывала сектор «Э».

— Сейчас вертушку поднимем. Нужно накрыть этих гребаных минометчиков! — выкрикнул Отмель. — Все, я на связи, иду на КП. Обязательно доставьте эту штуку к установке. Обязательно!

Он побежал в траншею и исчез за поворотом.

— Двинули? — Леха сощурившись грустно посмотрел на сталкеров. Скинул рюкзак, достал из боковых карманов несколько магазинов и стал рассовывать по жилету. — Там патроны и гранаты. — Он подтолкнул рюкзак к Химику.

Сталкер, отложив в сторону блестящий тубус, который крутил в руках, пока мы разговаривали с Отмелем, поставил рюкзак между ног, принялся распаковывать.

Я сбросил поклажу, отцепил короб — последний. Вынул магазины и сказал:

— За Лесником присмотрите. Гулко забухала «зушка».

Ну вот. Пока пушка стреляет, сюда ни одна тварь не пролезет, это же зенитная установка, у нее рассеивание ого-го.

— Запритесь! — бросил Леха. — Лабус, помоги!

Он, присев, набросил лямки рюкзака с ГСК на плечи. Я поддержал рюкзак, Леха выпрямил ноги и пригнулся — верхушка рюкзака уперлась в низкий свод.

— Костя, за мной! — Он нырнул в траншею, и я побежал следом.

* * *

Сколько выстрелов делает минометный расчет за одну минуту? А два расчета? А батарея? До чертиков...

Мы успели пробежать всего ничего, когда лагерь накрыл очередной залп. Курортник упал на дно траншеи, я кинулся в узкую щель позиции стрелка, удачно подвернувшуюся на пути.

Пару минут земля дрожала, воздух сотрясаясь от ударных волн, казалось, на лагерь падал дождь из ошметков почвы, щепок, песка и еще черт-те чего. Если бы здесь не было укрытий от выбросов, то оборону смяли бы в считанные минуты.

Пыль оседала на дно траншеи. До меня наконец дошло, что дрожь исчезла — обстрел прекратился. Я ничего не слышал. Вылез из ниши, цепляя пулеметом за бетонную стену, фыркая и кашляя. Лежа стоял на четвереньках и мотал головой. Он повернулся и сел, беззвучно открывая рот. Сдвинул очки на шлем — рожа вся в песке, а вокруг глаз чистые розовые овалы.

— ...шишь, Лабус! Ты слышишь меня?! — проорал он.

Я вздрогнул. Будто переключателем в голове щелкнули... Я сглотнул и тут же пожалел об этом. Боль впиалась в виски, штырем вошла в затылок. Перед глазами поплыли круги, я упал на колени, и тогда меня вырвало.

— Лабус!

Курортник, схватив меня за шиворот, усадил под стенкой.

— Лабус!!!

— Не ори, — сморщился я. — Все, все, порядок. — Идти можешь?

— Смогу.

— Тогда за мной.

Над лагерем разнесся звук раскручиваемого ротором вертолетного винта. Видимо, атака захлебнулась. Как вообще ни одна из мин не угодила в вертолеты на площадке за озером... Чистое везение. Бог любит пехоту.

Пробежав по траншее, мы выскочили к здоровенному комплексу оборудования, размещенному внутри строительных лесов из хромированных труб. Я прикинул высоту — в пару этажей будет. Несколько уровней с мостками и короткими лесенками, часть агрегатов затянута маскетью.

Лежа оглянулся, я кивнул, и тогда он скомандовал: . — Наверх.

Мы выбрались из траншеи, бегом миновали трансформатор и дизельный агрегат. Сбоку догорал научный модуль. Очки надежно защищали глаза от густого дыма, в воздухе стоял едкий запах паленой синтетики и летали обугленные ошметки ткани.

Рокот вертолетного двигателя стал громче.

Наконец мы обогнули строительные леса. Ветер сносил дым пожарищ к лесу, скрывая нас от противника. Лежа, на полном ходу проскочив открытое пространство, спрыгнул в воронку, а я остановился. Меня качнуло, я ухватился за хромированную стойку, присел и выглянул за угол. Вертушка, задрав хвост, неслась над водой, набирая высоту. Под пилонами — кассеты с неуправляемыми ракетами и пара ПТУР Ну сейчас будет!

Откуда-то из леса на другом берегу вынырнула дымная черта. Вихляя, ракета нарисовала запятую и догнала вертолет.

Хлопок, треск, облако огня — лопасти разлетелись, как сломанные спички. Еще несколько секунд вертолет летел по прямой, уже абсолютно беззвучно. Машина такого класса, даже если разрушить несущий винт, будет держаться в воздухе, главное — исправность заднего винта и двигателя.

Раздался хруст, из движка рванулось пламя, вертушка клюнула носом и упала в озеро, подняв фонтан брызг.

Кабина быстро исчезла под водой, взбурлившие волны загасили огонь. Задняя балка погружалась, работающий малый винт, как миксер, с жужжанием вспенил узкий участок вокруг, прежде чем машина полностью ушла под воду.

Все, приплыли — в прямом смысле. Теперь надежда лишь на то, что запас мин у монолитовцев не бесконечен...

— Лабус, за мной!

Мы кинулись к убежищу четырнадцатой лаборатории. Над лагерем повисла неестественная тишина. Ни одной живой души на поверхности. Пулеметы молчали. Только мы с Курортником неслись как сайгаки, перепрыгивая воронки, огибая пожарища и перебираясь через поваленные деревья.

Леха спрыгнул в очередной ход сообщения, проскочил узкую траншею — я за ним — и с разбегу ударил подошвой по массивной бронированной двери, вшитой в бетонные стены.

— Открывай! — Он забарабанил прикладом. — Открывайте, это Курортник! Григоровича мне!

Я побрел в дальний конец траншеи. Надувной модуль четырнадцатой лаборатории выгорел дотла, дымить было уже нечему, в воздухе под порывами ветра кружился пепел. Стеллажи с оборудованием в копоти, пластиковые корпуса оплавившись, провода спеклись. Вонь такая, что хоть противогаз напяливай.

Поставив пулемет на бруствер, я глянул на сторожевую вышку. Если пулеметчик жив, то у нас есть шанс быстро доставить Григоровича к установке. А если мертв, то... Приказы выполняют, а не обсуждают. Не доставим Григоровича, будем лаборанта нашего мутировавшего искать, он должен знать, как включается ГСК. Персонал попрятался по норам, а мы люди военные, у нас другая философия, придется выковыривать этих ботаников из схронов...

Взгляд зацепился за квадроцикл, стоящий у цистерны с горючим, наполовину врытой в землю. Кто-то заправлялся, да начавшийся штурм помешал — шланг с воткнутым пистолетом торчал из бака машины. И как только бочка не рванула...

— Да открывай ты, я сказал!

Леха перестал барабанить — похоже, кто-то из-за двери ответил ему.

Я всматривался в лес. Может, монолитовцы решили не продолжать атаку? Хотя скорее просто перегруппировываются.

За спиной послышался шорох, скрип, потом — ругательства Лехи. Я оглянулся. Дверь открыли.

— Где Григорович?!

— Здесь нет, — долетел испуганный голос.

— Ну так где он?!

— Во втором убежище. Наверное...

Маггупа! Вот это мы попали с Лехой — второе убежище у командного, за рощей!

— Связь со вторым есть?

— Нет.

Краем глаза я уловил движение справа, дернулся, разворачивая пулемет. Три головы в шлемах плыли над бруствером соседней траншеи. Мужики из отряда От-меля. Фух... Я громко выдохнул.

Донесся голос:

— Лабус, ты? Свои, не кипешуй.

— Григорович где?

— Не знаем, — ответил тот же человек. — А у вас что?

— Тихо.

— А кто орал? — Вопросы наверняка задавал старший в отделении, но голоса я не узнал, а разглядеть лицо за широкими очками и черной маской не мог.

— Курортник орал.

— И Леха здесь! — воскликнул другой боец.

— Кто там? — Курортник неслышно подошел со спины.

— Крот. Со мной Матвей и Федор, — ответил старший.

— Радио работает?

Я отодвинулся, Курортник оперся о бруствер. Два во-енстала прошли вперед по соседней траншее и заняли позицию ближе к ограждению. Крот задержался, отвечая Лехе:

— Карп возится, пытается восстановить. Хреново. Мины по периметру лагеря — радиоуправляемые.

Как-то глупо выглядели наши перекрикивания в притихшем лагере. Будто мы одни

остались...

Я решил предупредить военсталов про Химика с Пригоршней и начал:

— Там в подземном ходе у ограждения...

— Знаю, — перебил Крот. — Отмель приказал их вытащить.

Молодец командир смены охранения, обо всем успел подумать.

— Так, Костя, дальше бежим, — решил Курортник. — Времени совсем в обрез.

— Зачем бежать? Поехали, — я кивнул на квадроцикл.

Курортник присмотрелся к нему и неуверенно хмыкнул, пожал плечами:

— Ладно, давай так. — Он полез из траншеи.

— Я поведу, — сказал я, выбираясь следом.

Мы подбежали к машине. Леха вытащил пистолет со шлангом из бака, швырнул на землю. Я прыгнул в седло, заглянул в бак — под завязку. Закупорил его пробкой, болтавшейся на цепочке, выжал сцепление, включил зажигание и щелкнул стартером. Двигатель чихнул, я поддал газу, машина взревела на высоких оборотах. Оглянувшись — Леха выкинул какой-то ящик из сетчатого багажника за сиденьем и уселся позади меня. Хлопнул по плечу:

— Поехали!

Я сбросил газ, стукнул ногой по переключателю скоростей, плавно отпустил сцепление — квадроцикл резво покатиł вперед.

— Держись! — крикнул я.

Курортник обхватил меня за пояс. Разогнавшись, я перескочил траншеею, одно колесо ударило по кочке, машина подпрыгнула, накренилась. Леха за спиной дернулся в другую сторону, действуя как противовес. Квадроцикл встал на четыре колеса, и я повел его вдоль траншеи. Тут деревьев меньше, быстрее доберемся до цели.

Мы пронеслись мимо военсталов Крота и выскочили из рощи. До командного осталось метров пятьсот. Лучи закатного солнца искрились на озерной глади, возле площадки приземления горели склады. За черным столбом дыма с трудом угадывались очертания «минарета» — башни радиолокационного комплекса. На вершине вращалась радарная стойка. Значит, пашет еще оборудование. Карп наверняка связь пытается прокачать.

Квадроцикл катил по ровному открытому участку, куда не упала ни одна мина. Впереди были две плоские возвышенности правильной формы. Первая — командный пункт, его накрывала широкая плита с четырьмя башенками-капонирами по углам. Как бы не пальнули сгоряча... Из центра плиты торчала труба перископа, выполняющая также функцию колодца для многоступенчатой антенны. Вторая возвышенность — убежище. Самое крупное в лагере, сейчас там несколько десятков человек должно быть.

Ну вот мы и на месте...

Не успел я додумать, как столб «минарета» рассекла пополам яркая вспышка. Облако плазмы поглотило одну треть башни, ударная волна с секундным запозданием пробила по ушам. Я не удержал руль, машина вильнула, меня бросило вперед, ручка газа саданула по ребрам. Скорость резко возросла, Леха вылетел из седла, я дернул газ, выкручивая руль, — квадроцикл встал на дыбы, как необъезженный жеребец. Из-под передних колес выстрелили комья грязи, один ударил мне в лицо, я взмахнул руками и грохнулся на спину.

Перехватило дыхание. Перед глазами проносились звездочки, взмывали в небо и таяли. Я лежал, выставив руки перед собой, сжимая несуществующий руль, и жадно ловил воздух ртом.

Затрещали выстрелы. Я подхватил пулемет с груди, перевернулся.

— Подъем, Лабус!

Мимо, сильно хромая на правую ногу, проковылял Курортник. Винтовка в левой руке, правой держится за бедро.

Выстрелы звучали все чаще.

В мапуку вас всех! Сам вызвался вести и чуть не угробил нас обоих...

В горле запершило. Кашляя, я поднялся на четвереньки.

— Быстрей, Лабус! Транспорт восстанови, — скомандовал на ходу Курортник.

Рядом был двигателем перевернутый квадроцикл. Он опирался на руль и крылья задних колес, ручку газа заклинило, прижав к земле, колеса бешено вращались. Я быстро подполз,

просунул кисть между топливным баком и рулевой вилкой; на ощупь отыскав тумблер, выключил зажигание.

Двигатель смолк, но колеса по инерции еще крутились. Я взялся за руль одной рукой, другой случайно коснулся движка, отдернул — горячий. Ухватил заляпанную грязью подножку и перевернул машину. Скрипнули амортизаторы — угробим боевого коня, точно угробим. Перебросив рычаг скоростей на нейтралку, я вдавил кнопку стартера. Квадроцикл мелко завибрировал, полившийся из трубы натужный рокот перекрыл звуки выстрелов. Глушитель от удара где-то треснул.

Взгромоздившись на сиденье, я окинул взглядом равнину.

Вот она, Лабус, настоящая мапула! Такой ты не видывал еще в своей жизни и вряд ли когда-нибудь увидишь.

С холма на лагерь бежали мутанты. Волна, лавина темных тел. Их не остановишь пулеметами, тут нужны огнеметы, а лучше — установки залпового огня. Увидев эту картину, я непроизвольно выкрутил газ. Рев двигателя отрезвил. По шлему стукнули, я обернулся — сзади стояли трое: Леха, Григорович и...

— Лаборант! — невольно воскликнул я, подавшись к нему.

Пацан отшатнулся. Костюм как новенький, личико бледное, без паутины порезов, в глазах страх. Нет, это совсем другой Кирилл, не наш. Это Кирилл из прошлого, тьфу, настоящего — этого настоящего...

— Вези к установке! — крикнул Курортник и бросил в корзину за сидущой рюкзак. Прихватил ремешками, дернул. — Не вывалится! Я так доковыляю! — Он помог ученым забраться на сиденье и дважды хлопнул меня по плечу.

Разворачиваясь, я еще раз окинул взглядом равнину. Буро-черная лавина почти достигла линии ограждения, когда в небо по периметру лагеря взметнулась стена огня.

Глава 21 ВЫБРОС

Справился Карп, подорвал мины. Огненное море залило окрестности. Рыжие языки лизали небо и лес, сливались в адской пляске.

Мелькание вспышек, треск выстрелов, дым, гарь и пепел — голова шла кругом. Я крепче сжал руль. Сосновая роща быстро приближалась. Григорович обхватил меня так, что сперло дыхание. Ревел двигатель сквозь пробитый глушитель. За дымом и деревьями смутно виднелись очертания установки, над ограждением маячила вышка, откуда вел огонь пулеметчик. Чт он стреляет, я определил не по звуку, а по желты вспышкам-звездочкам на срезе пламегасителя. Казалось, что площадка с козырьком парит в воздухе над густым слоем дыма, нарушая все законы физики.

Вспышка, воздух на мгновение уплотнился, от ударной волны зазвенело в ушах, вышку сожрало пламя. Над ухом вскрикнул Григорович — он тоже видел.

Я порулил к траншее, где должны были находиться военсталы из отряда Отмеля. Из леса напротив веером вылетели трассера. Странное ощущение: выстрелов не слышишь, а пули — вот они. Пронесются, как светлячки, рядом. Впиваются в деревья, рикошетом срываются в сторону, вздымают комья земли, уносятся в небо.

По бедру будто крапивой приложили, я стиснул зубы — смотреть некогда. Глушак чихнул, двигатель неожиданно смолк, мы покатались по инерции. Я попытался запустить движок, лихорадочно вдавливая кнопку большим пальцем. До спасительной траншеи было метров десять, когда пулеметная очередь, подбивая дерн, чертя пунктир на земле, рванулась в нашу сторону. Со звоном разлетелись фары дзенькнул двигатель, из бензобака плеснуло струйкам топливо. Резкий запах бензина ударил в нос. Щеку обожгло, и тут же что-то врезалось в шлем, меня выбросило из седла. Я взмахнул руками, как циркач перед выступлением, заорал и шмякнулся на землю.

Нет, Лабус, тебе определенно пора на пенсию. Эт не твоя война. Только приказ Отмеля

выполнить, а там...

Я лихорадочно шарил рукой в поисках пулемета. Перед глазами плавали круги. Пальцы нащупали ремень, я подтянул к себе оружие и стал подниматься. Ноги плохо слушались. Может быть, действительно вокруг слишком много дыма, а может, это мне не удастся сфокусировать взгляд...

— Кирилл! Серега! — прохрипел я.

— Тут!

Я обернулся на голос. Зрение все-таки вернулось. Здорово меня приложило.

— Лежать!

Задние колеса квадроцикла торчали из траншеи, один ремешок крепления лопнул, и рюкзак сполз на седло из сетки за сиденьем.

— Ползком за мной, в траншею. — И я пополз, быстро загребая локтями.

Очутившись в траншее, выпрямился. Следом по стенке съехали ученые. Я надавил на плечо Григоровичу, прижимая к стене, он замотал головой — глаза круглые, очумелые.

— И ты сиди! — приказал я Кириллу. — Спокойно, Серега! Запустить установку сможешь?

— А?

— Установку запустишь?! Григорович кивнул:

— Нужно в модуль как-то попасть, там компьютеры...

— Сгорела твоя матбаза!

— Тогда принудительный пуск. — Он собрался, наморщил лоб, выражение растерянности покинуло лицо. — Вмонтировать ГСК в схему — минута. Зарядить «пулю» и повернуть рубильник. Дизель запустить только, напряжение подать...

Рядом раздалась отборная брань, тут же беспорядочная стрельба заглушила крик. Я вскинул оружие. В со седней траншее сцепились Крот и монолитовец. Сквозь дыру в ограждении, стреляя на ходу, проскочили еще два сектанта. Я вдавил спусковой крючок, пули опрокинули одного. Второй нырнул за дерево, я развернулся — третий монолитовец душил Крота. Сектант замахнулся ножом, и я выстрелил. Пуля пробила висок, башка уби того дернулась и пропала за краем траншеи. Следом надрывно кашляя, исчез Крот.

Я спрятался за бруствер. Вовремя — над головой свистнули пули.

— Крот! Один за деревом на десять часов! Военстал прохрипел:

— Понял...

Пригнувшись, я побежал в дальний конец траншеи. Если Крот отвлечет монолитовца, я выскочу сбоку и.. Близко бухнула граната, в соседней траншее раздало короткий истошный вопль. Со стороны ограждения до неслаась частая стрельба.

— Крот? Нет ответа.

— Крот!!!

Я выглянул, подняв пулемет над головой, и дал длинную очередь наобум.

В такой ситуации невозможно определить количество нападающих. Главное — сбить темп наступления. Заставить остановиться, отвлечь на себя.

Впереди мелькнули иссиня-черные комбинезоны. Сколько их там уже — пять или шесть?.. Крупная фигура прыгнула в соседнюю траншею.

Привалившись спиной к стенке, я вынул гранату из подсумка. Всё, Крот убит, это он орал. Нет у меня больше помощника, монолитовцы смяли рубеж обороны перед четырнадцатой. Молчала «зушка» в капонирах. В лагере хаос, связи нет, отдельные военсталы дерутся с сектантами по траншеям — теперь каждый сам за себя.

Я сорвал кольцо и бросил гранату по высокой навесной траектории. Сразу достал вторую — и повторил. Выщелкнув пустой магазин, зарядил последний короб с лентой на сотку. Оторвался от стенки и побежал к жавшимся друг к другу Григоровичу и Кириллу.

Бабахнули один за другим взрывы.

Сграбастав Григоровича за шиворот, я стал быстро объяснять:

— Я прикрою, патронов хватит на две... три минуты. Сколько точно нужно времени на запуск твоей шарманки?

Он, сглотнув, ответил:

— Две минуты. Но помощь ассистента нужна.

Я глянул на Кирилла. Нет, это точно другой. Тот Кирилл, которого я знал, справился бы. А этот...

— Делай работу, ни о чем не думай, главное, запусти свою шарманку. Сможешь?

— Но...

В наушнике зашипело, пару секунд звучал обрывок доклада из сектора «А». Связь есть! Следом раздался громкий голос Курортника:

— Лабус, я здесь.

Прямо над нами возник Леха, он трижды выстрелил и съехал в траншею, зацепив ногой Кирилла за плечо. Тот охнул, отпрянул. Леха присел рядом.

— Ну, Лабус, тебя только одного на задания посылать...

Глаза его блестели, на миг показалось, что в нем притаилось безумие, но это просто белки контрастировали с черным от копоти лицом. Очки Курортник где-то потерял.

От капонира с ЗУ-23 долетела стрельба.

— Это Пригоршня, — скалясь, сказал Курортник. — И Химик.

Он сел, прижавшись спиной к бетонной стенке, выставил оружие, готовый в любой момент вскочить и выстрелить.

— Откуда знаешь? — Я переложил магазины в свободные нагрудные карманы.

— Видел их. У тебя кровь на щеке и шлем нехил раскроило.

— А они нас видели? — Я ощупал шлем — он треснул от темени до затылка, в широкую щель пролезал па лец. Непонятно, как он до сих пор не развалился на две половинки.

— Меня видели, — уточнил Курортник. Упер приклад винтовки в плечо, левой рукой из наплечного кармана вынул индивидуальный пакет, протянул мне: — На.

— Потом.

Леха спрятал пакет обратно.

— Григорович, тебе для полного счастья... чтоб у тановка работала, чего не хватает?

— Дизель-генератор запустить. — Ученый успе выковырять из багажника квадроцикла рюкзак с ГСК сидел с ним в обнимку.

— Я сделаю.

— «Пулю» я сам заряжу. — Он показал зажатый в кулак цилиндр из прозрачного пластика, и я вспомнил, что видел такой же у Лесника. Пригоршня Григоровичу один подарок тащил, Лесник — другой...

— Знакомая вещичка, — хмыкнул Леха.

А он определенно завелся, глаза блестели азартом. Я подумал: нет в лагере хаоса, это я зря паниковал. Где-то у командного шла непрерывная стрельба, гремели взрывы гранат. Там обороной руководил Отмель. По радио доносились короткие доклады. В секторе «С» Карп со своей группой дрался с монолитовцами врукопашную. Кончались боеприпасы. Я глянул на часы — до выброса осталось десять с небольшим минут. Каких-то десять минут продержаться, запустить установку и укрыться в бункере, в какой-нибудь землянке, блиндаже...

— Взрыв будет сигналом к началу движения. — Курортник отстрелил рычаг предохранителя от корпуса «эфки». Подбросив на ладони гранату, привстал и, сильно размахнувшись, швырнул.

— Лабус, пятеро «черных» за деревьями у ограды. Я не успел кивнуть — грохнул взрыв.

Вскочив, мы начали стрелять.

Монолитовцы не дураки, умеют воевать. Со своей позиции я разглядел только двоих, они ждали нас и открыли ответный огонь — пришлось нырять за бруствер. Трое залегли где-то между деревьями, отвлеченные Химиком и Пригоршней.

Пригнувшись, я побежал вперед. Леха скомандовал за спиной:

— Давай, Сергей! Давай, шевелись!

Я снова высунулся, вскинул пулемет, выжимая спуск. Бой на короткой дистанции, мало места для маневра, множество естественных и рукотворных укрытий одновременно помогают и усложняют ситуацию. Тебя противник не может легко достать, но и ты не попадаешь. А рикошетом можно ранить своего. Самое опасное — сокращение дистанции до броска гранаты.

Я поливал длинными очередями, не давал сектантам высунуться. Если ты пулеметчик, то в бою в тебя будут стрелять вдвое чаще. Я своего добился — монолитовцы отвлеклись. Одного достал, когда тот хотел сменить позицию, но четверо других разделились на двойки и начали приближаться, прикрывая друг друга. Молча перебегали от дерева к дереву, сигнализируя жестами.

Я отвлекся, выискивая взглядом Курортника с Григоровичем. Ученый добрался до установки и медленно поднимался по лесенке на первый ярус. Леха, застряв на полдороги к дизель-генератору, укрывшись за деревом, стрелял одиночными.

В лицо ударил фонтан земли, над ухом вжикнула пуля. Я спрятался за бруствер, пробежал назад несколько шагов. В конце траншеи, накрыв голову руками, сидел Кирилл.

Погибнет пацан. Нужно перебраться в соседнюю траншею, там вход в убежище. Туда ему надо, чтоб не мешался под ногами.

Высунувшись, я дал короткую очередь. Слева, среди деревьев, мелькнул Пригоршня. Он тоже заметил меня и успел укрыться за дизель-генератором, прежде чем монолитовцы начали в него стрелять. Двое сектантов побежали к сталкеру. Обойдут и либо гранатами закидают, либо пристрелят. Влип парень.

Я нырнул за бруствер.

А где Химик? Пробежав еще немного вперед — нужно постоянно менять позицию, — я выглянул. Из-за угла трансформаторной аккуратно выдвинулась фигура в драном камуфляжном свитере. Лицо Химика было сосредоточенным и слегка отрешенным. Он взмахнул рукой, в лучах заходящего солнца блеснул вращающийся толстый цилиндр, похожий на тубус для чертежей.

— «Сборка»! — выкрикнул Химик и отступил назад.

Чем он зарядил адскую машинку, я не знал, но времени смастерить ее было предостаточно. Раз орет, предупреждая всех, значит, «сборка» имеет боевую начинку и сейчас рванет. Падая на живот, я крикнул Кириллу:

— Зажмурься!

Хлопок, треск разрядов. Озоном пахло так, что голова закружилась. Я вскочил, вскинул пулемет — и замер. Яркие молнии ринулись из центра вздувшегося, налитого зеленью пузыря между деревьями. Один монолитовец погружался в желеобразную массу, будто угодил ногами в зыбучий песок. Аномалия пожирала его. Лоскутами расползался комбинезон, исчезала кожа, проступали сухожилия и мышечные волокна, вскипала кровь. Двоих молнии пригвоздили к деревьям, они дергались, сучили ногами. Четвертый как зомби плелся в мою сторону, волоча автомат за ремень.

Скользнувшая ко мне ломаная яркая линия, вычертив зигзаг и пронзив толстую сосну, застыла. На конце сверкнул разряд, посыпались искры. Молния взлетела выше, распрямилась, как лапа гигантского паука, и, надломившись, вонзилась в голову сектанта, пробила тело насквозь. Разряд ударил в землю между ног, взметнул облачко пыли и исчез. Мертвец рухнул на бруствер. Из пробитого шлема плеснулось что-то пузырящееся. Выйдя из оцепенения, я пошел боком, вжимаясь в стенку траншеи. Труп монолитовца исчезал на глазах, растворялся, превращаясь в кипящую зеленую жижу.

Я проглотил ком, подкативший к горлу. Сектанты умерли молча, не издав ни звука. Чем начинил свою аномальную гранату Химик?

Рядом раздалось перханье, я развернулся, едва не выстрелил — Кирилл стоял на четвереньках, его рвало.

— Мапупа... — прошептал я. Если сталкеры научились делать такое оружие, то скоро мы будем не с мутантами бороться, а отлавливать всех бродяг без разбора...

Я огляделся, схватил Кирилла за шиворот и рывком поставил на ноги.

— Вставай! За мной давай!

Вскарабкался на бруствер. От тел монолитовцев, попавших под молнии, остались пузырящиеся лужи. Зеленая жижа с шипением таяла, стреляя искрами разрядов, издавая кислый запах перегноя.

Жуткая смерть. Страшное оружие. Зеленые молнии и желе в одном флаконе... Я вспомнил, что на поляне у заимки Лесника видел подобное, когда срослись холодец и электра. Может,

Химик использовал в «сборке» продукт новой аномалии?

— Помогите, — произнес за спиной Кирилл.

— Руку!

Ухватив его запястье, я вытащил лаборанта на бруствер и крикнул в лицо:

— Соberись!

У ограды послышались треск ломающихся веток и рычание.

— В убежище, быстро!

Хотелось дать Кириллу хорошего пинка, но не было времени. Парень чуть не кинулся обратно в траншею, я поймал его за рукав:

— Не туда! В другую давай, вскрой там дверь...

Громкий рык заставил обернуться. Псевдогигант застыл между столбами ограждения. Он чем-то напоминал буйвола, стоял на четырех лапах, пялился на меня налитыми кровью глазами с куриное яйцо. Эта туша весом в несколько центнеров может очень резво передвигаться, и монстр, если преследует добычу, почти неутомим. Он махнул передней лапой, когти взрыхлили землю.

— Лабус!

Мутант повернулся на крик Химика. Они с Никитой волокли Лесника между дизель-генератором и трансформаторной. Курортник, сорвав кожух с генератора, возился с топливным насосом. Никто пока не замечал монстра за приземистыми строениями.

Псевдогигант наклонил голову, разглядывая сталкеров, плетущихся мимо трансформаторной. Выбирает, гад, кто ему вкусней...

— Гигант! — Я вытянул руку, показав сталкерам на монстра.

Они повернули головы, Пригоршня охнул. Бросив Лесника, оба схватились за оружие.

Леха упер ногу в плиту, на которой стоял движок размером с кабину «КамАЗа». Не обращая внимания на мои крики, двумя руками дернул кольцо пускового устройства, раскручивая шкив на маховике. Дизель чихнул, плита заходила ходуном. Рык псевдогиганта слился с рокотом набирающего обороты двигателя.

Монстр рванул к сталкерам.

Я не мог стрелять — мешали деревья, но Химик и Пригоршня открыли огонь. Я бросился к установке, чтобы выскочить на открытое пространство и расширить сектор стрельбы, крича на ходу:

— Наверх! Лезьте на установку!

Не успеют. Сейчас гигант собьет сталкеров с ног и растопчет. Тварь заревела, Химик и Пригоршня клали пулю за пулей в огромную тушу. Мутант зацепил боком дерево, поскользнулся и протаранил башкой кубы аккумуляторных батарей — брызнул электролит.

Я выскочил на открытое пространство в трех шагах от него. Псевдогигант поднимался. Перед глазами выросла покатая спина. В носшибанул запах звериного пота. Я вскинул пулемет, выжимая спусковой крючок, — оружие не выстрелило. Патроны в ленте, предохранитель выключен... Снова вдавил спуск, но он стоял мертво. Я хотел скинуть короб, перезарядить оружие — нет, руки не слушаются. Да что происходит?!

Псевдогигант замер, нависнув над сталкерами. Пригоршня с Химиком стояли над Лесником, Леха — возле дизель-генератора, подняв оружие, щека прижата к прикладу, палец на спусковом крючке. Мерцал в пыли пунктир лазерного целеуказателя. На землю упал пустой магазин, Леха достал новый и вогнал в приемник. Я успел подумать, что он хочет всадить пулю мутанту в глаз. Картина казалась голограммой с густыми, насыщенными красками. Почему я и остальные не можем двигаться — только Леха?

А потом я увидел Кирилла за спинами сталкеров. Нашего Кирилла. Он сильно изменился — почерневшее от порезов лицо, будто на кожу нанесли татуировку, глаза закрыты. Это он держит нас под ментальным контролем. Вот почему я не могу выстрелить. Он пришел мстить! Гигант вот-вот обрушится на сталкеров...

Кирилл оскалился, вытянув перед собой руки. Псевдогигант вздрогнул и неуклюже развернулся на задних лапах.

Пригоршня повалился на Лесника. Химик вскинул штормовую винтовку. Леха оглянулся

на Кирилла и побежал к установке.

Псевдогигант повернулся к ограде. В пролом, вереща, высыпали тушканы. За ними лезли слепые псы. Мутанты мешали друг другу, рыжие бестии с ментальным нюхом как ополоумевшие кидались на тушканов, грызлись друг с другом. Свора металась, выискивая укрытие от выброса.

Гигант тяжело опустился на передние лапы. Рыкнул, покорно склонив голову, ожидая команды хозяина. И я понял: Кирилл, подчинив мутанта, накачивает его сознание злостью, псевдогигант нужен ему как оружие против тварей, что рвутся сквозь ограду.

Мутант стал ритмично бить по земле задними лапами, как это делают быки перед тем, как броситься на тореадора.

Кирилл взмахнул рукой. Мне показалось, что с его пальцев сорвались искрящиеся сполохи, промчались по тонким, как леска, нитям к шее псевдогиганта, замкнулись в кольцо. «Ошейник» ослепительно вспыхнул — мутант ринулся навстречу своре. Я не экстрасенс, нет у меня никаких способностей, но я видел это...

Курортник подбежал к установке. Выйдя из ступора, я кинулся следом. Леха, оттолкнувшись от лестничной ступеньки, подпрыгнул, повис на хромированной балке. Бросив ноги вверх, сделал подъем переворотом, протиснулся между перилами ограждения первого яруса.

— Сергей, долго еще?! — крикнул он, выпрямляясь. Облокотился на перила, задрал голову, пытаясь разглядеть Григоровича на втором уровне среди секций с оборудованием.

Щелкнул выстрел.

Леха присел, прижавшись к пластиковому кожуху аккумуляторных батарей, выхватил пистолет.

Я поднял пулемет. На предпоследнем ярусе установки я опознал ГСК; из-за секции, забранной решеткой в мелкую ячейку, вышел Григорович. Застыл между двумя широченными раструбами. Взгляд растерянный, рука прижата к животу. Ученый отнял ее, удивленно поглядел на ладонь, пошатнулся и, перевалившись через перила, упал вниз.

Тело стукнулось о землю передо мной, подняв облачко пыли.

— Лабус, заberi его! — Леха уже бежал по пандусу. Я присел, глядя вверх. Нашупал голову Григоровича.

Пальцы скользнули на шею. Пульс есть. Жив.

Курортник, гулко бухая ботинками по металлической площадке, добежал до поворота, когда сверху высунулся монолитовец — офицер, судя по серебристому шеврону на плече. Забрался, гад, с другой стороны, сейчас начнет отстреливать нас, как зайцев. Леха выстрелил несколько раз, но больше для острастки — он старался не повредить установку. Офицер скрылся из виду, Курортник полез вверх, цепляясь за хромированные балки и выступы агрегатов.

От ограды летели визг, вой и рык. Я обернулся. Псевдогигант бесновался в проломе, орудуя лапами, как американский гризли. Рвал зубами кидавшихся на него тварей, отбрасывал от себя. В загрохот его мертвой хваткой вцепился слепой пес и болтался, как тряпка. Несколько тварей пытались ухватить гиганта за ляжки, но он крутился волчком. Псы и тушканы разлетались вокруг, под ударами огромных лап с хрустом ломались кости. А Кирилл стоял на том же месте и дирижировал «оркестром».

— Лабус, куда нам? — прохрипел Пригоршня, вместе с Химиком подтащивший ко мне Лесника.

Ну да, они же не знают, где убежище...

— В первую траншею, там дверь в нише. Туда... — Я указал направление, схватил за ворот ученого и, пятясь, поволок его к траншее.

Григорович простонал:

— Зарядить «пулю»... рубильник... Голова его свесилась набок.

Леха уже забрался на второй уровень и крался к короткой лесенке, в любой миг готовый выстрелить.

Мне мешал пулемет, я перекинул его за спину, глянул на часы — меньше пяти минут до выброса.

— Лабус, тут Кирилл! — ошарашенно крикнул Пригоршня.

Я оглянулся. Кирилл забился в угол в конце траншеи, съежился рядом с телом Крота, изуродованным взрывом гранаты. Пацана трясло. Дверь в убежище была заперта.

Не откроют. Сейчас нам не откроют, не впустят...

— Возьмите Григоровича! — Я положил ученого на бруствер. Спрыгнул, лихорадочно соображая, что делать. Нужно помочь Лехе — и нужно вскрыть дверь. Кирилл должен знать код. Я сграбастал его за шиворот, поднял и потряхнул:

— Вскрывай!

Лаборант затравленно поглядел на меня.

— Кирилл, соберись! Какой код?!

— Три, восемь, ноль... — Он запнулся. — Один.

Код всегда был простым, из четырех цифр, обновлялся только с каждой сменой караула. Я оттолкнул лаборанта в сторону.

— Пригоршня! Три, восемь, ноль, один. Набирай!

— Смотрите! — воскликнул Химик, махнув рукой.

На вершине установки Курортник сцепился с монолитовцем. По лесенке на первый ярус карабкался наш Кирилл.

Я выскочил из траншеи, выхватил пистолет. Дежа вю: Курортник на высоте бьется врукопашную с сектантом... Я уже видел это!

— Лабус, справа!

Я не успел среагировать. Рыжая тварь сбила меня с ног. Пистолет отлетел куда-то. Перехватив одной рукой крепкую шею, другой я ударил слепую собаку по морде. Клацнули челюсти перед носом. Тварь разодрала лапой щеку, от резкой боли я ослабил хватку...

Сбоку мелькнуло белое пятно. Слепому пса смело с моей груди, словно ударили по мячу бейсбольной битой. Загрохотали выстрелы.

— Арден, ко мне! Отмель! Это его кавказец!

Кожа на лице горела, левый глаз заливала кровь. Я оперся на локти, с трудом приподнялся. Отмель, присев на одно колено, стрелял по мечущимся среди деревьев тварям. Арден кинулся к хозяину, бросив на землю мутанта с перекушенной шеей. У ограды выросла груда тел. Тушканы и слепые псы смешались в шевелящуюся массу и погребли под собой псевдогиганта.

Донесся крик Пригоршни:

— Открыл!

Отмель прыгнул на бруствер, громовым голосом скомандовал:

— Всем в убежище!

Никиту бы точно застрелили, а дверь закрыли обратно, если бы не появление самого начальника смены охранения.

Я все-таки умудрился сесть, вытянул из-за спины пулемет и от пояса, не целясь, выстрелил. Набегавший тушкан взвизгнул, сбоку выскочил Арден и набросился на него. Пулемет щелкнул — кончились патроны. Я выхватил нож, в развороте насадил на острие прыгнувшую слепую собаку. Опрокинулся навзничь, сбросил труп с распоротой грудиной.

Подбежал Отмель. Ухватив меня за лямку жилета, стащил в траншею.

— Арден, ко мне!

— Нет, Отмель! — прохрипел я, высвобождаясь. — Леха там! — И с трудом встал.

Мимо пронесся Арден, пулей влетел в убежище.

Земля мелко задрожала, с бруствера посыпался песок, от нарастающего гула зазвенело в ушах.

Твари в панике металась между деревьями, сталкивались, выли и визжали. Гул нарастал, как звук турбины реактивного двигателя перед взлетом истребителя.

Мой взгляд уперся в установку.

Наш Кирилл откинул крышку зарядника, вложил туда что-то, захлопнул. Взялся за рубильник и поднял голову, обратив к небу темное лицо, будто ожидая чего-то.

По верхней площадке катался клубок тел. От удара в сторону отскочил матово-черный шлем сектанта. Клубок расцепился, Курортника от падения спасли перила. Монолитовец вскочил, поднял пистолет.

Выстрел.

Кирилл дернулся, опустил голову. Наши взгляды встретились. Он вдруг улыбнулся мне. Курортник сзади прыгнул на сектанта. Выстрел.

Кирилл качнулся, но устоял на ногах.

У меня на часах пискнул таймер обратного отсчета.

Пять...

Леха пробил трехгранной пикой затылок монолитовца. Выстрел.

Кирилл упал на колени между широкими раструбами, рванув вниз ручку рубильника. Четыре...

Из раструбов ударил голубой свет, накрыл Кирилла. Гул — предшественник выброса — резко оборвался, от внезапной тишины заложило уши. Три...

Курортник перемахнул через перила и приземлился рядом с Кириллом. Схватил его, чтобы оттащить в сторону.

Меня потянули за плечи назад, к убежищу. Я вырвался.

Два... Нет!

Кажется, я кричал, но не слышал своего голоса.

В голубом сиянии перед раструбами выделялись черными сгустками две фигуры. Курортник переместился вбок, и они слились в одно темное пятно.

Один...

Лучи ударили во все стороны, стирая краски, заливая пространство бело-голубым светом. Над установкой разрастался шар сияния.

Меня ударили по голове, дернули назад — и швырнули на пол.

Ноль.

Вспышка. Белые, прямые, как спицы, лучи рванулись внутрь убежища сквозь щели между дверью и уплотнителем. Щелкнул замок. Свет исчез.

Отмель и Пригоршня сползли на пол под дверью.

Наступила пронзительная, звенящая тишина.

Я лежал на цементном полу. Над дверью тускло светила лампа. Ее мерцание раздражало, я закрыл глаза. Что там, наверху? Бушует выброс, растет пузырь марева или просто настала тихая ночь? Мутанты пожирают трупы сородичей... А Леха и Кирилл сидят на пандусе, свесив ноги, и болтают о всякой ерунде.

Звон в ушах стих. Я сел. Царапины на лице саднили. Достал индивидуальный пакет, сорвал упаковку, промокнул кожу тампоном. Стиснул зубы — больно, порезы от когтей слепой собаки глубокие. Нужно обработать, возможно, придется накладывать швы. И как только эта тварь рыжая мне глаз не выпарала...

Поморгал. Вроде вижу нормально. Со стороны я, наверное, выгляжу как зомби какой-то.

Огляделся. Сидящий Отмель подпирает спиной дверь. Правой рукой зажимает рану на плече, в ногах Арден — голова на лапах, язык высунут. Химик в двух шагах возится с Григоровичем. Пригоршня разглядывает потолок. Дальше какие-то незнакомые люди под стеной. Убежище четырнадцатой лаборатории не слишком большое, внутри поместилось человек двадцать. Где-то там лежит Лесник...

Я повернулся — за мной сидел Кирилл, уткнувшись подбородком в колени и обхватив их руками.

Я выдохнул: «Леха там...» — шепот получился громким, — встал, и Отмель сразу сказал:

— Лабус, сядь. Сядь, я приказываю! По инструкции выжидаем час после выброса.

— Мне... — Я сглотнул. — Я...

— Сядь!

Раздались перешептывания.

— Не пугай людей.

Я поджал губы. Хотел разгладить усы, но рука застыла на полпути. Перед глазами стояла мутная пелена. Скрипнув зубами, я зажмурился и сел.

Но я ведь не видел, как погиб Леха. Никто не видел. И Кирилл'за спиной сидит. Живой.

Открыв глаза, я оглянулся, проверяя, не померещилось ли.

Пацан сидел в прежней позе. Может, уснул. Если спит, это хорошо. Это замечательно. В нем организм восстанавливается, набирается сил. Нервная система успокаивается.

Я сказал:

— Отмель, давай плечо посмотрю.

— Валяй, — вяло ответил он и убрал оружие с колен.

Я подсел к нему. Достал нож, чтобы разрезать лямки разгрузки и куртку вокруг раны.

— Как думаешь, установка сработала? Отмель мотнул головой:

— Лабус, давай не сейчас. Не надо.

Я срезал лямки, потом вспорол куртку. К нам подошел Химик, сел рядом, помог промыть рану. Он, похоже, был единственным, у кого рюкзак оказался при себе. А там и спирт, и контейнер с артефактами, и бинты.

— Как Григорович? — спросил у него Отмель.

Химик казался сосредоточенным и слегка отрешенным. Наверное, размышлял обо всем, что произошло, прикидывал что к чему и делал выводы. Он заговорил медленно, явно думая о другом:

— Многочисленные переломы и тяжелое ранение в живот. Бредит. Талдычит одно и то же про пулю какую-то и рубильник. — Сталкер достал из жилетки пластиковый цилиндр. Голубой свет полился сквозь стенки, выхватывая лица из темноты. — В руке сжимал, я еле вытащил. Вцепился...

Я вздрогнул. Возникла догадка: а ведь наш Кирилл знал все наперед! Взял «пулю» для зарядника из рюкзака Лесника. Перед глазами встала картина: кусты с пологом ржавых волос, на земле валяются примус, портянки, еще какие-то вещи, рюкзак вывернутый. «Пулю» искал тогда Кирилл. Знал, что Григорович не успеет... А может, простое совпадение? Нет. В Зоне не бывает совпадений. Все было предопределено. Все так и случилось. И Кирилл сознательно пошел на смерть. Ведь он ждал, не поворачивал рубильник. Ждал, когда сектант выстрелит. Когда придет время умереть. Чтобы похоронить вместе с собой ту тварь, что поселилась в нем... Но кое-что пошло не так — наверное, он думал, что Курортник спрыгнет к убежищу, а не бросится вытаскивать его, Кирилла, уже почти превратившегося в какое-то другое существо... Он плохо знал Курортника. Я тряхнул головой.

Потом. Выходят в госпитале Григоровича, буду говорить с ним.

Пока бинтовали Отмеля, я все боялся глядеть на часы. Боялся выйти на поверхность и одновременно жаждал этого. Два желания снова разрывали меня на части, я не мог выбрать. Как тогда, у траншеи: бежать на помощь Лехе или вскрыть дверь, привести в чувство Кирилла, набрать код...

Только тогда все решали секунды, а сейчас времени было предостаточно. И это мучило меня.

Пискнули часы Отмеля. Я дернулся.

Он поставил винтовку на приклад. Кряхтя и опираясь на ствол, поднялся. Арден вскочил, ощерился и часто задышал.

— Открываем. Всем прижаться к восточной стене. Пригоршня, Химик, встаньте по сторонам у входа. Я открываю, выхожу, Лабус сразу за мной. Если меня или Лабуса ранят, убьют или еще что-то такое произойдет... — Юра выдержал паузу, обвел взглядом убежище, — то дверь закрыть. Нас не втаскивать обратно. Всем ясно?

Сталкеры кивнули, из темноты раздалось несколько «да» вперемежку с «ясно».

— По команде «открываю»...

— У меня патронов нет, — произнес я. Пригоршня протянул мне магазин.

Я перезарядил пулемет. Отмель набрал код и повернул запирающие рычаги.

— Открываю!

Химик с Пригоршней подняли оружие.

Отмель распахнул дверь, выпрыгнул в траншею, я шагнул в проем. Почему так светло? Солнце ведь село давно. В проходе чисто. Отмель сидит, прижавшись здоровым плечом к двери.

Я забрался на бруствер и замер. Из рта валил пар. Я опустил пулемет. Ровно светили два прожектора с верхнего яруса установки. Над головой ночное небо, откуда падают крупные

хлопья снега. Кругом белым-бело. Снег спрятал трупы мутантов. Укрыл толстым одеялом пепелища. Снежинки кружились, посверкивая в желтых лучах.

Я посмотрел на установку, туда, где между двумя широкими раструбами остались Кирилл и Леха. Площадка была пуста. Конструкцию из хромированных балок, провода и агрегаты припорошило снегом. Никаких следов кругом. И ни мертвых, ни живых... Ровный белый ковер.

— Леха... — прошептал я. — Где ты? Нагнулся, зачерпнул горсть снега, приложил к лицу.

Растер. Кожу обожгло — это ерунда, потому что не видно, как слезы текут из глаз.

Ерунда.

Ерунда.

Эпилог **[Кирилл Войтковский]**

Кирилл, ты с нами? Я остановился на ступеньках, набрасывая куртку на плечи. Ребята ждали. Миниатюрная курносая Леночка с детскими косичками и долговязый серьезный Эдик. Коллеги из моего отдела, в который я совсем недавно влился, использовали любой повод, чтобы расспросить меня о Зоне и событиях на Янтаре.

В киевский офис Григоровича я попал три дня назад, и весть об этом за час облетела всю контору. На меня смотрели во все глаза в столовой, в коридорах, в комнату невзначай заглядывали незнакомые люди. Первые два дня я злился, чужое любопытство раздражало, но на третий ажиотаж поутих. Наверное, приструнил всех Сергей Грушко, зам Григоровича по общим вопросам. Всегда спокойный, рассудительный и в курсе всего, что творилось в отделах, он контролировал разработки и реализацию проектов. Это он уладил формальности с руководством завода в Кривом Роге, где я трудился до командировки в Зону, и с переездом в Киев помог.

— Нет, у меня дела.

— Ты же обещал... — Леночка обиженно поджала губы.

— Кирилл... — пробасил Эдик.

— Ну не могу. Извините, вправду дела.

Я сбежал по лестнице, толкнул массивную дверь и вышел на улицу. Светило яркое весеннее солнце, я зажмурился на мгновение. Над бульваром Лепсе — и кто такой этот Лепсе? — дул легкий ветерок, иногда проезжали машины. Пройдусь, пожалуй. На маршрутке от административного корпуса завода «Росток» до метро куда быстрее, но я пройдусь. Сегодня особый день. Сегодня я еду на Черепанову Гору, в Главный военный медицинский госпиталь.

Зеленела листва — скоро зацветет сирень. Я миновал заводскую проходную. Наверное, Григорович, как предприимчивый руководитель, не разделял производственную и исследовательскую базы, вот и наш офис примыкал к территории завода.

Город шумел — до конца рабочего дня далеко, мне некуда спешить. Грушко в курсе, что я еду в госпиталь, и предупредил зав. отделом.

Я зашагал к станции метро. Надо бы фруктов купить. Осмотрелся в поисках продуктового магазина. А, ладно, возле метро стоит супермаркет, туда зайду.

Странная все-таки штука жизнь. Пару месяцев назад я и не думал о переезде в Киев, Зона казалась далекой и неприступной. Люди, работающие внутри Периметра, были окружены тайной и недостижимы. И вот — я теперь один из них. Хотя в Зоне пробыл всего неделю. Я вспомнил, как в детстве ходил с мамой смотреть парад 9-го Мая. С мальчишками удалось пробраться к военной технике, которая ожидала начала шествия, какой-то офицер пропустил нас к бронетранспортерам. Мы залезли внутрь бэтэра, крутили ручки, трогали руль, с умным видом задавали вопросы солдатам в парадных мундирах... А потом в школе, когда рассказывали одноклассникам о параде и технике, чувствовали себя причастными к чему-то большому, словно прикоснулись к тайне. Очень схожие ощущения были сейчас — наверное, детские впечатления

самые яркие и невольно проводишь параллели, сравниваешь события. Только внимание со стороны друзей и новых коллег слегка угнетало — ясно же, что никакой я не герой. В Зоне попал в такой переплет... Теперь сам бы хотел разобраться в случившемся, вот и еду в госпиталь на эту встречу. Ладно, хватит мозги себе сушить, через час все выяснится.

Изменения в жизни мне нравились. Свадьбу, правда, пришлось отложить на неопределенный срок, но Надя не возражала, когда узнала, что мы переезжаем в Киев. Буду работать в крупной, успешной компании, одновременно учиться — поступлю в киевский Политех. Я решил идти по стопам Григоровича, подать документы на тот же факультет, что оканчивал мой руководитель. Иногда я задумывался: правильно ли поступаю, верно ли выбрал путь? И вообще, мое это решение или нет? Иногда чудилось, что в сознании появилось нечто новое, какая-то автономная область — второе «я». Оно определяло за меня, решало, а я был сторонним наблюдателем, всего лишь инструментом для продвижения к цели. Но потом второе «я» исчезало, и все это начинало казаться ерундой, игрой воображения.

От мыслей я очнулся в вестибюле метро, вспомнил, что проскочил супермаркет, пришлось возвращаться. Киев я еще плохо знаю, вдруг на Черепановой Горе не окажется магазинов. А без гостинцев в госпиталь как-то некрасиво.

* * *

Уютный двор, окруженный стенами песочного цвета, напоминал территорию дома отдыха. Наверное, так и должно быть. Больные и раненые, проходящие реабилитацию военные, спортсмены чувствуют себя здесь как на отдыхе, среди чистых дорожек, аккуратно подстриженных кустиков, сказочных елей и цветочных клумб.

Шум города стих, здесь спокойно и как-то умиротворенно, никто никуда не спешит, не суетится. Я отыскал отделение военно-полевой хирургии, накинув на плечи белый халат, поднялся на второй этаж. Рядом с лестницей стоял обшарпанный стол, за ним сидела пожилая дежурная. Налив из электрического чайника кипятку в стакан, старуха зыркнула на меня недоверчиво и проворчала: «Халат? Халат есть... В какую палатку?» Я назвал номер. Она бросила в стакан щепотку заварки и буркнула: «Проходи...»

Я отыскал нужную палату. Дверь была приоткрыта, но я не сразу вошел, сначала заглянул в щель.

Под потолком в углу висел большой монитор, на котором разворачивалось крупное сражение. Лязгали доспехи, сверкали сабли, грохотали выстрелы. Раздался недовольный голос Отмеля:

— Я говорил тебе, нужно наемников покупать и к противнику засылать. Они легкие, дешевые, ораву за пять минут наклепать можно... Надо разрушать коммуникации и связь в тылу. Балда! Они бы шахты и всех колхозников у прусаков захватили. А ты: «Башни строить! Наука и развитие! Золота мало!»

— Ресурсы беречь надо, а наемники взбунтоваться могли, — бросил Григорович.

— Да и хрен с ними, они ж в тылу взбунтовались бы. У противника. Вот тебе ресурсы, дождались, морской десант на юге высадили. Теперь все, хана. И башням хана, и производству. Артиллерию сейчас подтянут и с галер центр города разнесут...

— Я линкор построю. Два, — парировал Григорович.

— Не успеем.

— Посмотрим...

Григорович и Отмель резались в «Казаков» по сети, в мультиплеере. Хотелось досмотреть, чем кончится битва под руководством двух стратегов, но я по себе знал, что так до ночи можно провоевать. А меня дома Надя ждала. Я кашлянул и постучал в дверь. Послышался стук пальцев по клавиатуре, лязг и выстрелы смолкли.

— Да-да?

Потянув дверь на себя, я шагнул в палату.

— Здравствуйте.

Отмель сидел на кровати у окна, укрыв ноги одеялом. Левая рука в фиксирующей повязке,

правая застыла на тумбочке, под ладонью компьютерная мышка. Рядом башенка системного блока. Напротив на кровати сложной конструкцией, с рамой и нитями-растяжками, полулежал Григорович. Одна нога в гипсе до бедра. Бинты на руках скрывают плоские шины, локти оттопырены. В такой позе ни на бок лечь, ни толком повернуться, да и полностью не вытянешься. Пальцы зато свободны — зависли над клавиатурой, лежащей на маленьком прикроватном столике.

— Привет, — сказал Отмель.

— Заходи, Кирилл, — кивнул Григорович. — Вот, врачи велют пальцы разрабатывать. И скучно тут... А Отмель за начальника штаба у нас.

— Фруктов вам привез, — показал я пакеты. — Куда поставить, где помыть?

— Вон раковина. — Отмель отбросил одеяло, встал.

— Как вы?

— Нормально. — Он заглянул в один пакет. — Высыпай все в раковину.

В кране зашумела вода. Отмель сполоснул пару яблок и подошел к кровати Григоровича.

— Кусай, наука.

Ученый с хрустом надкусил сочное яблоко и с довольным видом стал жевать.

Я мыл фрукты, поглядывая на этих двоих, и думал: -ну вот, все в порядке, Сергей Константинович выздоравливает, улыбается, румянец на щеках и яблоки с удовольствием ест. Отмель, правда, какой-то серьезный, наверное, все военсталы такие, положение обязывает или натура такая у него...

Отмель сел на койку.

— Ты поднос сполосни. Вон, возьми, — он указал на подоконник, — выкладывай и тащи на тумбочку.

...Когда я уселся на койку рядом с Отмелем, возникло неловкое молчание. Я потер колено, поправил полы халата и, взглянув на дверь, спросил:

— Что врачи говорят?

— Нормально все, — жуя второе яблоко, ответил Отмель. — Чего они скажут... Лечат. Хорошо лечат, так, Серега?

— Угу, — буркнул Григорович. — Ай! — Он зашмыгал носом. — Почеши нос скорей! Ай, чешется...

Отмель встал, зажал ученому нос и сделал несколько энергичных движений пальцами, будто соль в кастрюлю щепоткой сыпал.

— Вот так и живем, — хмыкнул он, возвращаясь на место. — Я у него за няньку, за медсестру и за мамку. Выпишут меня скоро, что делать будешь?

— А персонал? — спросил я.

— Чего персонал, они ж постоянно у изголовья сидеть не будут. Жениться тебе, Серега, надо. Во! Глянь на лабора... на Кирилла. — Отмель хлопнул меня по плечу. — Свадьба у парня скоро, хотя молодой совсем, уже нашел себе... чтобы нос ему чесала. А у тебя, наука, всё пробирки да колбочки, кванты-наночастицы... Чего ржешь?

Я невольно улыбнулся, глядя на Григоровича. Тот снова ойкнул — видимо, ему было больно делать резкие движения.

— Я ж серьезно. Вон Светка, медсестра, сохнет по тебе, а ты...

— Юра, хватит. Хватит, не могу... Черт, из-за тебя же здесь дольше проваляюсь. Уж лучше бы тебя скорее выписали.

Отмель хмыкнул:

— Кусай, — и протянул ему яблоко. — И ты, Кирилл, ешь.

Я взял апельсин с подноса, стал чистить. И тут только понял: мы кого-то еще ждем.

В коридоре послышался шум. Заголосила скрипучим голосом дежурная:

— Халат! Говорю: халат где? Хрыч усатый... и ходють, ходють. Халат удювай!

Старуха взяла кого-то в оборот и вела активное наступление по всему фронту. Ее скрипучий голос почти полностью заглушал чьи-то слабые отнекивания и робкие словесные попытки избежать столкновения. Наконец в палату спиной скользнула коренастая фигура в полевой форме.

— Говорят те!..

Вошедший не успел захлопнуть дверь — в щель влетел белый ком ткани, опутал голову седым ежином волос. Из коридора донеслось:

— Удювай, паразит! — Послышалось нарочито громкое победное шарканье дежурной.

— Дает Николавна. Ух! — Отмель щелкнул пальцами.

— Вот мапуша, — выдохнул Лабус, стаскивая халат с головы. — Шкворчит, как псевдоплоть. Здорово всем.

— Заходи, Константин.

— Привет.

— Здравствуйте.

Лабус перекинул халат через плечо, обвел палату взглядом.

— А ничего у вас. Жить можно. Сергей, эх у тебя какая тахта... Как тут? Куда?.. — Он поднял за лямку небольшой рюкзак.

— В раковину, — сказал Отмель. — Кирилл, помоги ему.

Лабус пожал мне руку. Потом подошел к Григоровичу и потербил его за палец. Подмигнул мне, обменялся рукопожатием с Отмелем.

Вид у Лабуса был не очень: возле глаз залегли морщины, лоб и щеку рассекли глубокие борозды порезов.

Кожа только зарубцевалась, розоватая — это его, кажется, слепой пес на Янтаре отметил. Сейчас это был совсем другой человек, не тот, которого я видел в лагере, когда он дрался с мутантами и монолитовцами. Не такой воинственный и жесткий.

— Помочь? — Я кивнул на рюкзак.

— Давай. — Лабус покрутил головой, выискивая, куда бы присесть, и опустился на кровать рядом с Отмелем.

— Какие новости, Костя? — спросил тот.

Я распаковал рюкзак, поглядывая на них. Отмель запахнул ноги одеялом. Лабус положил руки на колени и сказал:

— А что рассказывать... Я включил воду и стал доставать пакеты из рюкзака.

— Карп на Янтаре рулит. Вашего возвращения ждут. После того боя по приказу начальника штаба к лагерю два отряда стянули, транспортники перекинули четыре машины огневой поддержки. Территорию зачистили в радиусе пяти километров от озера...

Я вынул газетный сверток — судя по запаху и жирным пятнам на бумаге, копченая рыба внутри. И запах был очень вкусный, я сглотнул.

— Ходят слухи — лагерь с Янтара совсем снимут. Это я услышал, пока снова в особом отделе зависал...

— Сталкер сталкерис люпус эст, — пробормотал Отмель, глядя поверх моей головы.

— А это куда? — показал я сверток.

Лабус вопросительно взглянул на Отмеля. Тот перекинул подушку на подоконник, забрался с ногами на кровать и сказал:

— Тащи сюда. Костян, фрукты на одеяло. Кирилл, всю снедь мясную на поднос. — Вынул из тумбочки пустой ящик, тряхнул и отдал Лабусу. — Остальное сюда, газеткой только простели.

— Ага.

Лабус помог перетащить угощение на тумбочку. Достал из рюкзака две оплетенные бутылки с сургучом на горлышке. Должно быть, дорогое вино.

— Вот. С Лехой берегли на дембель. — Костя коснулся пальцами шрамов на лице.

Отмель глядел в окно, Григорович в потолок. Я присел на край кровати.

— Ну, — встрепнулся Лабус и потянулся к бутылке, — чего это мы? За встречу.

Он сломал сургуч и сорвал обертку, продавил пальцем пробку в горлышко. Разобрал стопку из пластиковых стаканов. Забулькало. По палате разошелся пряный запах.

— Хорошее вино, — сказал Отмель. — Тебе чуть-чуть, — он поднес к губам Григоровича стакан.

— За встречу, — повторил Лабус, чокнулся со всеми и выпил.

— Радионуклиды хорошо выводит, — заметил Григорович.

Отмель кивнул и передал гроздь винограда Косте. Тот сорвал пару ягод, отправил их в рот. Снова тронул шрамы на лице.

— Да не мнись ты. — Отмель вновь наполнил стакан. — Говори все как есть. Мы ж с Серегой, пока здесь прохлаждаемся, столько уже обсудили... теперь других послушать хотим. У меня в голове каша, никак не могу разобраться, что к чему.

Костя помолчал и медленно заговорил:

— Значит, мы во времени перенеслись. Когда ты у люка в подземный ход спросил, зачем мы из «Гуантанамо» с Лехой сбежали...

— Не просто во времени, но и в пространстве, — уточнил Григорович.

— Ну да, — кивнул Лабус, — и в пространстве. Я как в мареве оказался, сразу подумал: куда это снег пропал? А вот какое дело приключилось. Ну, в общем...

— Что еще за марево? — поинтересовался Отмель. — Давай стакан.

— Сейчас, обожди. — Костя потер переносицу, погладил пятерней ежик на голове. — Щас, трудно мне обо всем этом, мысли разбегаются...

— Лучше я начну... — заговорил Григорович. — А ты, Лабус, добавишь или поправишь.

— Да, — согласился военстал с видимым облегчением и поставил стакан на тумбочку.

Григорович попытался сесть ровнее, оглядел нас по очереди и размеренно заговорил:

— Отматываем на полгода назад. Все началось осенью, когда Цыган зашел на Янтарь. Этот сталкер любит использовать в Зоне всякую навороченную технику — нетбук таскает, сканер, даже спутниковой тарелкой как-то хвастался... Сведения, которые он мне приносил, почти всегда подтверждались. Как следопыт он неплох, мы давно негласно сотрудничаем. В тот раз Цыган принес обгоревшую папку с ведомостями и чертежами и несколько носителей информации. Флеш-карту — она хорошо сохранилась, и два раздолбанных ПДА, с одного так ничего и не сняли. Самыми ценными оказались десяток лазерных дисков и контейнер с каким-то желе внутри. Сталкер прочесть ничего не смог на нетбуке, потому принес все нам, денег особо не просил, так как не знал, что принес. А контейнер вообще задаром отдал. Суеверия ему и принципы какие-то плату взять не позволили. — Григорович облизал пересохшие губы. — Рассказал, что побывал на краю большого Могильника, и там нашел заброшенную военную лабораторию...

— Не уточняй, — перебил Отмель и слез с кровати. — Сока глотни.

Григорович выпил, Отмель уселся обратно.

— Мы расшифровали все. Даже обгоревшие документы частично восстановили. А на дисках были чертежи и компьютерная модель установки, которую Кирилл запустил во время боя.

Я поднял голову, когда услышал свое имя. Все посмотрели на меня.

— Не я... не я запустил. Это был другой Кирилл.

Когда мы выбрались из убежища после атаки монолитовцев и прибыли первые вертолеты, Отмель всех отправил за Периметр. Пока летели, Лабус сбивчиво рассказывал историю, приключившуюся якобы со мной. А потом неожиданно сменил тему, стал говорить, как вести себя на допросе у особистов, велел поменьше болтать, адрес мой взял и обещал разыскать, когда появится возможность. Только у меня в голове ничего не укладывалось, я не представлял, как такое могло произойти, да еще со мной. Я запомнил серое лицо Лабуса и глаза, полные боли. Он кого-то потерял в том бою — друга, кажется. Вот и сейчас у него такой же взгляд... А на допросе я рассказал только то, что видел, и контрразведка решила не цепляться ко мне — что им до какого-то слесаря КИПиА?

— Давай, Серега, дальше, — сказал Отмель. Лабус налил себе вина, медленно отпил. Григорович продолжил:

— Когда я разобрался, как можно использовать вырожденное вещество в «пуле-квант», проект засекретили. Я обкатал компьютерную модель и стал размещать заказы на разных заводах, чтобы узлы независимо друг от друга изготовили. — Григорович вздохнул: — Секретность. Установку почти собрал, только ГСК осталось получить. И еще — «пуля» у меня была всего одна, та, что Цыган принес. А...

— Обожди, — перебил Лабус. — Вырожденное вещество, «пуля»... Подробнее можешь? Григорович посмотрел на Отмеля, и тот кивнул.

— «Пулю-квант» сделали в той лаборатории в Могильнике. У субстанции внутри атомные ядра лишены глюонных связей. «Вырожденное вещество», вот как эта штука значилась в документах из лаборатории. Его выработали в небольших количествах при помощи живых аномалий под названием «глюонный субстрат»...

— Видели их как-то, — вставил Лабус. — С Лехой видели. Эти твои «живые аномалии» на наш отряд напали и Карла сожгли...

Он хотел что-то еще сказать, но не стал. Григорович заговорил вновь:

— Я до сих пор не знаю, что это была за лаборатория, кому принадлежала. По словам Цыгана, ее давно покинули, причем в спешке, судя по всему. Так или иначе, там вырожденное вещество поместили в контейнеры — по документам их значилось семь штук. Но Цыган нашел только один. Он сказал, скорее всего до него там уже успели побывать другие сталкеры, хотя и немногие. Так или иначе, остальные контейнеры разошлись по Зоне. Без «пули-квант» моя установка — куча металлолома...

— «Пуля-квант» — прозрачный контейнер с этим веществом? Похож на гильзу от тридцатимиллиметрового снаряда и внутри что-то типа желе, светится? — уточнил Лабус.

— Да. А моя установка поглощает аномальную энергию. Если собрать мобильный вариант, можно как по автобану Зону проехать — плевать на аномалии. Еще выброс... Его природа неизвестна, но компьютерная модель показала, что можно и выброс погасить.

— Так. — Лабус тряхнул головой. — Значит... и Зону можно стереть?

— Ага, — кивнул Отмель. — Потушить, как костер. Без подпитки от выбросов мутанты, сектанты, артефакты — пшик.

Лабус снова тряхнул головой и обратился к Григоровичу:

— Ты можешь мне доходчиво объяснить? С момента... ну, когда это марево появилось, или как его назвать?

— Называй как хочешь. — Григорович двинул рукой, ойкнул, поморщился. — Моя вина, что марево образовалось. Точней, пространственно-временная петля. Юра мне рассказал про тебя и Курортника еще в лагере, до сигнала о выбросе, мол, сбежали вы из «Гуантанамо» — я значения не придавал, голова установкой была занята. Только здесь уже разобрался что к чему. Во всяком случае надеюсь на это. — Ученый замолчал.

Отмель решил, что он хочет попить, налил сока и опять слез с кровати.

— Долбаная секретность! — Григорович отмахнулся, скривился от боли. — Столько людей положили. Сядь ты, не хочу я пить. ГСК в срок не доставили, я самоделку вместо него изготовил, хреновая конструкция вышла. Кирилл, правда, хорошо помогал...

Военсталы посмотрели на меня.

— Сергей Константинович, я знаю, где в схеме была ошибка, — сказал я, глядя в пол.

— Я тоже, не твоя вина, моя. Не суть. Петля возникнуть могла по двум причинам: во-первых — опоздали с запуском, во-вторых — вместо ГСК использовали собранный прямо на Янтаре самодел. Дальше что выходит? Осознание штурмует лагерь. Почему? Узнали об установке.

Все кивнули. Заговорил Отмель:

— Протекло, когда ты заказ среди сталкеров на «пулю» разместил.

— Верно. ГСК, то есть зарядника, самого важного узла установки, у меня еще не было. «Пуля» в единственном экземпляре. Допустим, Осознание узнаёт об установке, для них это катастрофа. Штурмует лагерь — из-за этого я запускаю установку слишком поздно, уже после начала выброса. Плюс ошибка в схеме. Каким-то образом энергия выброса взаимодействует с вырожденным веществом... А дальше я не понимаю, как все происходит. Тут и Академия наук не разберется.

— Да черт с ней, с Академией, — буркнул Лабус.

— Да уж. Короче говоря, из-за всего этого происходит локальное нарушение континуума. И от него, от эпицентра, по пространству-времени расходится рябь...

— Волна, — сказал Лабус. — Мареву...

— Ага. Из эпицентра таким образом сбрасывалось напряжение. Вы в то марево попали, да? И какие ощущения? Что при переходе чувствовал, как это было? — забросал его вопросами Григорович.

— Да подожди ты! — перебил Отмель. — Потом это. Что дальше, наука?

— Дальше Лабус и Курортник приносят ГСК...

— Пригоршня нес, — поправил Лабус.

— Тот здоровый лось, что с вами пришел? Сталкер-одиночка? — уточнил Отмель.

— Был одиночка. Думаю, теперь он с Химиком спелся, это второй, любитель артефактов...

— Вы меня слушать будете? — недовольно произнес Григорович.

Военсталы замолчали.

— Не важно, Пригоршня, Химик, Лесник... Кстати, у охотника «пуля» имелась, он сам мне рассказал, и нес он ее на Янтарь — я за эту штуку хорошую плату обещал. Выходит, Лабус, так... В установке неполадка, плюс из-за нападения монолитовцев мы с Кириллом ее не вовремя включаем. Происходит катастрофа. Кирилла отбрасывает... ну, как бы в сторону — и во времени и в пространстве. От эпицентра расходится марево, нарушения континуума. Вы с Курортником, Пригоршней и Кириллом попадаете в одну из волн, и она вас переправляет в прошлое — во время незадолго до всех этих событий. То есть до того, как мы с Кириллом включили установку. Но теперь у вас есть ГСК. И вы, не зная, что это, приносите зарядник к нам. Вовремя приносите. На этот раз Кирилл — тот, второй, который попал во временную петлю, — успевает, вставив заводской ГСК, запустить установку за секунду до выброса... И тем самым изменяет поток событий.

— Но почему меня... то есть второго Кирилла отбросило? — не удержался я. — Как отбросило, куда отбросило?

Григорович пожал плечами:

— Спроси чего полегче. В первый раз, когда произошел неправильный запуск, когда марево появилось, людей, мутантов, аномалии, что в эпицентре находились, выбрасывало на ряби континуума — кого к Периметру, кого... не знаю — в центр Зоны, за пределы Зоны... на Луну. И в разное время — на день назад, на два, на год, а может, и больше. И не только в прошлое — в будущее тоже.

— Значит, мы нашли Кирилла в южном секторе, — Костя морщился и потирал лоб, — и это был тот Кирилл, которого вышвырнуло из эпицентра ряби поел неправильного включения установки. Так ведь? Мы нашли его, перехватили Пригоршню, выходящего из Зоны, ГСК он припрятал, мы его из нычки забрали, стали выходить за Периметр и...

Отмель залпом опустошил стакан с вином.

— Ну, чего замолчал?

— Не сбивай — думаю. Помнишь, Юра, ты сильн удивился, что мы встретили Давыдова? Он выкрал у нас Кирилла. Сам стал тварью какой-то с ментальными способностями, что-то наподобие контролера. И из Кирилла такого же сделал.

У меня по спине пробежал холодок. Они говорил обо мне... и в то же время о каком-то другом человеке.

— Кирилл сильно изменился за пару суток. — Лабус покосился на меня. — Аномалии стал чувствовать, мутантами управлять. Я сам видел. Он спас сталкеров от псевдогиганта и установку запустил. Вот только... ломал он внутри себя что-то, боролся. С чем? С кем?

Трудно было слушать рассказ про себя, не помещалось услышанное в голове. Я встал и налил себе вина. Выпил.

Лабус повернулся к Григоровичу:

— А в каком времени мы сейчас?

— Черт его знает. В нормальном. Представь дерево, яблоню. У основания толстый ствол, а в метре от земли раздваивается — одна ветвь к солнцу обращена, плоды дает сочные, растет ввысь. Другая болеет, умирает. Ее можно попытаться вылечить, но лучше срезать, чтобы не заболело все дерево. Так и со временем.

— Выходит, что где-то... в другой ветви остались Леха и Кирилл?

— Да, возможно.

— А ты можешь повторить эксперимент? — неожиданно спросил Костя.

— Рехнулся, Лабус?! — удивился Отмель. Костя не слушал его.

— Сможешь?

Я медленно поднялся и отошел к окну.

Не может такого быть, в голове не укладывается, какой-то параллельный мир, в котором существую другой я. Другой...

И частица его жила во мне. Это было мучительно: казалось, совсем недавно со мной происходили какие-то события, они прятались в глубине памяти... Но я не мог вспомнить их. Не мог, как ни пытался.

— Не буду повторять. Извини, Лабус, — как приговор произнес Григорович.

Костя встал, кивнул. Достал из внутреннего карман белый прямоугольник и подошел ко мне.

— Вот, — он протянул фотокарточку. — Он хотел вытащить тебя. Тебя другого. А ты... ты...

Военстал развернулся и, не прощаясь, вышел из палаты.

Вечерело, на двор за окном напоззали тени. Смогу я вспомнить всё? Нет. Просто потому что другого меня в этом мире больше не существует. Его поступки — это его поступки, не мои. А я смогу совершить что-то такое? Его — другого Кирилла — изменили обстоятельства, но я не прошел через то, через что прошел он... Смог бы я спасти Янтаре, залезть на установку, остаться под выбросом? Не знаю.

Я повернулся. Отмель с Григоровичем молчали.

Фотография выскользнула из пальцев, я подхвати ее. Рассмотрел. Черно-белая любительская карточка на ней два военных сталкера в полевой форме, улыбаются. У одного ямочки на щеках, темные волосы, второй с жесткими плотными усами, взгляд хитрый, в волосах седина. Его зовут Лабус, а первого я не знаю, видел его только на Янтаре, мельком, но мне почему-то кажется, что нас многое связывает. Будто другой «я» частица которого все же поселилась в моей памяти, под сказывает мне: ты знаешь этого человека, но никогда вспомнишь его.

Конец.

